

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Wynne Cotton

1914—1997

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

ЮРИЙ СОТНИК

ВОВКА ГРУШИН И ДРУГИЕ

Рассказы

Рисунки Е. Медведева

МОСКВА
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
2001

УДК 820/89-93-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С67

Предисловие редакции

Послесловие
В. Коржикова

Сотник Ю. В.
С67 Вовка Грушин и другие: Рассказы/Рис. Е. Медведева; Послесл. В. Коржикова. — М.: Дет. лит., 2001. — 224 с.: ил. — (Школьная б-ка).

ISBN 5-08-003809-8

В книгу вошли известные рассказы, написанные Ю. Сотником в разные годы: «Архимед» Вовки Грушина», «Как я был самостоятельным», «Дудкин острит», «Внучка артиллериста» и др. Рассказы эти иногда веселые, иногда грустные, но всегда очень поучительные.

УДК 820/89-93-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Издательство «Детская литература». Оформление серии, 2001
© Издательство «Детская литература». Сост., предисл., 1998
© Ю. Сотник. Текст, наследники
© В. Коржиков. Послесловие, 1998
© Е. Медведев. Рисунки, 1998

ISBN 5-08-003809-8

Об авторе и его героях

Юрий Вячеславович Сотник (1914 — 1997) родился во Владикавказе, потом его семья переехала в Москву.

Закончив школу, Юрий Сотник много ездил по стране, работал сплавщиком на реке Лене, рыбачил, был фотолаборантом. Он много повидал и начал писать рассказы. В 1938 году вступил в творческое объединение при издательстве «Советский писатель», стал серьезно учиться литературному делу.

Первые рассказы принесли Юрию Сотнику известность и признание читателей. Веселый выдумщик и фантазер, он придумывал смешные и поучительные истории для детей, утверждая их право быть такими, какие они есть, — озорными, непослушными, готовыми на самые неожиданные выходки. Детство — это драгоценный дар, воспоминания о котором человек пронесит через всю жизнь. И важно вовремя направить в нужное русло кипучую

детскую энергию, которая приводит иногда к самым непредсказуемым поступкам. Именно такие неожиданные ситуации и описывает Юрий Сотник в своих произведениях.

Придумывая для героев смешные ситуации, писатель вовсе не высмеивает их. Юмор и мягкая ирония, иногда лукавая усмешка автора помогают читателям лучше понять мотивы их поступков. «Маленькие герои Сотника, оттого что мы постоянно смеемся над ними, кажутся нам еще более живыми, реальными, настоящими. Словно мы не в книжке прочли про них, а долго жили рядом, в одной квартире или в одном дворе» — так писал о героях книг Ю. Сотника известный литературовед Борис Сарнов.

За долгую творческую жизнь Юрий Вячеславович написал несколько десятков книг. Рассказы, которые включены в эту книгу, уже давно по праву входят в золотой фонд детской литературы.

«АРХИМЕД» ВОВКИ ГРУШИНА

Я решил записать эту историю потому, что, когда Вовка станет знаменитым, она будет представлять большую ценность для всего человечества.

Я сам лично принимал участие в испытании одного из Вовкиных изобретений. Мне за это здорово нагорело от матери и пионервожатых.

Началось все это так.

Андрюшка, его соседка Галка и я готовились к экзамену по географии. Мы сидели в комнате у Андрюшки. Нам очень не хотелось заниматься. За окном было лето, выходной день, а у подоконника на карнизе прыгал воробей, чирикал и точно говорил нам: «Не поймать, не поймать вам меня!» Но мы даже не обращали внимания на воробья и спрашивали друг у друга названия союзных и автономных республик.

Вдруг раздался звонок. Через несколько секунд с треском распахнулась дверь комнаты. Пошатнулась этажерка, полетел на пол стул.

Воробей в испуге слетел с подоконника... Это пришел Вовка Грушин. Он прищурил свои близорукие глаза и громко спросил:

— Готовитесь?

Вовка, маленький, востроносый, со стриженной под первый номер головой, сам походил на воробья, который мешал нам заниматься. Галка сердито уставилась на него и очень строго ответила:

— Да, готовимся.

— А мне некогда готовиться, — сказал Вовка.

— Ну и провалишься! — буркнул Андрюшка.

— А мне некуда больше проваливаться. Я и так уже провалился по двум предметам!

Галка так и заерзала на своем стуле:

— И он еще радуется!

Вовка вздернул острый, успевший облупить-ся от загара нос:

— А ты почему знаешь? Может, мне стоило получить переэкзаменовку.

Галка уставилась на Вовку:

— Это ради чего же стоило?

— Ну, хотя бы ради одного изобретения.

— Какого?

Вовкино лицо стало непроницаемым:

— Это тайна.

У Вовки что ни изобретение, то роковая тайна.

Мы знали это и не стали расспрашивать. Он быстро, огромными шагами начал ходить по комнате.

— Я к вам на минутку. Андрюшка, дай мне твои плоскогубцы, мои сломались. Это, понимаешь, такое изобретение, такое изобретение!.. Я сегодня еду на дачу... буду там работать.

Досада — средств не хватает! Я три месяца в кино не ходил: все копил средства. Вот увидите, все газеты будут полны!.. Где достать трубу метра в три длиной? Не знаете? Жаль!.. На этой штуке можно будет хоть вокруг света объехать...

— Самолет? — спросил Андрюшка, передавая Вовке плоскогубцы.

— «Самолет»! Чудак ты... Получше будет!.. Я за это лето построю...

Тут он вспомнил, что это тайна, и прикусил язык.

Галка спросила его с надеждой:

— А тебе, наверно, здо-орово попало за то, что ты получил переэкзаменовку?

— Попало... Главное, не надо никакого топлива!.. Ну, пока, товарищи! Масса дел. В лагерь едете?.. А я не поеду. Родные послали, а я наотрез отказался.

— А за это попало? — спросила Галка.

— Ну и что ж! — отвечал Вовка. — Я все равно отговорился. В лагере мне нельзя работать.

— А в техкружке?

— Чепуха! В техкружке всякие модельки строят, а у меня — мировое дело... Ну, пока! Пошел. Да!.. Чуть не забыл! Мы сняли дачу в двух километрах от лагеря. Буду заходить. Только не болтайте никому. Это такое дело, такое дело!..

Размахивая руками, Вовка пятился к двери, пока снова не ткнулся в этажерку, на этот раз так сильно, что с нее упал гипсовый бюст Архимеда. Вовка подхватил его на лету.

— Это кто? — спросил он.

— Архимед, — ответил Андрюшка.

— Гм! Архимед... Архимед... Это, наверно,

какой-нибудь знаменитый человек...— Вовка помолчал, разглядывая бюст.— У него симпатичное лицо, у этого Архимеда. О! Вот увидите, это имя благодаря мне станет дважды знаменитым!

— Не какой-нибудь знаменитый...— начал было Андрюшка, но Вовка уже скрылся.

Галина постучала себя карандашом по лбу и посмотрела на нас.

...Как только наступили каникулы, мы переехали в лагерь. Мы прожили там десять дней, а Вовка не появлялся. Только на одиннадцатый день мы встретились с ним при загадочных обстоятельствах.

На маленькой речке возле лагеря у нас име-

лись две плоскодонные лодки. Наши техкружковцы переоборудовали их в крейсера «Аврора» и «Марат».

С боков у лодок были сделаны гребные колеса, которые приводились в движение руками. На носу у каждого крейсера возвышалась броневая башня из фанеры. Там мог поместиться человек, если сидеть на корточках.

Иногда мы устраивали морские игры. Происходило это так. Человек восемь занимали места на «Авроре», и десяток — на «Марате». Все вооружались жестяными кружками.

Река возле лагеря была неглубокая, не больше метра глубиной. Суда маневрировали друг возле друга, ребята черпали кружками воду и

выплескивали ее в «противника». Дым стоял коромыслом! Каждую секунду десятки кружек воды выплескивались в лодки; на обоих берегах орала ребятя, разделившиеся на «красных» и «синих». Кончалось тем, что одна из лодок шла ко дну. Экипаж ее, фыркая, выбирался на берег. Тогда деревянный «крейсер» всплыл и его уводили победители.

В тот день я был на «Авроре». «Марат» подошел вплотную и взял нас на бордаж. После ожесточенной схватки шестеро из нас оказались за бортом. «В живых» остались только Галина и я. Мы бросились удирать. Голосащий «Марат» следовал за нами метрах в пяти. Я вертел колеса так, что от меня пар шел. Толстая Галка пыхтела на корме и плескалась из кружки, целясь в лицо капитану «Марата».

Вдруг капитан «Марата» взял длинную веревку, сделал из нее петлю и накинул ее на Галку. Та закричала. Не разобрав, в чем дело, я завертел колеса еще быстрее. Галина, конечно, выбыла из строя. Только брызги полетели!

Я перестал вертеть колеса. «Марат» подошел вплотную. Капитан его заявил, что берет нас в плен. «Неприятельские» матросы подтянули на аркане Галину и втащили ее к себе.

— Все в порядке, — сказал мне капитан. — Принимай буксир!

Но тут мы услышали, что кто-то продолжает плескаться у борта. Я оглянулся: это был Вовка Грушин. Он отплеывался и тихонько ругался.

— Вовка? Ты откуда?

— Из воды, — ответил он. — Вы меня сбили с моего плота. Во-он мой плот. Догоните его!

По речке медленно плыли два плохо связанных бревна...

«Марат» подошел к лагерю. За ним на буксире тащились «Аврора» и Вовкин плот.

Капитан «Марата» рапортовал начальнику штаба «синих»:

— Крейсером «Марат» под моей командой захвачено неприятельское судно «Аврора» вместе с остатками экипажа. Кроме того, арестована подозрительная личность, разъезжавшая вдоль побережья на двух бревнах будто бы с целью исследования фарватера.

Старшая вожатая Леля поманила Вовку к себе:

— Ну-ка, подозрительная личность, подойди сюда!

Вовка подошел. Их окружили ребята.

— Скажите мне, подозрительная личность, вы, кажется, живете недалеко от лагеря?

— Два километра.

— А можно узнать, почему вы забыли о своем отряде?

— Я не забыл. Я просто очень занят.

— Чем, позвольте спросить?

— Я работаю над большим изобретением. Я, Леля... Я, понимаешь... Нет, ты ничего не понимаешь!

— Да, я не понимаю, — серьезно сказала Леля. — Я не понимаю, почему надо становиться отшельником, когда что-нибудь изобретаешь, почему не работать в техкружке над своим изобретением, почему надо отделяться от своих ребят, с которыми столько лет проучился... Ну, скажи мне, что это за изобретение?

Вовка оттянул резинку промокших оранжевых трусов и щелкнул ею себя по животу:

— Это тайна.

Ребята тихонько засмеялись.

Леся хотела удержать Вовку, но он ушел, пообещав прийти па днях.

Прошло уже две недели, а Вовка не появлялся.

Однажды на костре о нем поставили вопрос. Говорили, что он отошел от коллектива, говорили, что он увлекается всевозможными фантастическими проектами, и еще многое говорили и наконец постановили снарядить экспедицию для розыска Вовки, которая должна его доставить в лагерь для разговора. Экспедицию составили из Галки и меня, потому что мы самые близкие его приятели.

На другой день утром мы запаслись бутербродами и тронулись в путь.

В двух километрах от лагеря было три поселка. Мы не знали, в каком из них живет Вовка. Но нам повезло: в первом же поселке в саду одной из дач мы увидели на ветке березы оранжевые Вовкины трусы и тут же услышали голос его матери. Она издали закричала нам:

— Наконец-то пожаловали! Владимир у них целыми днями пропадает, а они даже носа не покажут!

Мы растерянно переглянулись. Я начал было:

— Как... а разве...

Но Галка толкнула меня в бок. Ничего не понимая, я замолчал.

— Что он у вас там делает? — спросила Вовкина мама.

Галина, размахивая руками, стала смущенно объяснять:

— Да-а... вообще... Вы же знаете... У нас там очень интересно... Всякие игры, и все такое...

Вовкина мама как-то странно на нас посмот-

рела и больше ни о чем не расспрашивала. Она хотела угостить нас земляникой, но мы поблагодарили ее и ушли.

По дороге в лагерь мы долго шли молча. Наконец Галина сказала:

— Факт! Вовка говорит родным, что он уходит в лагерь, а сам идет работать где-то над своим изобретением. Интересно...

Она не договорила. В конце просеки, по которой мы шли, показался Андрюшка. Он быстро семенил нам навстречу. Подойдя к нам, он отрывисто сказал:

— Вышел вас встречать. Получил письмо от Грушина.

Я взял у Андрюшки письмо и стал читать вслух:

— «Андрюшка!

Я пишу тебе, Сережке и Галке, как своим близким друзьям. Сегодня в полночь решается моя судьба. Я испытываю свое изобретение, на которое истратил все свои сбережения и ради которого, может, останусь на второй год.

Мне нужна ваша помощь, и, если вы мне друзья, вы мне не откажете. Возьмите свои броненосцы и ровно в полночь приезжайте на то место, где мы с вами столкнулись. Пароль — «Архимед».

Если вы мне друзья, вы это сделаете. Если вы кому-нибудь сболтнете, это будет подлость с вашей стороны.

Грушин».

Прочтя письмо, мы долго молчали. Потом Андрюшка проговорил:

— А вдруг опять ракетный двигатель?

Это Андрюшка вспомнил историю с моде-

лью ракетного автомобиля. Когда мы навещали после аварии Вовку в больнице, он нам объяснил, что взрыв произошел из-за ошибки в конструкции, и обещал переделать автомобиль.

Долго мы сидели под ветками сосны у придорожной канавы, шевелили, как тараканы усами, зажатými в зубах травинками и думали, как быть. Удрать из лагеря ночью — за такое дело можно вылететь из отряда. Выдать Вовкину тайну было бы не по-товарищески. Но если Вовка опять строит ракетный двигатель, то может произойти несчастный случай, и его нельзя оставить одного.

За лесом заиграл горн. Это в лагере звали к обеду. Мы поднялись с земли.

— Так как же? — спросил Андрюшка.

Галка стряхнула соринки, приставшие к юбке. Вдруг она покраснела и ни с того ни с сего разозлилась:

— Вот дурак!.. Ну какой же он дурак!..

Андрюшка задумчиво проговорил:

— Почему ты знаешь? Многих изобретателей сначала считали дураками, а потом оказывалось, что они гении.

И Андрюшка посмотрел на Галку своими большими глазами. Видно было, что ему очень хотелось помогать Вовке. Я тоже был не прочь. Я занимался в литературном кружке, и наш руководитель говорил, что если хочешь быть писателем, то нужно все видеть и все испытать.

— Ну? — спросил я Галку.

Галка набросилась на меня:

— «Ну, ну»! Вот если попадемся сегодня ночью, так уж... так уж я не виновата!

...Мы с большим нетерпением дождались десяти часов вечера, когда лагерь укладывается спать. Потом ждали еще полчаса, лежа в кроватях, пока лагерь уснет. Наконец мы осторожно выбрались из дому и встретились у реки, где у причала из двух досок стоял наш флот.

Галя и Андрей сели на «Марата», я занял «Аврору». Метров сто мы шли на шестах (боялись, что колеса наделают много шума), потом пустили в ход машины. Медленно двигались наши суда по темной извилистой речке. Над берегами нависли ивы, и по их верхушкам осторожно пробиралась следом за нами луна. Плыли мы очень долго. Я уже думал, что мы в потемках проехали место встречи, как вдруг чей-то голос в кустах на берегу тихо произнес:

— Архимед!

Мы застопорили машины и стали смотреть на берег. Ничего не видно. Темно.

— Архимед! — тихо повторил Вовка.

Мы стали причаливать. О борта лодок зашуршали листья кувшинок. Кусты зашевелились. Появился Вовка. Мы высадились на берег и привязали лодки к большой коряге.

На Вовке была надета бумазейная куртка, такие же штаны, заправленные в чулки, и большая теплая кепка.

— Спасибо, что пришли, — сказал он. — Пойдемте!

— Вовка! Чего ты еще выдумал? — зашипела Галка.

— Пойдемте! — повторил Вовка.

Он повел нас по темному дну оврага узкой тропинкой между огромных зарослей каких-то растений. Скоро мы поняли, что это крапива: Галка так взвизгнула, что в деревне за рекой собаки залаяли.

Спотыкаясь, подымая руки, чтобы не задеть крапиву, мы дошли до какого-то заброшенно-го сарая. Тут Грушин остановился.

— Чего ты еще выдумал, Вовка? — снова зашипела Галина и боязливо оглянулась.

Вовка помолчал немного, потом ответил:

— Подводную лодку нового типа.

Мы сразу повеселели: испытывать модель подводной лодки — это вам не ракетный двигатель!

— Вы мне нужны для того, чтобы завинтить меня в люк.

— Ку... куда завинтить? — хрипло спросила Галина.

— В люк, — спокойно ответил Вовка.

Галка тяжело дышала. Я чувствовал, что сейчас выйдет неприятность. К Галине подошел Андрюшка. Он тихонько проговорил:

— Назвался груздем — полезай в кузов.

Галка ничего не ответила.

Отчаянно заскрипела большая дверь, и мы вошли в сарай. В темноте пахло масляной краской.

Вовка зажег свечу.

Помещение было завалено всяким хламом. Валялись в куче инструменты и старые журналы: «Всемирный следопыт», «Мир приключений», «Вокруг света». В углу стоял примус без ножек, около него — паяльник. Два здоровенных паука торопливо подтягивались к потолку.

У стены почти во всю ее длину на особых подставках стояла подводная лодка Вовки Грушина. Она напоминала небольшую байдарку. В носовой части ее возвышалась труба метра три вышиной и сантиметра четыре в диаметре. Вся лодка была выкрашена в зеленый цвет, а на борту красными буквами было написано: «Архимед».

Вовка объяснил нам ее устройство:

— Судно погружается на глубину двух метров... Двигается с помощью винта. Винт движется с помощью... ногами (там особые педали есть). Находясь в погруженном состоянии, судно может прицепиться к подводной части любого парохода (будет устроено специальное приспособление). Пароход идет, а подводная лодка — за ним. Так можно из Москвы попасть через Беломорканал в Белое море, а от туда — хоть в океан!

Галина спросила:

— А как же в ней сидеть?

— Сидеть? Сидеть и не нужно. Можно лежать.

— А как же дышать?

— Перископ ведь торчит из воды, через него и дышать. — И Вовка указал на трубу.

Андрюшка потер ладонью лоб.

— Гм! Ну, а как же ты будешь спускаться и подниматься?

— Специальный резервуар, как в наст... ну, как в обыкновенной подводной лодке: чтобы опуститься, в него пускают воду: чтобы подняться, накачивают туда воздух и выдавливают воду обратно.

Вовка открыл крышку маленького люка и показал, как устроен «Архимед» внутри:

— Вот резервуар для воды и воздушный компрессор.

Мы увидели бидон от керосина и приделанный к нему велосипедный насос.

— Вон там педали для винта, а это — иллюминаторы. — Вовка показал на вделанную в носу лодки пару очковых стекол. — А это карманный фонарик для освещения.

— Вовка, тут повернуться негде!

— Во всякой подводной лодке тесновато. Это, голубчик, тебе не спортплощадка.

— Ну, а в перископ хорошо видно?

— Он еще не совсем готов. Только труба, чтобы дышать.

Вовка умолк. Мы тоже молчали и осматривали судно.

— Пора,— сказал Вовка.— Ну-ка, ребята, взяли!

— Чудак ты все-таки, Вовка! — проговорила Галина.

Все четверо мы подняли лодку и чуть не уронили ее — такая она была тяжелая. Кое-как мы вытащили судно наружу. Несли мы его медленно, с передышками, по темному заросшему оврагу. Вовка всю дорогу причитал:

— Ой, ребята, милые, поосторожней! Ой, ребята, не уроните!

Когда мы пришли к реке, Андрюшка слезил в бронебашню «Марата» и достал оттуда штатив, фотоаппарат и чашечку для магния.

И вот состоялся торжественный спуск «Архимеда» на воду. Мы спустили сначала нос, потом налегли на корму. В ту же секунду чихнул Андрюшкин магний. «Архимед» сполз с берега и, слегка покачиваясь, стал рядом с «Авророй». Я тихо спросил:

— Вова, а здесь глубоко?

— Два с половиной метра. Я мерил.

— Может быть, где помельче?

Грушин презрительно посмотрел на меня и ничего не ответил. Андрей с фотоаппаратом, засучив штаны, бродил по воде и, фыркая магнием, снимал «Архимед» и Вовку на скамье «Марата».

Вовка пожал нам по очереди руки и сказал:

— Пора!

Он старался быть совершенно спокойным, но я-то видел, как дрожала у него правая коленка.

— Вов,— сказала Галка,— давай-ка мы обвяжем твоего «Архимеда» веревкой. В случае чего вытащим.

Вовка даже не посмотрел на нее. Он подошел к люку «Архимеда» и стал влезать в него. Но, как только он сунул туда голову, «Архимед» качнулся, и Вовка чуть не искупался. Тогда он велел нам привязать подводную лодку между «броненосцами» и, когда влезет в люк, обрезать веревки. Так и сделали. Когда «Архимеда» привязали, Вовка нагнулся, всунул голову в отверстие люка и вполз туда, громко кряхтя. Там он перевернулся на спину и закрыл люк изнутри какой-то доской с дыркой в середине.

— Закройте крышку люка так, чтобы винт попал в дырку!

Тут только мы заметили, что на крышке торчит болт с винтовой нарезкой. Мы исполнили приказание.

— Придержите крышку, пока я не завинчу гайку,— глухо, как из бочки, пробубнил Вовка.

Мы придержали. Стало совсем тихо. У Андрюшки в руках так и прыгал фотоаппарат. (К сожалению, карточки не вышли, потому что все снимки он сделал на одну пластинку.)

В иллюминаторе вспыхнул свет.

— Спускайте! — прогудело внутри «Архимеда».

Мы развязали веревки. «Архимед» очень быстро ушел под воду. Мы оглянуться не успели, как из воды остался торчать лишь кончик перископа.

Было совсем тихо. Мы сидели на своих «броненосцах» и смотрели, как маленькие пузырьки появляются в том месте, где погрузился «Архимед». Где-то очень глубоко, как нам казалось, дрожало светлое пятнышко: это был свет из иллюминаторов. Прошло минут пять. Андрей припал губами к концу перископа:

— Вовка, ну как?

Нас мороз пробрал по коже, когда мы услышали Вовкин голос из трубы — такой он был замогильный.

— Я достиг предельной глубины.

— Жив, значит! — вздохнула Галка.

Снова поползли длинные минуты, и снова вопрос:

— Вовк! Жив?

И замогильный ответ:

— Выкачиваю воду из резервуара.

Подождали еще. Начало светать.

— Уж два часа... — проговорил Андрюшка.

Галина перебила его:

— Смотрите на перископ! Он сейчас полезет вверх!

Но перископ не лез вверх. Я наклонился к нему:

— Вова, ну как?

Молчание.

— Вова-а! Слышишь! Как?

— Я уже все выкачал.

— Ну, и что же?

— Она не подымается.

— Почему?

— Не знаю.

Мы взволнованно переглянулись. Потом все трое потянулись к трубе.

— Как же теперь, Вовка?

— Не знаю.

— Вот говорила, говорила! — захныкала Галка. — Надо было его за веревку привязать. А теперь... Как вот теперь?

И вдруг Вовка озабоченным тоном сказал из трубы:

— На меня чего-то капает.

— Откуда капает?

— Из люка капает.

Мы вскочили, ошалело оглядываясь. Что делать? Я крикнул было: «Перископ!» — и схватился руками за трубу, но оттуда раздался испуганный Вовкин голос:

— Не смейте за перископ! Оторвется.

— Говорила, говорила! — хныкала Галка.

Вова посоветовал:

— Подденьте меня веревкой.

Мы взяли оба наших причала, связали их, привязали к середине камень, опустили его на дно и за оба конца стали водить веревку вдоль бортов лодок. Но «Архимед» слишком глубоко врылся в ил, и его нельзя было поддеть.

— Капает, Вовка?

— Капает! У меня уже здоровая лужа. Поскорей! — кричал Вовка из глубины.

— Надо достать какую-нибудь узенькую баночку. Мы будем опускать ее в перископ и вытягивать с водой, — сказал Андрюшка.

Это он неплохо придумал. Я помчался через крапиву к сараю. В Вовкиной мастерской не оказалось ни одной подходящей банки, зато я нашел там резиновую кишку сантиметра в полтора толщиной. Я измерил ее длину и решил, что хватит. Вернулся и сообщил свой план ребятам.

— Вовка, держи кишку! Выкачивать будем. Держи так, чтобы конец был все время в воде!

Мы просунули кишку в трубу.

— Галка, выкачивай!

Галина взяла в рот верхний конец и стала тянуть из кишки. Она трудилась изо всех сил, так что глаза у нее на лоб полезли, но вода почему-то не выкачивалась. Пока она работала, мы с Андреем старались подковырнуть «Архимеда» шестами. Но шесты оказались слишком короткими. К тому же их было очень трудно удержать под водой.

Вовка изредка справлялся о ходе спасательных работ и говорил, что вода у него хоть и прибывает, но очень медленно.

Уже почти совсем рассвело.

— Хватит! Ничего мы так не сделаем, — сказал я. — Надо ехать за ребятами в лагерь.

Все согласились со мной. Галина осталась на месте, чтобы Вовке не было страшно, а мы с Андреем взяли «Аврору» и, подняв два огромных столба брызг, накручивая изо всех сил колеса, помчались по оранжевой от восходящего солнца реке.

Я не помню, как мы доехали, только мы были все мокрые от пота.

Выскочив на берег, я зазвонил в колокол; Андрюшка бросился в дом, отчаянно крича. Из дверей, из всех окон стали выскакивать полуодетые, испуганные ребята и вожатые. Леля выбежала с одеялом на плечах. Я закричал:

— Скорее! Вовка Грушин тонет! Возьмите веревки! Возьмите багры!

Прошло ровно пять минут. Битком набитая «Аврора» неслась по реке. Каждый греб чем мог, помогая колесам. За ними сквозь заросли вдоль берега, ломая ветки, продирался весь лагерь. По дороге я и Андрюшка сбивчиво рассказали, в чем дело, но никто нас толком не понял.

Вот и «Марат»... Спокойно застыл над водой конец перископа. На борту «Марата» сидит Галина, посасывает из кишки и горько плачет.

— Где Вовка? — спросила Леля.

— Тут... — указал Андрюшка под воду.

— Сколько времени?

— Да часа три уже.

Леля побледнела.

— Вовка, ты жив? — спросил я.

— Жив, — со дна речного ответил Вовка и добавил: — Холодно!

Ребята столпились у берега и, разинув рты, уставились на перископ.

И тут началась спасательная работа.

Пятеро лучших пловцов ныряли, стараясь подвести веревки под «Архимеда». Остальные тыкали в воду баграми, засучив штаны, бродили в воде и подавали тысячи советов. Стоял галдеж, как на птичьем дворе во время кормежки. Наконец нашим водолазам удалось подцепить веревками корму и нос подводной лодки. Они выбрались на берег продрогшие, измученные, но очень гордые.

Ребята посильнее принялись тянуть веревки вверх. Смолкли крики. Наступила полная тишина. Человек восемьдесят смотрели, как подымается из воды труба перископа. И когда наконец появился зеленый верх «Архимеда», такое раздалось «ура», что казалось, солнце подпрыгнуло.

Потом снова наступила тишина. Крышка люка на подводной лодке шевельнулась и открылась. Из отверстия высунулась сначала одна нога, потом другая, затем медленно появилась Вовкина спина, затем плечи и голова.

Изобретатель был бледен и лязгал зубами

от холода, но важности у него хватило бы на двадцать капитанов Немо.

Вовка срочно был доставлен в лагерь. Там его переодели и стали согревать чаем. Мы в это время чувствовали себя очень скверно. Леля, проходя мимо, так на нас посматривала, что мы поняли: будет крупный разговор.

Огромная толпа ребят окружала Вовку, пока он пил чай, глазела на него и засыпала вопросами:

— Сколько времени ты строил свою лодку?

— А как ты ее рассчитывал?

— Никак. Построил, да и всё.

— Ты, значит, ошибся в расчете, и потому она затонула. Да?

— Ну конечно, не рассчитал! — сказал кто-то из старших ребят. — Не рассчитал соотношения между весом лодки и ее объемом.

К Вовке протиснулся маленький Буся Кацман и прижался носом к краю стола:

— А что Архимед — это рыба такая?

Изобретатель презрительно взглянул на него, отхлебнул из кружки чаю, прожевал кусок хлеба и только тогда ответил:

— «Рыба»! Чудак ты! Это полководец!

Вот всё, что я могу рассказать об «Архимеде» Вовки Грушина.

1939 г.

ДРЕССИРОВЩИКИ

В передней раздался короткий звонок. Бабушка вышла из кухни и открыла дверь. На площадке лестницы стоял мальчик, которого бабушка еще не видела. Он слегка поклонился и очень вежливо спросил:

— Извините, пожалуйста. Тут живет Гриша Уточкин?

— Ту-ут, — протянула бабушка, подозрительно оглядывая гостя.

Сам мальчик произвел на нее довольно приятное впечатление. Он был одет в тщательно отутюженные синие брюки и чистенькую желтую тенниску с короткими рукавчиками. На груди у него алел шелковый галстук, золотистые волосы его были аккуратно расчесаны на пробор.

При всем этом он держал под мышкой очень грязную и рваную ватную стеганку, а в другой его руке был зажат конец веревки, привязанной к ошейнику криволапой, неопределенной масти собаки с торчащей клокчьями шерстью. Вот эта стеганка и эта собака заставили бабушку насторожиться.

— Скажите, а можно видеть Гришу?

— Мо-о-ожно, — после некоторого колебания протянула бабушка. Она хотела было сказать, что собак не следует водить в комнаты, что от них одна только грязь, но сдержалась и лишь добавила: — В ту дверь иди.

Однако мальчик не повел собаку в комнату, а строгим голосом сказал:

— Пальма, сидеть! Сидеть! Пальма, кому говорят? Сидеть!

Пальма зевнула и села с выражением безнадежной скуки на бородатой морде. Мальчик привязал конец веревки к перилам лестницы и только после этого постучал в указанную бабушкой дверь.

Гриша, коренастый, с копною темных взъерошенных волос и с суровым выражением лица, пилил в это время какую-то дощечку, прижав ее коленкой к сиденью стула. Он не

сколько удивился, узнав в пришельце Олега Волошина, с которым он учился в параллельных классах и с которым почти не был знаком. Гриша выпрямился и, заправляя рубашку в штаны, молча уставился на гостя.

— Здравствуй, Уточкин,— сказал тот, прикрыв за собой дверь.— Ты не удивляйся, что я к тебе пришел. У меня к тебе одна просьба.

— Ну? — коротко спросил Гриша.

— Ты мог бы помочь мне дрессировать собаку?

Гриша всегда был готов взяться за любое дело, но говорить много не любил:

— Мог бы. А как?

— Понимаешь, я ее дрессирую на собаку охранно-сторожевой службы. Я уже научил ее ходить рядом, садиться по команде, ложиться... Теперь я с ней отрабатываю команду «фас»... Чтобы она бросалась, на кого я прикажу. А для этого нужен ассистент, совсем незнакомый для собаки человек.

— Чтобы она на него бросалась?

— Ага. Мы ее уже дрессировали с ребятами нашего класса, и она очень хорошо на них бросалась, но теперь она с ними перезнакомилась и больше не бросается. А надо закрепить рефлекс. Вот я тебя и прошу...

Гриша в раздумье почесал широкий нос:

— А если покусает?

— Во-первых, я ее буду держать на поводке, а во-вторых, ассистент надевает защитную спецодежду.— Олег развернул стеганку и вынул из нее такие же драные ватные штаны.— Со мной все мальчишки из нашего класса ее дрессировали, а она только одного Сережку Лаптева немножко укусила. Согласен?

— Согласен. А где твоя собака?

— Я ее на лестнице оставил, чтобы она не знала, что мы с тобой знакомы. Я сейчас выйду с ней и буду ждать тебя на Тихой улице. А ты надевай спецодежду, приходи туда и подкрадывайся к Пальме, как будто злоумышленник. Ладно?

— Ладно. Иди!

Олег удалился. Гриша надел кепку и принялся облачаться в спецовку. Это оказалось делом нелегким, потому что брюки были огромных размеров. Стянув их ремнем под мышками и завязав тесемочками у щиколоток, Гриша стал похож на очень большую, диковинной формы гармошку. Ватная куртка, которую он надел, несколько поправила дело: свисая ниже колен, она почти совсем скрыла брюки. Рукава, болтавшиеся сантиметров на двадцать ниже кистей рук, Гриша засучивать не стал.

Грише, конечно, не хотелось, чтобы бабушка увидела его в таком костюме, поэтому, прежде чем выйти из комнаты, он приоткрыл дверь и прислушался, а потом уж выскользнул из квартиры.

Улица Тихая была и в самом деле очень тихой улочкой. Здесь вдоль тротуаров вкривь и вкось росли старые липы, за которыми прятались маленькие домики в один и два этажа. Движение тут было такое небольшое, что между булыжниками мостовой зеленела травка.

Придя сюда, Гриша издали увидел Олега, который расхаживал по мостовой, громко приговаривая:

— Рядом! Пальма, рядом!

— Эй! — негромко крикнул «ассистент».

Дрессировщик остановился, скомандовал Пальме сидеть и кивнул Грише головой: можно, мол, начинать.

Ассистент надвинул на нос кепку, свирепо выпятил нижнюю челюсть и, слегка приседая, болтая концами рукавов, зигзагами стал подбираться к собаке.

Пальма заметила ассистента и, сидя, принялась разглядывать его, склоняя бородатую морду то вправо, то влево. Когда Гриша приблизился к ней метров на десять, она поднялась и негромко зарычала.

— Пальма! Фу! Сидеть! — сказал Олег.

И Пальма неохотно села, продолжая скалить зубы.

Ассистент стал на четвереньки и тоже зарычал.

— Фас! — крикнул Олег.

Пальма рывкнула и так стремительно бросилась на Гришу, что дрессировщик еле удержал ее за веревку.

Гриша вскочил и шарахнулся в сторону.

— Видал? — тихонько сказал Олег.

— Ага, — так же тихо ответил Гриша. — Только она и без твоего «фаса» бросилась бы... Ведь я ее дразнил.

— Теперь знаешь что? Теперь давай без дразнений. Ты спрячься за угол, а потом выйди и спокойно иди по тротуару. И даже не смотри в нашу сторону. Ладно?

— Ладно!

Гриша добежал до перекрестка, спрятался за угол и, подождав там минуту, постепенно зашагал по противоположному от Олега тротуару. Вот он поравнялся с ними... Вот прошел мимо...

— Фас!

«Рррав! Рав-рав!»

Обернувшись, Гриша увидел, как Пальма, натягивая веревку, рвется к нему.

— Здрóрово! — сказал Олег с другого тротуара. — Всё! Спасибо! Проверка сделана. Снимай спецодежду и иди сюда.

Гриша снял ватник и, отирая пот со лба, приблизился к дрессировщику. Пальма попыталась цапнуть его за ногу, но Олег прикрикнул на нее и заставил сесть. Он улыбался, голубые глаза его блестели, а лицо разгорелось.

— Видал? Видал, что такое дрессировка? Ты даже не взглянул на нее, а она уже бросилась!

Стоя несколько поодаль от Пальмы, Гриша ковырял в носу.

— Ну и что ж, что бросилась! Я ее дразнил, она меня запомнила, вот и бросилась. И в та-

кой одежде она на каждого бросится. Вот если бы она на ту тетеньку бросилась, тогда другое дело было бы! — И Гриша указал глазами на полную гражданку, которая вразвалочку шла по противоположному тротуару, держа в руке сумку с продуктами.

Олег перестал улыбаться и тоже посмотрел на гражданку. Когда она прошла мимо, он присел рядом с Пальмой и, вытянув руку в направлении прохожей, тихонько скомандовал:

— Пальма, фас!

В ту же секунду раздался звонкий лай, и веревка дернула Олега за руку.

— Пальма, фу! — Олег с торжеством обратился к Грише: — Ну что, а? Ну что, видел?

Только теперь Гриша уверовал в силу дрессировки. Держа под мышкой свою лохматую спецодежду, он присел на корточки перед Пальмой и стал разглядывать ее.

— Это какая порода? Дворняжка?

— В том-то и дело, что дворняжка!

— Если бы овчарка, она еще лучше бросилась бы, — заметил Гриша.

— А я, ты думаешь, для чего ее дрессирую? Я выучу ее, пойду в питомник, где служебных собак разводят, покажу, как я умею дрессировать, и мне дадут на воспитание щенка-овчарку.

Гриша поднялся. Он все еще смотрел на Пальму.

— Наверняка дадут? — спросил он.

— Не совсем наверняка, а просто я так думаю.

— А у нас в городе есть... эти самые... где овчарок разводят?

— Питомники? Конечно, есть... При ДОСААФе есть, при Управлении милиции есть... Я в ДОСААФ пойду. Вот только отработаю с

ней лестницу, барьер и выдержку и пойду показывать.

— А что такое лестница, барьер и выдержка?

— Лестница — это чтобы она умела подниматься и спускаться по приставной лестнице. Барьер — это чтобы она умела преодолевать заборы, а выдержка — это так: я, например, scomандую ей сидеть, потом уйду куда-нибудь, хотя бы на полчаса, и она не сойдет с места до тех пор, пока я не вернусь.

До сих пор Гриша мало был знаком со служебным собаководством. Он слышал, что есть собаки-ищейки, раза два он видел в кино замечательно умных овчарок, совершавших подвиги вместе с пограничниками. Но всегда ему казалось, что воспитание подобных собак доступно лишь особым специалистам.

И вот теперь он увидел, что не специалист, а простой школьник заставляет не овчарку, а самую паршивенькую дворняжку по команде садиться, по команде ходить рядом, по команде бросаться на прохожих.

С виду флегматичный, угрюмый, Гриша был человеком страстным, увлекающимся. Он представлял себе, как идет рядом с огромной овчаркой, от которой все шарахаются в стороны, как он приходит с ней в школу и как на глазах у изумленных ребят этот свирепый, клыкастый зверь по одному его, Гришиному, слову перебирается через забор, поднимается по приставной лестнице на чердак сарая и спокойно, не сходя с места, сидит во дворе, пока Гриша занимается в классе.

— Волошин, а где ты научился... это самое... дрессировать?

— Очень просто. Купил себе в магазине книжку, «Служебное собаководство» называется, по ней и научился.

— Я себе тоже такую куплю. С собаками вот плохо... Я бы мог какую-никакую дворняжку поймать, только бабушка прогонит.

Ребята долго беседовали, стоя на краю тротуара. Олег показал Грише все штуки, какие умела проделывать Пальма. Гриша был так увлечен этим, что только раз оглянулся, услышав в отдалении неторопливые, четкие шаги. По противоположному тротуару шел милиционер — высокий, стройный, подтянутый, с лейтенантскими погонами. Заложив большие пальцы рук за поясной ремень, он поглядывал на ребят, возившихся со смешной собакой, и улыбался. Олег тоже заметил милиционера.

— Смотрит, — тихо сказал он.

Польщенные вниманием лейтенанта, ребята снова оглянулись на него и тоже улыбнулись. Тот слегка им подмигнул. И вдруг Гриша вспомнил, что, по словам Олега, в Управлении милиции тоже ведь есть питомник. Он тихонько толкнул Олега в бок и зашептал:

— Покажи ему! Покажи ему, как она бросается!

— Неудобно.

— Ну, чего неудобно! Шутя ведь. Покажи!

Олег секунду поколебался, потом присел, вытянул руку в направлении милиционера и громко, чтобы тот слышал, крикнул:

— Пальма, фас! Фас!

Пальма рванулась, выдернула веревку из руки Олега и с яростным лаем понеслась к милиционеру.

— Тикай! — в ту же секунду крикнул Гриша.

Что было дальше с Пальмой, ребята не видели. Кинув стеганку на тротуар, Гриша юркнул в ближайшие ворота. Олег бросился за ним.

Ребята даже не разглядели двора, в кото-

рый они забежали, они заметили только, что у забора, справа от ворот, возвышается большая поленница, а между поленницей и забором есть щель шириной сантиметров в тридцать, если не меньше. Оба, словно сговорившись, свернули направо, втиснулись в эту щель и замерли.

Через несколько секунд до них донеслись размеренные шаги, затем стук пальцев по стеклу окна. Все это слышалось совсем близко, почти у самой поленницы. Прошло еще несколько секунд. Щелкнула задвижка, скрипнула дверь. Женский голос немного встревоженно спросил:

— Вам кого?

— Это ваши дети хулиганят, собак на прохожих натравливают?

— Де-ети? — протянула женщина. — У нас во всем доме ни одного ребенка нет.

— Ни одного ребенка нет, а я видел, как двое сюда побежали... Видите, что она мне сделала? Видите?

— Пожалуйста, войдите да посмотрите, если не верите. Двор у нас проходной. Вон калитка! Наверно, туда и убежали.

Несколько секунд длилось молчание.

— Ну, виноват... — пробормотал наконец лейтенант.

— Пожалуйста, — сухо ответила женщина.

Хлопнула дверь. Шаги милиционера стали удаляться в сторону, противоположную от ворот, и скоро совсем затихли.

Все это время мальчики простояли не шевелясь, не дыша, стиснутые между кирпичным забором и поленьями.

— Вылезай, — прошептал Гриша.

— Тише ты, дурак! — прошипел Олег и вце-

пился пальцами в Гришину руку повыше локтя. Он весь дрожал от испуга.

— Вылезай! А то вернется — здесь искать будет, — сказал Гриша и силой вытолкнул Олега из-за поленницы.

Не взглянув во двор, не поинтересовавшись, там ли милиционер или нет, ребята выскочили за ворота и со всех ног помчались по улице.

Они остановились только в подъезде Гришиного дома. На носу и щеке ассистента красовались большие ссадины: он ободрал лицо о поленья. Новенькие синие брюки дрессировщика были испачканы смолой, к ним прилипли мелкие щепочки и чешуйки сосновой коры.

— Вот это влипши! — медленно проговорил он, когда отдышался. — Дурак я был, что тебя послушался.

— Дурак, что веревку выпустил, — буркнул Гриша и сел на ступеньку, подперев подбородок кулаками, надув губы.

Олег подошел к Грише и наклонился над ним:

— Ты знаешь, что теперь будет? Думаешь, это дело так оставят? На представителя власти собак натравливать!

— И ничего не будет. Скажем, что нечаянно: показать хотели, — проворчал Гриша.

— «Показать хотели»! — передразнил Олег. — А кто тебе поверит, что показать хотели? Как ты докажешь, что хотели показать?

Гриша угрюмо молчал. На душе у него было тошно.

— А ты еще спецодежду потерял, — продолжал допекать его Олег. — Мне она не нужна, а знаешь, что теперь будет? Нас найти могут по этой спецовке.

— Как еще — найти? — уныло спросил Гриша.

— А очень даже просто: приведут ищейку, дадут ей понюхать спецодежду, и она по запаху найдет и меня и тебя, потому что ты тоже ее надевал.

Гришу совсем взяла тоска. Он встал, заложил руки за спину и, вцепившись пальцами в локти, прошелся по площадке. Через минуту он остановился перед Олегом:

— Слушай! Давай так: если тебя поймают, ты не говори, где я живу, скажи, что не знаешь. А если меня поймают, я не буду говорить, ладно?

— Ладно. — Помолчав немного, Олег вздохнул: — Пока! Пошел. Тут уроки надо готовить...

Высунув голову из двери, он посмотрел направо, посмотрел налево и рысцой затрусил по улице, то и дело оглядываясь... Гриша поплелся на второй этаж, в свою квартиру.

Бабушка, открывшая ему дверь, сразу заметила ссадины на его лице:

— Ишь ободрался! Где это тебя угораздило?

— Так просто... — буркнул Гриша и прошел в комнату.

До вечера он слонялся по квартире без дела, часто подходил к двери, со страхом прислушиваясь к шагам на лестнице, ожидая, что вот-вот раздастся звонок и на пороге появится милиционер с овчаркой.

А на дворе, как назло, стоял чудесный сентябрьский день. На улице, под окнами у Гриши, происходил напряженный матч между командой ребят из Гришиного дома, в которой он всегда играл вратарем, и футболистами соседнего двора.

— Гришк! Иди! Проигрываем без тебя! — кричали ему ребята, когда он выглядывал в окно.

— Не хочется,— угрюмо отвечал Гриша и отходил в глубину комнаты.

Настал вечер. Пришли папа и мама. Сели ужинать. Глядя себе в тарелку, Гриша жевал котлету так медленно, так неохотно, что мама встревожилась:

— Гришунь, что это ты скучный такой?

— Так...

Потянувшись через стол, мама пощупала ладонью Гришин лоб:

— Всегда такой аппетит у ребенка, а тут еле жует.

— Похоже, с ребятами чего не поделил. Видишь, нос ему поцарапали,— сказал папа.— Верно я говорю, Григорий Иванович?

Гриша ничего не ответил. Он молчал до конца ужина и только за чаем обратился к отцу:

— Пап, вот у нас один мальчишка натравил собаку на милиционера, и она его укусила. Что ему будет, этому мальчишке, если его поймают?

— Как — что будет? Родителей оштрафуют, в школу сообщат... За такое хулиганство по головке не погладят.

— Это сегодняшний небось натравил,— заметила бабушка.

— Какой «сегодняшний»? — переспросил папа.

— Да приходил тут к Гришке один. С виду аккуратный такой, а с ним собака... ну до того отвратительная — прямо глядеть тошно.

На следующий день было воскресенье. Все семейство собралось идти обедать к Гришиной тетке, которая праздновала день своего рождения.

Гриша хотел было сказать, что ему нездорово

вится, и остаться дома, но потом представил себе, как он будет томиться в квартире один-одинешенек в то время, когда можно было бы сидеть среди веселых тетиних гостей, есть всякие вкусные вещи и слушать радиолу...

Гриша отважился пойти. Как назло, папа, мама и бабушка решили не ехать на автобусе, а прогуляться пешком. В каждом милиционере Грише чудился тот самый лейтенант, и он не шел по улице, а все время маневрировал. Едва увидев человека в милицейской форме впереди себя, он сразу отставал от родных и шел за ними, почти уткнувшись лицом в папину спину. Обнаружив милиционера сзади, он забегал вперед и шел так близко от родителей, что они наступали ему на пятки.

— Слушай, друг, да иди ты, как люди ходят, что ты вертишься как заведенный! — не выдержал отец.

В этот момент шагах в пятнадцати от Гриши из какого-то магазина вышел высокий милиционер и направился прямо к нему. Гриша не успел разглядеть его лица, не заметил, какие на нем погоны. Он тут же юркнул в ближайший подъезд и взбежал на площадку второго этажа. Минуты две все семейство Уточкиных стояло перед подъездом, тщетно покрывая:

— Григорий! А ну, довольно тебе дурить! Что, маленький, в самом деле?

— Гришка, будешь озорничать, домой отправишься, слышишь?

...С не меньшими предосторожностями шел Гриша на следующее утро в школу.

У школьного подъезда он встретил Олега. На нем вместо синих брюк были теперь серые, вместо желтой тенниски была белая рубаша.

На голове у Олега сидела соломенная крымская шляпа с огромными полями, которая делала его похожим на гриб.

— Ну как? — спросил Гриша, поздоровавшись с Олегом.

— Пока ничего. Я костюм переменял для маскировки. Видишь?

— Пальма вернулась?

— Вчера еще. А у тебя как?

— Пока в порядке.

Прошло три дня. Никаких неприятностей за это время не случилось. Гриша постепенно осмелел. Он снова начал играть с ребятами в футбол и уже не шарахался в подъезды при виде милиционера. То же было и с Олегом. Скоро Гриша опять стал мечтать о воспитании овчарки и однажды, встретив во время перемены Олега, спросил его:

— Ну как, дрессируешь?

— Нет. У меня Пальма сейчас больна.

— Чем больна?

— Да так что-то... Ничего не ест, не пьет да все лежит...

— Когда будешь опять дрессировать, возьми меня, ладно? Я поучиться хочу.

Дрессировщик обещал позвать Гришу, а в следующее воскресенье случилось вот что.

Папа, мама и Гриша сидели за обеденным столом. Бабушка ушла зачем-то в кухню. Вдруг раздался звонок, бабушка открыла дверь и ввела в комнату Олега. Тот тяжело дышал, не то от волнения, не то от быстрого бега. На лбу и носу его блестели мелкие капельки пота.

— Здравствуй! — сказал он и, помолчав, добавил: — Приятного аппетита!

Затем он помолчал еще немного, вобрал в себя воздуха и вдруг выпалил:

— Уточкин, я пришел тебе сказать, что тебе нужно делать прививки!

В комнате на секунду стало очень тихо.

— Какие прививки? — спросил Гриша.

— От бешенства. У нас Пальма заболела, перестала есть и пить, а потом ушла куда-то и пропала. Мама пошла в ветеринарную поликлинику, и ей там сказали, что у Пальмы могло быть бешенство, только тихое. Вот! И теперь мне, маме, тебе и другим ассистентам надо делать прививки.

— Та-ак! — негромко сказал Гришин папа.

— Ну, вот словно сердце чуяло! — проговорила бабушка.— Только он пришел со своей собакой этой, так... ну словно в меня что-то стрельнуло: не бывать добра от этой собаки, не бывать!

Олег добавил, что прививки надо делать срочно, потому что Пальма могла болеть уже давно, и ушел. Гриша расспросил отца о том, как проявляется бешенство, и после этого весь вечер бегал на кухню к крану пить воду, чтобы проверить, не начинается ли у него водобоязнь.

Он лег спать в очень мрачном настроении, проснулся на следующее утро тоже не в духе. Но, придя в школу, сразу развеселился.

У школьного крыльца большая толпа ребят встретила его хохотом и громкими криками:

— Во! Еще один бешеный!

— Привет взбесившемуся!

Оказалось, что у Олега в школе, помимо Гриши, было еще целых тринадцать ассистентов и всем им нужно было сегодня идти на Пастеровскую станцию.

Вся школа уже знала об этом, и шуткам не было конца. «Бешеные» не обижались, а, наоборот, сами развлекались вовсю. Среди школьниц нашлось несколько девочек, которые боялись подходить к помощникам Олега, считая их уже заразными. К великому удовольствию всех ребят, ассистенты на каждой перемене гонялись за этими девчонками, щелкая зубами и страшно завывая.

По окончании уроков десятка четыре школьников задумали провожать ассистентов и дрессировщика на Пастеровскую станцию.

— Олег, командуй!.. Олег, построь своих бешеных! — раздавались крики, когда наши герои вышли на улицу.

— Бешеные! Построиться! Правое плечо вперед, шагом марш! — скомандовал Олег.

Ухмыляющиеся ассистенты парами замаршировали по тротуару, а провожающие густой толпой последовали за ними, играя на губах веселый марш.

Войдя во двор, где помещалась станция, ребята подняли такой шум, что все медицинские работники повысовывались из окон.

Врачи и сестры сначала рассердились на ребят, но, узнав, что это провожают Олега, о котором они уже слышали вчера от его мамы, и что с ним четырнадцать ассистентов, они сами начали смеяться.

Провожающие остались во дворе, а дрессировщик и его помощники вошли в помещение станции и выстроились в очередь у окошка с табличкой: «Запись первичноукушенных». Эта табличка всех еще больше развеселила. Гриша даже выбежал во двор, чтобы сообщить ребятам:

— Мы теперь не бешеные, а первичноукушенные!

Получив от врача направление на укол, ассистенты вышли во двор. Олег скомандовал: «Первичноукушенные, построиться!» — и все торжественным маршем направились в районную амбулаторию, где ассистентам и дрессировщику впрыснули по порции сыворотки в животы. И, хотя уколы были довольно болезненны, всем по-прежнему было очень весело.

После прививок «первичноукушенные» и провожающие кучками разошлись по домам в разные стороны. Гриша и Олег жили дальше всех, поэтому они скоро остались одни.

Бодро шагая рядом с Гришей, Олег вспомнил все пережитое за сегодняшний день.

— Мы теперь благодаря Пальме на всю школу прославились! — говорил он, улыбаясь. — Хотя нам и уколы теперь делают...

— Угу, зато смеха было сколько! — вставил Гриша.

— Главное — ко всему относиться с юмором, — философствовал Олег. — Если будешь ко всему относиться с юмором, то никакие неприятности тебе... — Он вдруг умолк, глядя куда-то вперед, в одну точку. Он уже не улыбался. Лицо его побледнело и приняло самое несчастное выражение.

Гриша взглянул в том направлении, куда смотрел Олег, и тоже весь как-то осунулся. Недалеко от них на середине перекрестка стоял постовой милиционер низенького роста, с большими, закрученными вверх усами.

Секунд пятнадцать ребята молча смотрели на этого милиционера, потом взглянули друг на друга.

— Э-э, а лейтенант-то?.. — совсем тихо, упавшим голосом сказал Гриша.

Олег молчал. Ребята машинально трону-

лись дальше и долго шли, не говоря ни слова.

— А может, она его не покусала, — сказал наконец Гриша.

— Почему я знаю, — почти шепотом ответил Олег.

— А может, она и вовсе не бешеная, да?

Олег вдруг остановился.

— А если бешеная? А если покусала, тогда что? — вскрикнул он неожиданно тоненьким, пискливым голоском.

— Предупредить нужно, да? — глядя себе под ноги, сказал Гриша.

— А ты думаешь, не надо? Думаешь, не надо? А если человек из-за нас умрет? Тогда что?

— Вот я и говорю: надо.

— «Надо, надо»! А как ты предупредишь? Как предупредишь? Пойдешь и скажешь ему: «Здравствуйте! Это мы на вас собаку натравили. Теперь идите делать прививки»? Так ты ему скажешь, да? Знаешь, что он с нами сделает?

Ребята подошли к крыльцу старинного особняка, украшенному каменными львами со щербатыми мордами. Олег положил на одну из ступенек свой портфель и сел на него. Сел рядом с ним и Гриша. Глаза у дрессировщика покраснели, он часто моргал мокрыми ресницами и хлюпал носом.

— Дурак я... Нет... нет, не дурак, а просто идиот, что послушался тебя, — причитал он, мотая из стороны в сторону головой. — После завтра папа из отпуска приезжает, а я... я ему такой подарочек... «Платите штраф рубликов двести за вашего сына».

— И еще из пионеров исключат, — добавил Гриша.

Долго сидели дрессировщик и ассистент на

ступеньках крыльца между каменными львами. Лица обоих выражали такое уныние, что прохожие замедляли шаги, поглядывая на них.

Уже давно настало время обеда, но ни Гриша, ни Олег не вспомнили об этом.

Каждый из них с тоской представлял себе, как его задерживают в милиции, как вызывают туда ничего не подозревающих родных и как, наконец, на глазах у всего класса снимают с него пионерский галстук. И каждый чувствовал, что он не в силах вынести все это. И каждого вместе с тем мороз продирает по коже, как только он начинал думать о лейтенанте, который мог умереть мучительной смертью из-за их малодушия.

— У него, может, дети есть, — медленно проговорил Гриша.

Олег помолчал немного, потом сказал решительным тоном:

— До приезда папы из отпуска ничего не будем делать. Послезавтра папа приедет, я его встречу как следует, а после послезавтра пойдем и заявим.

Гриша не ответил. Олег помолчал еще немного и вдруг быстро поднялся:

— Нет, не могу! Уж лучше сразу, чем еще два дня мучиться. Идем!

Гриша не шевелился. Он сидел на ступеньках, опустив голову, и молчал.

— Ну, пошли! Решили так уж решили, — сказал Олег.

— Куда пошли? — проворчал Гриша, не поднимая головы.

— Ну, в милицию, в третье отделение. Пойдем расскажем все, а там они уж сами найдут того лейтенанта и предупредят. Пошли!

Но Гриша и на этот раз не шевельнулся.

— А мне чего ходить? Твоя собака, ты и иди.

— Ах, так! Ну и пожалуйста!.. Как хочешь!.. — Олег всхлипнул. — Сам подбил меня, чтобы натравить, а теперь в кусты... Как хочешь... Пожалуйста!..

И Олег, вытянувшись в струнку, слегка подрагивая узкими плечами, не оглядываясь, быстро пошел по тротуару.

Тут только Гриша поднял голову и стал смотреть вслед удаляющемуся товарищу. Через минуту он вскочил и рысцой догнал дрессировщика:

— Ладно. Пошли.

Приятеля рядышком зашагали по тротуару. Пройдя два квартала молча, Олег громко, с какой-то судорожной уверенностью в голосе, заговорил:

— Вот увидишь, что нам ничего не будет! Ну, вот увидишь!.. Ведь они же должны понимать!.. Ведь мы же благородный поступок... Ведь мы же ему, может быть, жизнь спасаем, правда? Ведь они должны понять, правда?

Гриша молчал, только сопел.

И вот они остановились перед подъездом, рядом с которым была прибита вывеска: «Третье отделение милиции».

— Пошли? — чуть слышно сказал Олег, взглянув на Гришу.

— Пошли, — прошептал тот.

И оба не двинулись с места.

— Ну идем? — сказал через минуту Олег.

— Идем.

Олег приоткрыл дверь, заглянул в нее, потом тихонько, словно крадучись, вошел в подъезд. Следом за ним бочком протиснулся и Гриша.

Ребята очутились в длинном коридоре с дву-

мя рядами закрытых дверей. Только первая дверь справа была открыта. Она вела в комнату, разделенную на две части деревянным барьером.

Первая половина комнаты была пуста, если не считать милиционера, стоявшего у двери. За барьером у стола стоял маленький, толстый лейтенант с красным лицом и что-то сердито кричал в телефонную трубку. За другим столом в дальнем углу сидел еще один милицкий работник.

— Вам чего тут нужно? — строго спросил милиционер у двери, как только ребята сунулись в комнату.

— Нам?.. Нам... начальника... — пролепетал Олег.

— Какого начальника? Дежурного? По какому вопросу?

— Нам по вопросу... нам заявить нужно, по очень важному...

— Дежурный занят. Посидите здесь, — сказал милиционер, пропуская ребят в комнату, и передразнил с усмешкой: — «Заявить»!

Ассистент с дрессировщиком сели на скамью с высокой спинкой. Лица их теперь стали серыми от страха, потому что толстый лейтенант, сверкая маленькими глазками и с каждой секундой все больше распаляясь, кричал в телефон:

— А я из-за вас получать взыскание не намерен, товарищ Фролов! Понятно вам? Не намерен! Я лучше сам на вас взыскание наложу... Письмо получено. Да, да, получено, товарищ Фролов. — Лейтенант взял со стола какой-то зеленый конверт, потряс им над головой и с размаху бросил на стол. — И вы дурака

не валяйте, товарищ Фролов. Маленького из себя не стройте!

Тут Гриша почувствовал, как Олег толкнул его в бок, и услышал взволнованный шепот:

— Дураки мы! Пойдем скорее! Ведь письмо написать можно... Напишем письмо, и всё!

Ребята поднялись.

— Всё! Кончены разговоры! Всё! — яростно прокричал толстый дежурный, треснул трубкой о рычаг и, сопя, повернулся к мальчикам: — Так! Слушаю вас!

Мальчики взглянули друг на друга и ничего не ответили.

— Ну? Что вам угодно? — повысил голос дежурный.

— Нам... мы... нам ничего... мы просто так... — пробормотал Олег.

— Как это «просто так»? Гулять, что ли, сюда пришли?

— Мы... мы... Пойдем, Уточкин, — быстро сказал Олег.

Мальчики дернулись было к выходу, но тут же застыли на месте, в ужасе приоткрыв рты и вытаращив глаза. В дверях стоял тот самый лейтенант.

Гриша так и не запомнил, сколько длилось страшное, леденящее душу молчание. Ему казалось, что прошли целые часы, прежде чем Олег выговорил сдавленным голосом:

— Здравствуйте, товарищ лейтенант!

— Здравия желаю! — ответил тот, вглядываясь в мальчишек.

И вдруг дрессировщик и ассистент, словно подхваченные волной отчаяния, заговорили одновременно, заговорили громко, быстро, перебивая друг друга, стараясь друг друга перекричать:

— Товарищ лейтенант, вы... вы... нас простите, это мы на вас тогда собаку...

— Ага... нечаянно... мы вам только показать...

— Мы ее дрессировали на собаку охранно-сторожевой службы...

— Он поводок нечаянно упустил. Он вам только показать, а она вырвалась...

— Мы отрабатывали с ней команду «фас», и мы хотели потом пойти в питомник и показать, как мы ее дрессируем...

— Вам теперь прививки надо делать...

— И мы хотели попросить, чтобы нам дали настоящую овчарку на воспитание, и...

— Потому она, может быть, бешеная. Нам тоже делают прививки...

По мере того как дрессировщик с ассистентом несли эту околесицу, лицо лейтенанта становилось все жестче, все сердитее.

— Ясно! Хватит! — вдруг крикнул он и, сунув руки в карманы брюк, большими шагами стал ходить по комнате.

Ребята умолкли. От них, как говорится, пар шел.

— А, ч-ч-черт! — прорычал высокий лейтенант.

Дежурный сидел, низко склонив голову над столом, и Гриша заметил, как он покусывает губы, чтобы не рассмеяться.

Милиционер, сидевший в углу, закрыл лицо растопыренными пальцами правой руки, и плечи у него дрожали. И милиционер, стоявший у двери, тоже сдерживал улыбку.

— А, ч-ч-черт! — повторил лейтенант и вдруг, вынув руки из карманов, сжав кулаки, остановился перед мальчишками. — Да вы... Да я вас сейчас... да я!.. — выкрикнул он громко и, так и не договорив, снова принялся шагать по комнате.

— Это которая тебе брюки на коленке порвала? — спросил дежурный, все еще глядя в стол.

Лейтенант не ответил. Тогда дежурный поднял голову и обратился к Грише:

— Так! Твой адрес и фамилия?

— Кузнецов переулок, дом три, квартира восемь, — тихо ответил тот.

Дежурный записал адрес и посмотрел на Олега:

— Твой?

— Проезд Короленко, дом пятнадцать, квартира один.

— Так. Идите!

Мальчики направились к двери, но через два шага Олег остановился и обернулся к дежурному:

— Скажите, пожалуйста, а что нам теперь будет?

— Там увидим. Идите, пока целы.

Милиционер, стоявший в дверях, пропуская ребят, легонько щелкнул Гришу по макушке.

Очутившись на тротуаре, мальчишки бросились бежать, словно боясь, что лейтенант сейчас выскочит и погонится за ними. Когда же свернули в ближайший переулок, Олег вдруг остановился, сунул руки в карманы брюк и прислонился спиной к стене дома.

— Дураки, дураки и дураки! — сказал он медленно и негромко.

— Кто... дураки?

— Мы с тобой дураки: зачем мы правдашние адреса дали? Ведь никто не проверял.

Гриша в ответ на это только вздохнул.

Одиннадцать дней Гриша ждал, что его родителей вызовут в милицию. На двенадцатый день, когда он был в школе, раздался звонок.

Бабушка открыла дверь и увидела стройного лейтенанта в милицейской форме.

— Виноват! Здесь живет Гриша Уточкин?

— Зде-е-есь,— протянула бабушка упавшим голосом.

— Дома он?

— Не-е-ту... В школе!..

— Разрешите на минуточку!..

Бабушка посторонилась, пропуская лейтенанта в переднюю, и тут только заметила, что лейтенант ведет на поводке щенка-овчарку с острой мордой, торчащими ушами и высокими толстыми лапами.

— Вот, передайте ему, пожалуйста,— сказал лейтенант, вкладывая конец поводка в бабушкину руку.— На ошейнике монограмма есть. И скажите, что привет им обоим от лейтенанта Самойленко.

Лейтенант приложил руку к козырьку и удалился.

Бабушка выпустила из рук поводок и долго стояла, уперев руки в бока, глядя на щенка, который расхаживал по передней, потягивая носом. Потом она сходила в комнату, надела очки и, вернувшись в переднюю, присела на корточки.

— Ну-ка, ты! Как тебя?.. Поди сюда! — сказала она, чмокнув губами.

Щенок подошел к ней, виляя хвостом и улыбаясь. Придерживая его за спину, бабушка нашла на ошейнике металлическую пластинку. На ней было выгравировано:

«Грише Уточкину и Олегу Волошину от работников 3-го отделения милиции».

— Ишь ты!.. — прошептала бабушка.

КИНОХРОНИКА

В ту субботу, придя из школы и пообедав, я вынул из шкафа самодельный киносъёмочный аппарат и приступил к своему обычному занятию: я завел пружину аппарата, наставил пустой, без пленки, аппарат на кошку, умывавшуюся посреди комнаты, и нажал на спуск. Аппарат затрещал; кошка посмотрела на меня долгим взглядом, зевнула, потянулась и ушла под кровать.

Я побрел на кухню и наставил рамку видеискателя на маму, которая мыла посуду. Кинокамера снова затрещала. Мама тяжело вздохнула и покачала головой:

— Боже! Как ты мне надоел со своим аппаратом!

Я тоже вздохнул и поплелся прочь из квартиры. Во дворе на лавочке сидела старушка. Перед ней катали жестяной самосвал двое малышей. Я навел свою камеру на них.

— Все трещит и трещит! — прошамкала старушка. — Которые дети книжки читают или играют себе, а этот все трещит и трещит...

Больше я трещать не стал. Я вернулся домой, спрятал свой аппарат, сел у стола и уныло задумался.

Прошло уже десять дней, как я с помощью папы построил свою киносъёмочную камеру и проектор к ней. Выглядела моя камера неказисто, но первая же пленка, снятая ею, оказалась вполне приличной.

С тех пор и начались мои мучения. Папа купил мне два мотка пленки. Первый пробный моток я сгоряча извел на всякие пустяки, а стоил он не так уж мало. Я дал папе слово,

что больше не истрачу зря ни одного кадрика. Я решил на оставшейся у меня пленке снять такую боевую, такую увлекательную кинохронику, чтобы все зрители были поражены.

Несколько дней я слонялся со своим аппаратом по городу, ожидая, что случится какое-нибудь происшествие, но ничего не случилось. Я надоел всем родным и знакомым, расспрашивая их, не готовится ли где-нибудь интересное событие, но так ничего и не узнал. Моточек пленки лежал нетронутым в моем столе, а сам я утешался лишь тем, что наводил пустой аппарат то туда, то сюда и заставлял его трещать на холостом ходу. Этим треском я тоже всем надоел, да и самому себе порядком надоел.

Раздался звонок. Я вышел в переднюю, открыл дверь и увидел своего двоюродного брата, пятиклассника Владю Аникеева. Я сразу догадался, что у Влади что-то произошло. Занятия в школе давно кончились, а он был с портфелем в руках. Кроме того, обычно солидный, аккуратный, он имел сейчас какой-то растрепанный вид: пальто его было распахнуто, воротник гимнастерки расстегнут, а большие круглые очки сидели криво на его носу.

— Здравствуй! Дело есть! — сказал он, хмуро взглянув на меня, и стал снимать пальто.

— Из школы? — спросил я.

— Ага!

— Что так поздно?

— Сбор проводил.

— Отряда?

— Нет, с третьим звеном.

Владя прошел в комнату и стал разглядывать в зеркале свое лицо.

— П-подлецы! — процедил он сквозь зубы.

Тут только я заметил, что правая дужка его очков сломана, а вдоль щеки тянутся четыре царапины.

— Ты что, дрался, никак? — спросил я.

— Разнимал, — проворчал Владька, не отрываясь от зеркала.

— Кого разнимал?

— Третье звено.

— Вот это звено! На сборе подрались?

— Нет, после. — Владя поправил на носу очки, но они тут же снова съехали набок.

— А что за сбор у вас был?

— На тему «Дружба поможет в учебе и труде».

Я плюхнулся на диван и захохотал. Владя отошел от зеркала.

— Тебе смех, конечно, а меня как председателя на каждом совете дружины за это звено прорабатывают. — Он сел на стул, расставив ноги и опершись руками о колени. — В общем, давай ближе к делу. Твой аппарат работает?

Я сразу перестал смеяться:

— Работает.

— И пленка есть?

— Есть. Только немного. Моточек один.

Владя пристально смотрел на меня сквозь перекошенные очки.

— Кинохронику снять хочешь? Боевую?

Тут уж я совсем насторожился:

— Конечно, хочу! А что именно?

— Драку. Настоящую. Четверо мальчишек будут драться и, может быть, три девчонки.

Я так и подскочил. Я прямо ушам не верил, что мне привалило такое счастье.

— Владька! Ты не врешь? Кто будет драться? Где? Когда?

— Завтра в девять утра. В парке. Третье звено будет драться.

— Опять третье звено!

— Ага! погоди, я тебе обрисую положение. — Владя придвинулся со стулом поближе ко мне. — Понимаешь, в нашем отряде с дружбой не совсем благополучно. Мы с Люсей, нашей вожатой, за один только месяц два мероприятия по внедрению дружбы провели: сбор отряда на тему «Отлично учиться и крепко дружить» и литературную викторину на тему «Классики мировой литературы о дружбе». Мы с Люсей и сами замучились и ребят замучили, готовя эти мероприятия, а дружба все еще не на высоте. Особенно в третьем звене. С ним прямо спасу нет! Как перегрызлись летом из-за чего-то, разделились на две партии, так до сих пор и воют. Мы с Люсей думали, думали, как с ними быть, и решили для них специальный сбор звена организовать, посвященный дружбе. Главарию одной партии, Андрею Тарантасову, велели доклад подготовить на тему «Зачем нужна дружба», а его врагу, Оське Дробилкину, поручили сделать содоклад «Что мешает нашей дружбе». Тане Зарубиной (она у них поэтесса) заказали стихи о дружбе написать и всех вместе заставили песню разучить — «Дружно шагает наше звено». Сегодня, значит, и провели. Андрей свой доклад благополучно сделал, а Оська как начал свой содоклад, так сразу и заявил, что дружбе мешают Андрюшка и его компания и что все они такие-то и расперетакые-то. Мы с Люсей их кое-как угомонили, но дальше сбор все равно насмарку пошел: Татьяна стихи читать отказалась, а песню они такими голосами провыли, меня аж мороз по коже продрал. А после сбора выхожу

из школы на улицу, смотрю, а они уже! Гришка Тамару за косу ухватил, а Зинаида Гришку портфелем по голове, а Оська... Словом, каждому дело нашлось. Я вмешался, и вот тебе результат. Мило, а?..

— Ну ладно! Ты давай главное говори: о завтрашнем дне.

— погоди! Сейчас будет главное. Подоспели старшеклассники, разогнали их, и они отправились по домам. А я задержался: все пытался дужку к очкам приладить. Наконец иду домой, вхожу в парадное (мы с Гришкой на одной лестнице живем) и слышу на верхней площадке голоса. Там уже собрались Гришка, Андрей и Татьяна. Останавливаюсь, прислушиваюсь и знаешь, что слышу? Гришка с Андреем сговариваются на Оську засаду устроить. Тот, понимаешь, завтра в кино собирается на десять утра, а эти хотят с девяти в парке засесть и его подстеречь. И Татьяна с ними пойдет: из кустов будет смотреть. Я, значит, послушал их, послушал, тихонько вышел из парадного и бросился к Оське. Прибегаю к нему и говорю: так, мол, и так, ты завтра по тропинке, что через парк ведет, не ходи — там тебя Гришка с Андреем отлупить собираются. А он очень обрадовался и говорит: «Спасибо, что сказал. Я завтра с собой Никиту возьму и всех наших возьму, и мы сами на них засаду устроим и так их отделаем, что папа с мамой не узнают». Я прямо на Оську глаза вытаращил. «Ты что, спятил? — говорю. — Ты думаешь, я, председатель совета отряда, к тебе прибежал, чтобы такое побоище организовать?» А он отвечает: «Ты меня не агитируй! Тут вопрос принципиальный. Гришка с Андреем затеяли хулиганский поступок, а хулиганам нужно

давать отпор. И имей в виду, говорит, если ты Гришку с Андреем предупредишь, мы тебя самого отлупим, хоть ты и председатель». Я посмотрел, посмотрел на Оську и вдруг сказал: «Ладно! Поступайте как знаете! Никого я предупредить больше не буду». Это знаешь почему? Я вспомнил о тебе и принял такое решение: пусть они дерутся завтра сколько им влезет, а ты их потихоньку сними. А потом мы твою кинокартину в школе покажем. Пусть на них вся дружина полюбуется! Может, хоть такой позор их перевоспитает!

Я вообще человек сдержанный, но тут я обнял Владьку, чмокнул его в щеку, потом два раза перекувырнулся через голову на диване. Когда я успокоился, Владя объяснил мне подробно, в каком месте парка будет засада, и на прощание крепко пожал мне руку.

— Желаю удачи. Я бы сам с тобой завтра пошел, да мы с утра за город уезжаем.

Проводив Владю, я подумал, что мне надо заранее осмотреть место завтрашней съемки. Я побежал в парк.

Местечко, выбранное вояками из третьего звена, было очень удобно для засады. Парк в нашем городе большой, старинный. Он больше похож на лес, чем на парк. Полянка, через которую шла тропинка к кинотеатру, была со всех сторон окружена густым кустарником. Даже находясь в трех метрах от полянки, нельзя было бы разглядеть, что на ней происходит. А вот выбрать подходящую позицию для съемки оказалось не так-то просто. С полчаса я лазил по кустам да раздумывал, как быть. Заберусь поглубже в кусты и вижу, что ветки обязательно заслонят мне объектив, выберусь поближе к полянке и понимаю, что

этак меня в два счета обнаружат, а этого мне вовсе не хотелось. Судя по рассказам Владьки, в третьем звене такой народ, что они сначала отлупят человека, а потом подумают, стоит ли его лупить. Пускай они пятиклассники, а я шестиклассник, но их-то ведь много, а я один!

На краю полянки рос большой клен. Я осмотрел его. Листва клена уже сильно поредела, и спрятаться в ней было трудно, но я подумал, что во время драки люди не интересуются тем, что делается у них над головой. Я решил снимать с клена.

Дома я весь вечер чистил и проверял свой аппарат и разводил химикалии, чтобы завтра же проявить пленку.

Когда все легли спать и потушили свет, у меня появилось мрачное предчувствие, что меня завтра побьют. Но я вспомнил, что настоящим кинооператорам приходится снимать и на Северном полюсе, и в Антарктиде, и в лесах, кишящих дикими зверями, и в кровавых сражениях. И мне даже стало приятно от мысли, что я тоже буду подвергаться опасности.

А утром, около девяти часов, я уже находился на своем боевом посту: лежал животом на нижней ветке клена, держа перед собой заряженный и заведенный аппарат.

Утро стояло ясное, солнечное. С высоты трех метров мне открывался красивый вид. Кустарники, которыми зарос почти весь парк, казались клубами бурого дыма, а над ними, как языки пламени, подымались красные, желтые, оранжевые клены, березы и тополя. Сначала я думал, что мне ничего не стоит пролежать на моей ветке хоть до самого вечера, но чем дольше я лежал, тем больше обнаруживал под со-

бой каких-то бугров и сучков, которые все больше впивались в тело. Минут через десять мне стало совсем невмоготу, и я сел верхом, чтобы немного передохнуть. Сел... да так и замер.

Вблизи послышался легкий топот, и на полянку со всех ног вылетел мальчишка в лыжном костюме. Круто свернув с тропинки, он поскользнулся, шлепнулся, вскочил и нырнул в кусты где-то справа от меня. Не успел я и глазом моргнуть, как примчались две девчонки: одна блондинка, другая ярко-рыжая. Они приостановились, повернулись на одном месте с огромной быстротой, потом бросились в разные стороны и тоже исчезли в кустах. Последним прибежал еще мальчишка, маленький, худенький. Он прятаться не стал. Он с ходу опустил на карачки, сделав полукруг, подполз к крайнему кусту и стал выглядывать из-за него на тропинку.

Тут только я опомнился. Бесшумно и стремительно я снова растянулся на ветке и так напоролся животом на сучок, что от боли даже крикнул, как утка. Четверо внизу не заметили этого.

— Идут? Ося, идут? — громким шепотом спрашивали из кустов.

— Не! Не видать, — отвечал маленький мальчишка.

— Ось! Где ты их видел? Где ты их видел?

— Метров двести от нас... Мы уже в парк входили. Я посмотрел назад, а они из переулка на площадь выходят. Девчата! Зина, Тамара, слушайте: мы с Никитой на мальчишек нападём, а вы сразу на Таньку наваливайтесь. Ладно?

Блондинка за своим кустом ничего не ответила, а рыжая проворчала почти басом:

— Ну да еще! Станем мы драться! Что мы, хулиганки какие...

Оська снова взглянул на тропинку и тут же подался назад:

— Идут!

Трое в кустах затихли. Я не мог видеть тропинку, я видел только Оську, наблюдавшего за ней. Он то припадал грудью к самой земле, то ложился на бок, то снова поднимался на четвереньки.

— Идут! — шептал он в страшном волнении. — Метров пятьдесят осталось. Остановились... Ой! Одеваются во что-то... Ой!.. Маски надевают. Маски! Черные! Идут! — Оська попятился, заполз в кусты и уже оттуда торопливо прошептал: — Девчата! Зина! Если Танька будет мальчишкам помогать, вы с Тамаркой свои предрассудки бросьте, слышите?

— Угу, — послышалось из-за куста, сквозь который маячило рыжее пятно.

Больше никто не произнес ни слова.

И вот на полянке появились еще трое заговорщиков. Поэтесса Татьяна имела наружность, очень подходящую для поэтессы: у нее были темные локоны, бледное лицо и большие черные глаза с длинными ресницами. Обоих спутников ее даже без всякой драки стоило снять на кинолентку. Чтобы Оська их не узнал, они напялили на себя черт знает что: лица обоих были закрыты масками, вырезанными из темной тряпки. Кроме того, один мальчишка был до пят закутан в старый байковый халат малинового цвета, а на другом был драный свитер и огромные брюки галифе шириной чуть ли не в рост самого мальчишки.

Они остановились среди полянки и стали оглядываться.

— Мальчики, а где кляп? У кого кляп? — нежным голосом спросила поэтесса. — Гриша, у тебя кляп?

— У меня. — Заговорщик в галифе вынул из кармана скомканный носовой платок и длинную толстую веревку. — Только зря вы все это. Лучше просто отколотить его, как все люди делают, и порядок.

Татьяна заспорила с ним:

— Знаешь, Гришка... В тебе вот ни на столичко фантазии нет! Ну что интересного, если вы его отколотите? А тут... Тут прямо как в кино! Он идет, вдруг на него налетают двое в масках, затыкают рот, привязывают к дереву и исчезают.

— А первый прохожий его развязывает, — добавил Гришка.

— Ну и пусть развязывает, — вступился Андрей. — Зато он на всю жизнь это запомнит. А какой толк в твоём колочении? Он к нему с детства привык: его каждый день кто-нибудь лупит.

Гриша сказал, что ему, в конце концов, все равно, как поступят с Дробилкиным, и что ему только жалко веревки, которую Оська им, конечно, не вернет.

Все трое умолкли. Поэтесса отошла от своих спутников и стала разглядывать их с таким видом, словно это были прекрасные статуи.

Вот она заулыбалась, прищурился глаза и наморщив нос.

— Ой, мальчики, какие вы интересные! — пропищала она тоненьким голоском и, оглянувшись вокруг, потирая ладошки, добавила: — И вообще, как все это интересно! Как интересно!..

— Интересно, да? Интересно? — басом рывкнула Зинаида и вылезла из кустов.

— Интересно! Интересно! — закричала вся Оськина компания, выскакивая на полянку.

Заговорщики оторопели, но не пытались бежать. Они только головами вертели во все стороны. Я прикинул глазом к видеоискателю. События стали развиваться очень быстро.

Рыжая коренастая Зинаида, пригнув голову, упершись кулаками в бока, пошла на поэтессу:

— Тебе интересно, да? Очень интересно, да? Интересно, как человека мучают, да?

Поэтесса тихонько пятилась, нацелив на Зинаиду две растопыренные пятерни.

— Только тронь, Зинка! Только тронь! Только тронь! Только тронь!..

Белобрысая Тамара прыгала перед Гришкой с Андреем, издеваясь над их костюмами, и называла их «шутами гороховыми». Никита, ухмыляясь, засучивал рукава и бормотал, что сейчас кое-кто узнает, как втроем на одного нападать.

— Никита! Никита, дай им! Дай им! — надрывался Оська, держась поближе к кустам. — Вы слышали? Вы слышали, что они хотели со мной сделать? Кляп в рот! Как бандиты настоящие! Никита, дай им, чего боишься! Дай им!

Вдруг Тамара подскочила к Грише и сдернула с него маску. Тот вытянул ее пониже спины сложенной в несколько раз веревкой.

Дальше все пошло как по маслу: Тамара завизжала и ухватила за веревку; Никита налетел на Гришу и повалился вместе с ним на землю. На помощь Грише бросился Андрей.

На Андрея, оставив Таню, напала Зинаида, а через секунду ей в волосы вцепилась сзади поэтесса.

— Ура-а-а! Бей! — завопил Оська, почти совсем исчезая в кустах.

Весь дрожа от радости, чувствуя, что наступила самая счастливая минута в моей жизни, я поймал в видоискатель кучу малу, которая образовалась подо мной, нажал на спуск и... прямо похолодел.

Раньше я никогда не обращал внимания на то, как трещит мой киноаппарат. Только теперь я по-настоящему услышал его. Он тархател, как пулемет. Наверное, во всем парке было слышно.

Драка внизу прекратилась. Куча мала распалась.

Взъерошенные, растрепанные члены третьего звена подняли головы. Оська вылез из кустов.

Я остановил аппарат. Глубокая тишина наступила вокруг, и в этой глубокой тишине семь человек смотрели на меня, а я глядел сверху на них.

— Во! Шпион! — сказал наконец Оська.

Не спуская с меня глаз, Андрей зачем-то обошел вокруг клена. Маска его болталась на шее. У него были раскосые, как у китайца, глаза и под правым глазом темнел синяк, набитый, как видно, еще во вчерашней драке.

— Слезай! — сказал он.

Я пробормотал, что мне незачем слезать, что мне и здесь хорошо.

— Эй, ты! — закричал Оська. — Слезай, когда тебе приказывают! Не слезешь, так мы сами к тебе заберемся. Кувырком полетишь оттуда...

Никита, Никита! Давай лезь на дерево! Чего ты боишься, давай лезь!

Пятиклассника Никиту можно было принять за восьмиклассника — такой он был здоровый. Я посмотрел, как он неторопливо поплеывает на ладони, и понял, что мне лучше будет спуститься без его помощи. Сползая со своего клена, я старался думать о том, что многие кинохроникеры часто подвергаются опасности и что я должен радоваться тому, что сейчас со мной произойдет, однако никакой радости так и не почувствовал.

Как только я спустился, вояки окружили меня со всех сторон. Девочки молчали, а мальчишки ухватили меня за ворот, за рукава и стали трясти.

— Ты кто такой?

— Ты что там делал, на дереве?

— Это что за штука у тебя? Говори! Что это за штука?

— Киноаппарат, — ответил я чуть слышно.

Никогда я не думал, что это слово на них так подействует.

Мальчишки сразу сбавили тон.

— Чего-чего? — переспросил Оська.

— Ну, кинокамера съемочная, — повторил я.

Все притихли и переглянулись. Потом Зинаида пробасила:

— Это как такое «кинокамера»? Чтобы в кино снимать?

— Ага!

— В настоящее кино! — воскликнул Оська. — И работает? Взаправду?

— Работает...

— И ты нас снимал?!

— Снимал. Только я не затем на дерево заб-

рался, чтобы вас снимать. Я хотел пейзаж красивый снять, а тут пришли вы, и...

— И ты нас снял?! В настоящее кино! — еще громче закричал Оська. — И все получится? И все на экране будет видно, как мы деремся, и все такое?

Я кивнул.

— Во! Слышали? — ухмыляясь, сказал Никита.

— О-о-о-о-ой! — пропищала поэтесса и запрыгала на одном месте.

Затем они пристали ко мне:

— Ты когда проявишь пленку?

— Ты нам покажешь, когда проявишь?

— Слушай! Пойдем сейчас к тебе, ладно? Ты будешь проявлять, а мы тебе помогать... И сразу нам покажешь...

Теперь, когда опасность миновала, мне стало очень досадно, что моя киносъемка сорвалась. Я сказал угрюмо:

— А чего ее проявлять! Я вас и снять-то как следует не успел. Три секунды какие-нибудь...

Вояки огорченно притихли, но Оська быстро нашел выход:

— Так давай мы сейчас додеремся, а ты насними. Ребята, пошли на старое место! Кто кого бил, так и продолжайте. А ты лезь на дерево, снимай!

Я сказал, что хочу снять настоящую кинохронику, а не спектакль и что зря тратить пленку ценою в двадцать три рубля я не буду.

— Да ты и снимешь настоящую кинохронику, — сказал Андрей. — Мы взаправду будем драться. Верно, ребята?

— Конечно, взаправду! — подхватил Оська. — Мы так друг другу надаем — ты просто пальчики оближешь. Слушай! Тебе пленки

жалко, да? Так мы тебе денег соберем, чтобы ты новую купил! На! Держи пока четыре рубля. Ребята, давайте у кого сколько есть, остальное потом додадим.

Денег при себе больше ни у кого не оказалось, но все дали мне честное пионерское, что сегодня же соберут двадцать три рубля и даже сами купят мне пленку. Мне, конечно, очень хотелось поработать заряженным аппаратом, а не трещать им вхолостую. Я согласился. Все очень обрадовались и вернулись на то место, где была куча мала. Только Зинаида не пошла с остальными.

— Зина, чего ты? Иди! — позвала ее Таня.

Зинаида насупилась и пробасила:

— Не пойду. И тебе, Таня, не советую. Было бы что другое, а в драке сниматься... Мы, Таня, как-никак девочки все-таки.

— Зина, но ведь это же кино! — сказала поэтесса. — Если бы мы в жизни дрались, тогда другое дело... А ведь это же в кино!

Зинаида наконец согласилась. На клен я больше не полез, а снял потасовку с земли. После съемки мы пошли ко мне и подняли дома такой тарарам, что папа с мамой сбежали к знакомым.

Несколько часов мы проявляли пленку, промывали, отбеливали, засвечивали, снова проявляли и фиксировали. Пока пленка сохла, мальчишки осмотрели мой киноаппарат и прикинули, кто какие детали может достать. Девчонки с Татьяной во главе успели за это время придумать такой киносценарий, что, если бы снять по нему картину, потребовалось бы пленки на несколько тысяч рублей.

Наконец лента просохла. Я занавесил окна и установил проекционный аппарат. Когда я

демонстрировал кинокартину, зрители прямо-таки выли от восторга, а я все губы себе от досады искусал. Это была не хроника, а одно недоразумение. Участники потасовки все время смотрели в объектив, улыбались и так нежно касались друг друга кулаками, словно у них были не руки, а водоросли какие-то. Только у Оськи Дробилкина было зверское лицо, и он работал кулаками очень энергично, но бил он ими лишь по воздуху перед собой.

Так закончилась моя попытка снять боевую кинохронику. Моточек пленки мне купили на следующий день, но он до сих пор лежит неиспользованный. Такой счастливый случай, какой я упустил, еще раз едва ли подвернется. Члены третьего звена строят киноаппарат, каждый день бегают консультироваться ко мне и уже собрали тонну металлолома, чтобы купить объектив. Их теперь водой не разольешь.

1957 г.

УЧИТЕЛЬ ПЛАВАНИЯ

Мы с Витей Гребневым и еще пятнадцать ребят из школьного туристического кружка собирались в большой лодочный поход по речке Синей. Нам предстояло подняться вверх по течению на семьдесят километров, а потом спуститься обратно.

Грести против течения — дело нелегкое, особенно без тренировки. Но тут-то нам с Витей и повезло. За две недели до начала похода муж моей сестры купил двухвесельную лодку. Он позволил нам кататься на ней, пока у него

не начался отпуск. И вот мы с Витей уже несколько дней тренировались в гребле.

Правда, тренировался больше я один. Витя — малый упитанный, грузный и не то чтобы ленивый, а какой-то флегматичный. Он предпочитал быть за рулевого. В одних трусах, в огромной соломенной шляпе, привезенной его мамой из Крыма, он сидел на корме, правил и командовал:

— Вдох, выдох! Вдох, выдох!

Я размеренно греб, стараясь правильно дышать и не зарывать весел в воду.

Хорошо было в тот день на речке! Слева медленно полз назад высокий, обрывистый берег, на котором среди зелени белели домики городской окраины. Справа берег был низкий, заболоченный. Там у самой воды, словно тысячи зеленых штыков, торчали листья осоки; за осокой тянулся луг, а за лугом виднелись ржаные поля. Иногда к нам на борт садилась отдохнуть стрекоза или бабочка, иногда из воды выскакивала рыба, словно для того, чтобы взглянуть, кто это плывет на лодке.

Мы проплыли под небольшим пешеходным мостиком. Здесь город кончался. Дальше на левом берегу зеленели огороды, а внизу, под обрывом, тянулся узкий пляж с чистым песком. По выходным дням на этом пляже собиралось много купающихся, но сейчас тут были только два человека: Сережа Ольховников и Женя Груздев.

Мы причалили недалеко от них, вытащили лодку носом на берег и сели на песок, но ни Сережа, ни Женя нас не заметили. Они стояли метрах в трех от берега. Долговязому Сергею вода была по грудь, а коротенькому Женьке — по горло. Оба они отплывались, тяжело ды-

шали, и лица у них были совсем измученные.

— Ты... ты, главное, спокойней! — говорила торчащая из воды круглая Женькина голова. — Ты не колоти по воде, а под себя подгребай, под себя подгребай!

Сергей ничего не отвечал. Он смотрел на Женьку злым левым глазом. Правый глаз его был закрыт длинным мокрым чубом, прилипшим к лицу.

— Давай! — сказала Женькина голова. — Еще разочек. Главное, спокойно!

Сергей лег на воду и с такой силой заколотил по ней длинными руками и ногами, что брызги полетели во все стороны метров на пять, а Женькина голова совсем исчезла в белой пене. Но он продолжал выкрикивать:

— Спокойно!.. Подгребай! Не торопись, под себя подгребай!

Сергей быстро пошел ко дну. Женька хотел его поддержать, но по ошибке схватил не за руку, а за ногу.

Наконец они вылезли на берег. У обоих кожа была синяя и покрыта пупырышками. Они теперь заметили нас, но даже не поздоровались. Сергей сел на песок рядом с Витей, обхватив ноги руками и положив подбородок на колени. Женька остался на ногах. Оба они стучали зубами.

— Не па-па-па-падай духом! — сказал Женька. — Постепе-пе-пе-пенно научись.

— По-по-подохнешь от та-такой науки!

Мы с Витей переглянулись. Витя лег на спину и стал пригоршнями сыпать песок себе на грудь.

— Да, Сереженька, — сказал он, — хорошую шуточку с тобой твой друг устроил!

— Убить его ма-ма-мало, та-та-такого друга!

Мы с Витей опять переглянулись, и я подумал про себя: «Кому-кому, а Витьке повезло в дружбе. Кто-кто, а я-то уж никогда не подведу его, как Женька подвел Сергея».

Сергей и Женька тоже собирались в лодочный поход. Пеших экскурсий и походов в нашей школе всегда проводилось очень много, а лодочный устраивался впервые. Нечего и говорить, с каким увлечением мы все к нему готовились, с каким нетерпением ждали первого июля, на которое был назначен старт. Сергей был одним из самых заядлых наших туристов, а тут он прямо помешался на лодках, на рыболовных снастях, на всяких фарватерах, ватерлиниях и кильватерных колоннах.

Дней за десять до начала похода все собрались в пионерской комнате. Начальник похода — учитель географии Трофим Иванович распределил обязанности и сказал, какие вещи нужно взять. Вдруг он приложил ладонь ко лбу:

— Да, товарищи, о самом главном я и забыл! Поднимите руку, кто не умеет плавать!

Никто не поднял руку. Я знал, что Витя плавать не умеет, но, конечно, не стал его выдавать. А Женька вдруг повернулся к Сергею и громко сказал:

— Сережка! Ну, чего ты прячешься? Ты же не умеешь плавать!

Сергей страшно покраснел. Он так посмотрел на Женьку, что у другого язык отнялся бы, но Женька продолжал:

— Чего ты злишься, Сережка? Ну, чего ты злишься? Скажешь, конечно, что я плохой товарищ, раз тебя выдаю! А я тебе отвечу: ведь до похода не два дня, а целых десять — значит, ты можешь научиться плавать. Ты вот все говоришь, что уже учился, что у тебя ничего

не получается, потому что ты худой, но тяжелый, и что у тебя удельный вес слишком большой для плавания. А я тебе скажу: враки все это. Просто у тебя настойчивости нет. Ну и вот! Случится с тобой что-нибудь, на чьей совести это будет? На моей.

— Евгений прав, — сказал Трофим Иванович. — Делу помочь нетрудно, я уже договорился с Василием Васильевичем. Ты завтра, Сергей, зайди к нему домой в десять утра. Отправитесь на речку заниматься плаванием. Но предупреждаю, друг: если ты к двадцать восьмому числу не научишься хотя бы держаться на воде, тогда уж извини. На реке всякое может случиться.

Когда окончилось собрание, Сергей ушел из школы, даже не взглянув на Евгения.

На следующее утро он отправился к преподавателю физкультуры, но оказалось, что Василий Васильевич заболел ангиной и лежит в постели. Тогда Женька сказал Сергею, что он сам научит его плавать. Сергей сначала и разговаривать с Женькой не захотел, но потом согласился. Как-никак, а Женька был одним из лучших наших пловцов.

С тех пор во время наших тренировок мы с Витей каждый день видели, как они мучаются. Вот и теперь мы смотрели на них и очень сочувствовали Сергею. До начала похода осталась только неделя, а он все еще плавал, как топор.

Вите было хорошо! Он поступил в нашу школу этой осенью, и никто, кроме меня, не знал, что он не умеет плавать.

Женька прилег на песок, подперев голову

рукой. Сергей по-прежнему сидел, положив подбородок на острые колени.

Он сказал, ни к кому не обращаясь:

— Я все свои деньги истратил на этот поход... Литературу купил, удочки... А теперь... теперь все прахом пошло!

— Ничего не прахом. Научись, — ответил Женька.

Сергей повернулся к нему и вдруг закричал тонким, почти плачущим голосом:

— «Научись, научись!»! Уже три дня из реки не вылезает, а чему я научился? Чему? Воду литрами глотать — вот чему я у тебя научился!

Женька спокойно разглядывал на ладони какую-то песчинку.

— Ты, главное, духом не падай. Еще неделя впереди.

— «Неделя впереди, неделя впереди!»! — опять закричал Сергей. — Говорят тебе, что у меня организм такой! Не приспособлен я к плаванию.

— Выдумываешь ты все. «Организм»! — проворчал Женька.

Тон у него был такой спокойный и уверенный, что я не выдержал:

— А откуда ты знаешь, что он выдумывает? Может, и правда у него удельный вес слишком большой!

— Тебе хорошо говорить: «Не падай духом»! — проворчал Виктор. — Ты-то в поход пойдешь. Подвел товарища, чтобы принципиальность свою показать, а теперь утешает: «Не падай духом»!

Женька встал, отряхнул песок с трусов, натянул на ноги старые черные брюки, закатанные до колен, и, не надев рубашки, стал подни-

маться по тропинке, ведущей с пляжа наверх.

— Обиделся! — усмехнулся Виктор.

— Женя! Куда ты? — окликнул я.

— Домой. Сейчас приду.

Женькин дом был совсем недалеко.

Минут через десять он вернулся. Он нес длинную толстую веревку, свернутую в кольцо. Он остановился над Сергеем и сказал усталым голосом:

— Вставай! Пошли.

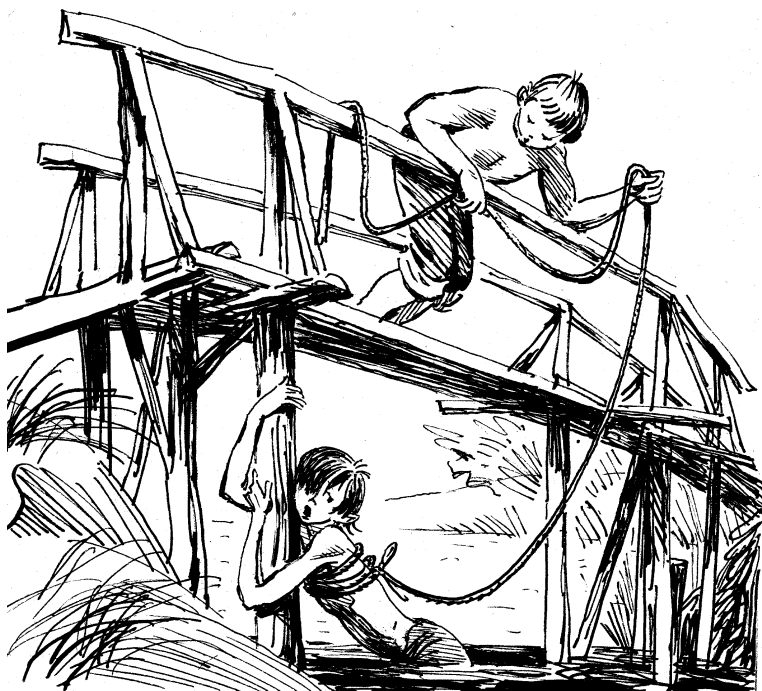
Сергей только голову приподнял:

— Куда еще?

— По новому способу учиться.

— По какому еще способу?

— У тебя на мелком месте ничего не получается: ты, чуть что, ногами на дно становишь-

ся. Теперь давай на глубоком месте попробуем. Я тебя спущу на веревке с моста, а ты старайся плавать. Как пойдешь ко дну, я тебя вытащу.

— Ничего не выйдет, — сказал Сергей и отвернулся.

Женька подождал немного, потом повысил голос:

— Идем! Слышишь? Долго я над тобой буду стоять?

Тут уж мы с Виктором поддержали Женьку.

— В самом деле, Сергей, почему не попробовать! — сказал я. — Мне говорили, что такой способ помогает.

— Чудак человек! — сказал Виктор. — Последнюю надежду теряешь. А вдруг все-таки научишься да пойдешь в поход?

Как видно, Сергей не захотел терять после-

днюю надежду. Он поднялся, и Женька обмотал его грудь веревкой, завязав тройной узел на спине.

— Идем! А вы, ребята, стойте на всякий случай поближе к воде.

Дойдя с Сергеем до середины моста, Женька остановился:

— Тут будем. Здесь глубоко. Полезай!

Я знал, что под мостом Сергею было не больше чем по шею, да и вообще в нашей речке возле города трудно найти место, где было бы глубже. Сергей с опаской посмотрел вниз, и я подумал, что он сейчас увидит дно. Однако вода была довольно мутная. Сергей потоптался некоторое время на месте и, вздохнув так громко, что даже мы с Виктором услышали с берега, перенес через перила сначала одну ногу, потом другую. Стоя за перилами, он снова посмотрел на воду, потом на Женьку.

— Полезай, полезай! — сказал тот.

Сергей обхватил руками сваю и пополз вниз, а Женька начал постепенно вытравливать веревку, но так, чтобы она оставалась все время натянутой.

Вот Сергей погрузился в воду по плечи. Перегнувшись через перила, Женька наблюдал за ним.

— Плыви! — скомандовал он.

Сергей забарахтался было, но как только Женька ослабил веревку, он снова обнял сваю и повис на ней.

— Отпусти сваю! — сказал Женька.

Сергей молчал и отплевывался.

— Отпусти, говорю! Что ты вцепился?

Сергей отпустил сваю и со страшной силой заколотил руками и ногами по воде. Женька быстро оттащил его подальше от свай и закричал:

— Спокойно! Спокойно! Плавно под себя подгребай, плавно!

Но Сергей уже не слышал его — он исчез под водой, только круги пошли от веревки. Женька подождал секунды две, надеясь, что он выплывет, затем вытащил своего ученика на поверхность.

— Отдохни немного, — сказал он.

Сергей отдохнул, а потом Женька снова скомандовал ему: «Плыви!» — и снова тот начал барахтаться, а его учитель кричать: «Спокойно! Под себя подгребай!» И снова Сергей исчез под водой, и снова Женька вытащил его, перепуганного и задыхающегося. Так повторялось много раз.

Минут через пятнадцать Сергей таким голосом крикнул: «К черту! Не могу больше!», что Евгений тут же подтащил его к свае и помог взобраться на мост.

— К че-че-черту все это плаванье! К че-че-черту весь этот по-по-ход! — сказал Сергей и стал быстро ходить по пляжу, чтобы согреться.

Женька сел на песок. Он весь блестел от пота, и вид у него был такой усталый, что ни я, ни Витя больше не решались его ругать.

— Не надо мне никакого похода! — повторил Сергей, проходя мимо.

Мы посмотрели ему вслед. Витя негромко сказал:

— Сейчас говорит «не надо», а как будет старт, заболит с горя.

— Конечно, — ответил я. — Во всех наших путешествиях он самый активный был. А тут все пойдут, а он один будет дома сидеть.

Женька машинально сгребал руками песок, строил из него пирамиду.

— А я, думаете, пойду, если Сергея не

возьмут? — сказал он, не поднимая головы. — Думаете, у меня совести нет?

Скоро Витя отошел от нас и принялся вычерпывать консервной банкой воду из лодки. Женька о чем-то думал, поглядывая то на лодку, то на ушедшего в другой конец пляжа Сергея. Вдруг он, понизив голос, обратился ко мне:

— Отдохнем чуток и еще один способ попробуем. Только вы мне помогите.

Я присел перед ним на корточки:

— А что за способ?

— Мне Юрка Поспелов рассказывал. Говорит, его так отец научил. Посадил в лодку, отплыл от берега и выбросил его за борт. Юрка подумал, что там глубоко, стал изо всех сил барахтаться, чтобы жизнь свою спасти, и поплыл. Поможете?

— Помочь, конечно, поможем. Только где ты найдешь глубокое место?

— А глубокого как раз и не нужно искать. Нужно только сказать Сергею, что там с ручками.

— Против ивовых кустов есть такое место, — сказал я. — Там вода какая-то зеленая, темная, кажется, что и дна нет, а на самом деле совсем неглубоко.

Договорившись обо всем, мы окликнули Сергея и предложили ему покататься. Сергей ответил, что для него «плавать на лодке — значит только растравлять себя», но тут же стал помогать Виктору вычерпывать воду. Покончив с водой, они столкнули лодку и забрались в нее. Нам так и не удалось предупредить Витю о том, что мы задумали. Мы усадили Сергея править, я примостился рядом с ним на корме, Женька сел на весла, чтобы быть поближе к нам, а Витя расположился на носу.

До ивовых кустов было метров пятьсот. Наша лодочка, тяжело нагруженная, сильно осевшая, медленно подвигалась против течения. Песчаный пляж кончился. Справа потянулся почти отвесный глиняный обрыв со множеством крошечных пещерок. Десятки ласточек носились в этом месте над рекой, то пикируя к самой воде, то высоко взлетая. Временами какая-нибудь из них исчезала в одной из пещерок и через несколько секунд выпархивала оттуда снова.

Наконец мы добрались до места, где под обрывом росли кусты ивы, окунувшие нижние ветки в воду. Я мигнул Женьке и, как было условлено, громко спросил:

— Женька! А что, здесь глубоко?

— У-у!.. — протянул он. — Тут даже я не доныриваю.

Сергей посмотрел на темную воду.

Мы с Женькой перемигнулись. Я обеими руками уперся Сергею в плечо и толкнул его.

— Ой, что ты делаешь! — вскрикнул он и вцепился в борта.

Лодка сильно качнулась.

— Хватит дурить, вы! Перевернемся! — сказал Витя, но Женька вскочил и бросился ко мне на помощь.

Я отклонился в сторону и всем корпусом что было силы толкнул Сергея в бок...

Раздался крик, я почувствовал, что куда-то лечу, потом вокруг меня зашумела вода.

Окунувшись, я стал на дно. Вода была мне по грудь. Через секунду в метре от меня показалась Женькина голова.

— Где Сережка? Сережки нет! — сказал он и нырнул.

Я оглянулся и не увидел ни Виктора, ни

Сергея. Только лодка плыла кверху килем да Витина соломенная шляпа. Я тоже нырнул и увидел илистое дно, редкие кустики каких-то водорослей да Женьку, проплывшего мимо меня, словно огромная лягушка. И больше ничего и никого!

Мы вынырнули одновременно друг против друга. Лицо у Женьки было серое.

— Сережки нет... Сережка утонул! — сказал он хрипло.

— И Витьки нет! — ответил я, глотая воздух.

Мы снова нырнули.

Чего я только не передумал за эти несколько секунд, пока был под водой! Иной раз за целый день столько не передумаешь. И о том, что я скажу Витькиным родителям, и о том, что, если бы я выучил его вовремя плавать, все обошлось бы благополучно, и о том, что мы с ним не доделали фотоаппарата под киноплёнку, и о том, что же теперь будет с Женькой и с Сережиной мамой, и о том, каким образом все-таки могли утонуть два здоровенных малых в таком мелком месте.

Почувствовав, что вот-вот открою рот и вздохну, я снова стал ногами на дно и оглянулся. Берег был пуст. Не увидел я никого и на воде. Но из-за перевернутой лодки, которая шла боком к течению и которую отнесло уже метров на двадцать, доносились два испуганных, сердитых голоса:

— Женька! Володька! Сюда!

— Женька, где ты там?

Женькина голова на секунду появилась над водой:

— Нету их!

Голова снова исчезла.

Женька, наверно, сам умер бы под водой от разрыва сердца, если бы я насильно не вытащил его. Только теперь он услышал крики и все понял. Быстрыми саженками мы догнали лодку, поймав по дороге плившее отдельно весло и Витькину соломенную шляпу. Обогнув лодку, мы увидели возле кормы — Сергея, а возле носа — Виктора. Уцепившись за борт, они били по воде ногами.

— Становитесь на дно. Здесь мелко, — сказал Евгений.

Мы с Женькой страшно переволновались, пробыли под водой, наверно, в общей сложности минуту, потом гнались за лодкой и теперь тащили ее к берегу из последних сил.

Я только и думал о том, как бы преодолеть эти пять-шесть метров, отделявших нас от берега, и лечь на узкой, поросшей травой полоске земли под обрывом. Наконец мы добрались, но и тут нам не сразу удалось отдохнуть. Едва мы вышли на берег, как Сергей начал наступать на нас, приговаривая:

— Я вам покажу, как такие шуточки шутить! Я вам покажу, как такие шуточки шутить!

Он даже шлепнул меня ладонью по затылку. Витя вытряхивал из своей шляпы воду и громко одобрял Сережку:

— Так им!.. Дай им еще! Знают, что люди плавать не умеют, и такие штуки выкидывают!

Потом они вскарабкались на обрыв и ушли. В другой раз ни я, ни Женька не спустили бы Сергею такого обращения, но теперь нам было все равно. Мы не окликнули их: мы рады были, что они ушли. Сели на траву и стали отдыхать.

...На следующий день я зашел к Вите, чтобы объяснить ему вчерашнее происшествие и позвать тренироваться в гребле. Его не оказалось дома — мать послала в магазин. Я оставил записку, в которой сообщал, что буду ждать его возле мостика, и, взяв лодку, отправился туда.

На пляже я увидел такую же картину, что и вчера: по грудь в воде стоял Сергей, а возле него торчала Женькина голова.

— Ты не волнуйся. Ты вот так делай. Вот так! Смотри!

Женька медленно проплыл около Сергея.

— Ну, а я не так, что ли, делаю?.. Я же так и делаю!

— Значит, не так. Ну давай! Еще раз!

Через несколько минут сверху спустился Витя. Я стал рассказывать ему, почему мы вчера перевернули лодку и как мы искали его и Сергея на дне реки. Рассказывал я долго, подробно и вдруг остановился.

Все время мы слышали, как Женька выкрикивает свое обычное: «Не волнуйся!», «Подгребай!», «Держи руки под водой!», а тут он вдруг закричал:

— Ну-ну-ну-ну! Ну еще... Ну так! Ну-ну-ну-ну!

Мы оглянулись на речку, но Сергея не увидели. Однако через секунду он высунулся из воды.

— Что? Проплыл? — спросил он почему-то испуганным тоном.

А Женька так же испуганно ответил:

— Сережка, честное пионерское! Метра полтора!

Сергей ничего не сказал. Он откинул чуб со лба, лег на воду и, взбивая ногами пену, страшно вытаращив глаза, то открывая рот, то надувая щеки, двинулся к берегу.

— Сережка! Хочешь — верь, хочешь — не верь! Два метра!

Похоже было, что Сергей и в самом деле не поверил. Стоя уже по колени в воде, он с улыбкой посмотрел на нас и спросил:

— Проплыл? Да?

— Чудак! Конечно, проплыл!

Женька вышел на берег и бросился на песок.

— Всё! — сказал он. — Теперь он и сам из воды не вылезет.

Женька не ошибся. Мы уже начали кричать Сергею, что он весь посинел, что он зря так переутомляется, но Сергей все барахтался, все барахтался и с каждым разом, несмотря на утомление, держался на воде все дольше.

— Женька! Друг! — закричал он неожиданно, выскочил на берег, обнял Женьку и стал кататься с ним по песку.

Когда Женька кое-как от него отбился, Сергей стал один прыгать и кувыркаться. Наконец он уселся, улыбаясь, весь облепленный песком.

— С девяти лет не мог научиться! — выкрикивал он. — Теперь посмотрим, Трофим Иванович!.. Отдохну немного — на боку попробую! Женька! Женечка! Друг! — И он снова бросился обнимать Женьку и катать его по песку.

Согревшись, Сергей опять бросился в речку. Женька лежал, подперев голову рукой, улыбался, помалкивал и, как видно, был очень доволен, что ему не надо лезть в воду.

Переговариваясь с Сергеем, давая ему всякие советы, я не сразу заметил, что Витю что-то не слышно. Я оглянулся на него. Витя сидел грустный, притихший и покусывал поля своей огромной шляпы.

Я догадался, о чем он думает. О том, что

теперь он один из всего нашего туристического кружка не умеет плавать, и, может быть, о том, что, будь у него такой друг, как Женька, он бы уже плавал.

Я мигнул Женьке и сказал:

— Виктор, а тебе Женя говорил о проверке?

— О какой еще проверке? — спросил он нехотя.

— Ну, о том, что Трофим Иванович собирается перед походом всех по плаванью проверить.

— Врешь!

— Не веришь? Спроси Женьку.

— Ну да, — отозвался тот. — Двадцать восьмого в двенадцать ноль-ноль будет проверка! Я вчера Трофима Ивановича встретил, и он мне сказал.

Витя посмотрел на меня, на Евгения, помолчал...

— Женька! Поможешь, а? А то меня Володька пробовал учить, да ничего как-то не вышло.

Женя не сразу ответил. Он поковырял пальцем в песке, извлек оттуда половинку ракушки, осмотрел ее, отбросил и, вздохнув, медленно поднялся.

— Давай! Иди, — сказал он усталым голосом. — Ты, главное, не волнуйся. Дыши спокойно и подгребай под себя.

Витя научился быстрее Сергея: он поплыл на следующий день.

1950 г.

ГАДЮКА

Мимо окна вагона проплыл одинокий фонарь. Поезд остановился. На платформе послышались торопливые голоса:

— Ну, в час добрый! Смотри из окна не высовывайся!

— Не буду, бабушка.

— Как приедешь, обязательно телеграмму!.. Боря, слышишь? Мыслимое ли дело такую пакость везти!

Поезд тронулся.

— До свиданья, бабушка!

— Маму целуй. Носовой платок я тебе в карман...

Старичок в панаме из сурового полотна негромко заметил:

— Так-с! Сейчас, значит, сюда пожалует Боря.

Дверь отворилась, и Боря вошел. Это был мальчик лет двенадцати, упитанный, розовощекий. Серая кепка сидела криво на его голове, черная курточка распахнулась. В одной руке он держал бельевую корзину, в другой — веревочную сумку с большой банкой из зеленого стекла. Он двигался по вагону медленно, осторожно, держа сумку на почтительном расстоянии от себя и не спуская с нее глаз. Вагон был полон. Дойдя до середины вагона, Боря остановился.

— Мы немного потеснимся, а молодой человек сядет здесь, с краешку, — сказал старичок в панаме.

— Спасибо! — невнятно проговорил Боря и сел, предварительно засунув свой багаж под лавку.

Пассажиры исподтишка наблюдали за ним.

Некоторое время он сидел смирно, держась руками за колени и глубоко дыша, потом вдруг сполз со своего места, выдвинул сумку и долго рассматривал сквозь стекло содержимое банки. Потом негромко сказал: «Тут», убрал сумку и снова уселся.

Многие в вагоне спали. До появления Бори тишина нарушалась лишь постукиванием колес да чьим-то размеренным храпом. Но теперь к этим монотонным, привычным, а потому незаметным звукам примешивался странный непрерывный шорох, который явно исходил из-под лавки.

Старичок в панаме поставил ребром на коленях большой портфель и обратился к Боре:

— В Москву едем, молодой человек?

Боря кивнул.

— На даче были?

— В деревне. У бабушки.

— Так, так!.. В деревне. Это хорошо.— Старичок немного помолчал.— Только тяжеленько, должно быть, одному. Багаж-то у вас вон какой, не по росту.

— Корзина? Нет, она легкая.— Боря нагнулся зачем-то, потрогал корзину и добавил вскользь: — В ней одни только земноводные.

— Как?

— Одни земноводные и пресмыкающиеся. Она легкая совсем.

На минуту воцарилось молчание. Потом плечистый рабочий с темными усами пробасил:

— Это как понимать: земноводные и пресмыкающиеся?

— Ну, лягушки, жабы, ящерицы, ужи...

— Бррр, какая мерзость! — сказала пассажирка в углу.

Старичок побарабанил пальцами по портфелю:

— Н-да! Занятно!.. И на какой же предмет вы их, так сказать...

— Террариум для школы делаем. Двое наших ребят самый террариум строят, а я ловлю.

— Чего делают? — спросила пожилая колхозница, лежавшая на второй полке.

— Террариум, — пояснил старичок, — это, знаете, такой ящик стеклянный, вроде аквариума. В нем и содержат всех этих...

— Гадов-то этих?

— Н-ну да. Не гадов, а земноводных и пресмыкающихся, выражаясь научным языком. — Старичок снова обратился к Боре: — И... и много, значит, у вас этих земноводных?

Боря поднял глаза и стал загибать пальцы на левой руке:

— Ужей четыре штуки, жаб две, ящериц восемь и лягушек одиннадцать.

— Ужас какой! — донеслось из темного угла.

Колхозница поднялась на локте и посмотрела вниз на Бору:

— И всех в школу повезешь?

— Не всех. Мы половину ужей и лягушек на тритонов сменяем в девчачьей школе.

— Ужотко попадет тебе от учителей...

Боря передернул плечами и снисходительно улыбнулся:

— «Попадет»! Вовсе не попадет. Наоборот, даже спасибо скажут.

— Раз для ученья, стало быть, не попадет, — согласился усатый рабочий.

Разговор заинтересовал других пассажиров: из соседнего отделения вышел молодой загорелый лейтенант и остановился в проходе, положив локоть на вторую полку; подошли две де-

вушки-колхозницы, громко щелкая орехи; подошел высокий лысый гражданин в пенсне; подошли два ремесленника. Боре, как видно, польстило такое внимание. Он заговорил оживленнее, уже не дожидаясь расспросов:

— Вы знаете, какую мы пользу школе приносим... Один ўж в зоомагазине семь пятьдесят стоит, да еще попробуй достань! А лягушки... Пусть хотя бы по трешке штука, вот и тридцать три рубля... А самый террариум!.. Если такой в магазине купить, рублей пятьсот обойдется. А вы говорите «попадет»!

Пассажиры смеялись, кивали головами.

— Молодцы!

— А что вы думаете! И в самом деле пользу приносят.

— И долго ты их ловил? — спросил лейтенант.

— Две недели целых. Утром позавтракаю — и сразу на охоту. Приду домой, пообедаю — и опять ловить, до самого вечера. — Боря снял кепку с головы и принялся обмахиваться ею. — С лягушками и жабами еще ничего... и ящерицы часто попадаются, а вот с ужами... Я раз увидел одного, бросился к нему, а он — в пруд, а я не удержался — и тоже в пруд. Думаете, не опасно?

— Опасно, конечно, — согласился лейтенант.

Почти весь вагон прислушивался теперь к разговору. Из всех отделений высовывались улыбающиеся лица. Когда Боря говорил, наступала тишина. Когда он умолкал, отовсюду слышались приглушенный смех и негромкие голоса:

— Занятный какой мальчонка!

— Маленький, а какой сознательный!

— Н-нда-с! — заметил старичок в панаме. —

Общественно полезный труд. В наше время, граждане, таких детей не было. Не было таких детей!

— Я еще больше наловил бы, если бы не бабушка, — сказал Боря. — Она их до смерти боится.

— Бедная твоя бабушка!

— Я и так ей ничего про гадюку не сказал.

— Про кого?

— Про гадюку. Я ее четыре часа выслеживал. Она под камень ушла, а я ее ждал. Потом она вылезла, я ее защемил...

— Стало быть, и гадюку везешь? — перебил его рабочий.

— Ага! Она у меня в банке, отдельно. — Боря махнул рукой под скамью.

— Этого еще недоставало! — простонала пассажирка в темном углу.

Слушатели несколько притихли. Лица их стали серьезнее. Только лейтенант продолжал улыбаться.

— А может, это и не гадюка? — спросил он.

— «Не гадюка»! — возмутился Боря. — А что же тогда, по-вашему?

— Еще один уж.

— Думаете, я ужа отличить не могу?

— А ну покажи!

— Да оставьте! — заговорили кругом. — Ну ее!

— Пусть, пусть покажет. Интересно.

— Ну что интересного! Смотреть противно!

— А вы не смотрите.

Боря вытащил из-под лавки сумку и опустился перед ней на корточки. Стоявшие в проходе расступились, сидевшие на скамьях приподнялись со своих мест и вытянули шеи, глядя на зеленую банку.

— Сорок лет прожил, а гадюку от ужа не сумею отличить, — сказал гражданин в пенсне.

— Вот! — наставительно отозвался старичок. — А будь у вас в школе террариум, тогда смогли бы.

— Уж возле головы пятнышки такие желтые имеет, — сказал Боря, заглядывая сбоку внутрь банки. — А у гадюки таких пятнышек... — Он вдруг умолк. Лицо его приняло сосредоточенное выражение. — У гадюки... у гадюки таких пятнышек... — Он опять не договорил и посмотрел на банку с другой стороны. Потом заглянул под лавку. Потом медленно обвел глазами пол вокруг себя.

— Что, нету? — спросил кто-то.

Боря поднялся. Держась руками за колени, он все еще смотрел на банку.

— Я... я совсем недавно ее проверял... Тут была...

Пассажиры безмолвствовали. Боря опять заглянул под скамью:

— Тряпочка развязалась. Я ее очень крепко завязал, а она...

Тряпочка никого не интересовала. Все опасливо смотрели на пол и переступали с ноги на ногу.

— Черт знает что! — процедил сквозь зубы гражданин в пенсне. — Выходит, что она здесь где-то ползает.

— Н-нда! История!..

— Ужалит еще в тесноте!

Пожилая колхозница села на полке и уставилась на Борю:

— Что же ты со мной сделал! Милый! Мне сходить через три остановки, а у меня вещи под лавкой. Как я теперь за ними полезу?

Боря не ответил. Уши его окрасились в тем-

но-красный цвет, на физиономии выступили капельки пота. Он то нагибался и заглядывал под скамью, то стоял, опустив руки, машинально постукивая себя пальцами по бедрам.

— Доигрались! Маленькие! — воскликнула пассажирка в темном углу.

— Тетя Маша! А, тетя Маш! — крикнула одна из девушек.

— Ну? — донеслось с конца вагона.

— Поаккуратней там. Гадюка под лавками ползает.

— Что-о? Какая гадюка?

В вагоне стало очень шумно. Девушка-проводница вышла из служебного отделения, сонно поморгала глазами и вдруг широко раскрыла их. Двое парней-ремесленников подсаживали на вторую полку опрятную старушку:

— Давай, давай, бабуся, эвакуируйся!

На нижних скамьях, недавно переполненных, теперь было много свободных мест, зато с каждой второй полки свешивалось по нескольку пар женских ног. Пассажиры, оставшиеся внизу, сидели, поставив каблук на противоположные скамьи. В проходе топталось несколько мужчин, освещаая пол карманными фонарями и спичками.

Проводница пошла вдоль вагона, заглядывая в каждое купе:

— В чем дело? Что тут такое у вас?

Никто ей не ответил. Со всех сторон слышались десятки голосов, и возмущенных и смеющихся:

— Из-за какого-то мальчишки людям покоя сколько!

— Миша! Миша, проснись, гадюка у нас!

— А? Какая станция?

Внезапно раздался истошный женский визг.

Мгновенно воцарилась тишина, и в этой тишине откуда-то сверху прозвучал ласковый украинский говорок:

— Та не бойтесь! Це мій ремешек на вас упал.

Боря так виновато помаргивал светлыми ресницами, что проводница уставилась на него и сразу спросила:

— Ну?... Чего ты здесь натворил?

— Тряпочка развязалась... Я ее завязал тряпочкой, а она...

— Интересно, какой это педагог заставляет учеников возить ядовитых змей! — сказал гражданин в пенсне.

— Меня никто не заставлял, — пролепетал Боря. — Я... я сам придумал, чтобы ее привезти.

— Инициативу проявил, — усмехнулся лейтенант.

Проводница поняла все.

— «Сам, сам!»! — закричала она плачущим голосом. — Лезь вот теперь под лавку и лови! Как хочешь, так и лови! Я за тебя, что ли, полезу? Лезь, говорю!

Боря опустил на четвереньки и полез под лавку. Проводница ухватила за его ботинок и закричала громче прежнего:

— Ты что? С ума сошел?.. Вылезай! Вылезай, тебе говорят!

Боря всхлипнул под лавкой и слегка дернул ногой:

— Сам... сам упустил... сам и... найду.

— Довольно, друг, не дури, — сказал лейтенант, извлекая охотника из-под лавки.

Проводница постояла, повертела в растерянности головой и направилась к выходу:

— Пойду старшему доложу.

Она долго не возвращалась. Пассажиры ус-

тали волноваться. Голоса звучали реже, спокойнее. Лейтенант, двое ремесленников и еще несколько человек продолжали искать гадюку, осторожно выдвигая из-под сидений чемоданы и мешки. Остальные изредка справлялись о том, как идут у них дела, и беседовали о ядовитых змеях вообще.

— Что вы мне рассказываете о кобрах! Кобры на юге живут.

— ...перевязать потуже руку, высосать кровь, потом прижечь каленым железом.

— Спасибо вам! «Каленым железом»!

Пожилая колхозница сетовала, ни к кому не обращаясь:

— Нешто я теперь за ними полезу!.. В сорок четвертом мою свояченицу такая укусила. Две недели в больнице маялась.

Старичок в панаме сидел уже на третьей полке.

— Дешево отделалась ваша свояченица. Укус гадюки бывает смертелен, — хладнокровно отозвался он.

— Есть! Тут она! — вскрикнул вдруг один из ремесленников.

Казалось, сам вагон облегченно вздохнул и веселее застучал колесами.

— Нашли?

— Где «тут»?

— Бейте ее скорей!

Присевшего на корточках ремесленника окружило несколько человек. Толкаясь, мешая друг другу, они заглядывали под боковое место, куда лейтенант светил фонариком.

— Под лавкой, говорите? — спрашивали их пассажиры.

— Ага! В самый угол заползла.

— Как же ее достать?

— Трудненько!

— Ну, что вы стоите? Уйдет!

Явился старший, и с ним девушка-проводница. Старший нагнулся и, не отрывая глаз от темного угла под лавкой, помахал проводнице отведенной в сторону рукой:

— Кочережку!.. Кочережку! Кочережку неси!

Проводница ушла. Вагон притих в ожидании развязки. Старичок в панаме, сидя на третьей ей полке, вынул часы:

— Через сорок минут Москва. Незаметно время прошло. Благодаря... гм... благодаря молодому человеку.

Кое-кто засмеялся. Все собравшиеся вокруг ремесленника посмотрели на Борю, словно только сейчас вспомнили о нем. Он стоял в сторонке, печальный, усталый, и медленно тер друг о дружку испачканные ладони.

— Что, друг, пропали твои труды? — сказал лейтенант. — Охотился, охотился, бабушку вконец допек, а сейчас этот дядя возьмет да и ухлопает кочергой твое наглядное пособие.

Боря поднял ладонь к самому носу и стал соскребать с нее грязь указательным пальцем.

— Жалко, охотник, а? — спросил ремесленник.

— Думаете, нет! — прошептал Боря.

Пассажиры помолчали.

— Похоже, и правда нехорошо выходит, — пробасил вдруг усатый рабочий. Он спокойно сидел на своем месте и курил, заложив ногу за ногу, глядя на носок испачканного глиной сапога.

— Что — нехорошо? — обернулся старший.

— Не для баловства малый ее везет. Убивать-то вроде как и неудобно.

— А что с ней прикажете делать? — спросил гражданин в пенсне.

— Поймать! «Что делать»! — ответил ремесленник. — Поймать и отдать охотнику.

Вошла проводница с кочергой. Вид у нее был воинственный.

— Тут еще? Не ушла? Посветите кто-нибудь.

Лейтенант осторожно взял у нее кочергу:

— Товарищи, может, не будем, а? Помилуем гадюку?.. Посмотрите на мальчонку: ведь работал человек, трудился!

Озадаченные пассажиры молчали. Старший воззрился на лейтенанта и покраснел:

— Вам смех, товарищ, а нашего брата могут привлечь, если с пассажиром что случится!

— А убьете гадюку, вас, папаша, за другое привлекут, — серьезно сказал ремесленник.

— «Привлекут»... — протянула проводница. — За что это такое привлекут?

— За порчу школьного имущества, вот за что.

Кругом дружно захохотали, спорили. Одни говорили, что в школе все равно не станут держать гадюку; другие утверждали, что держат, но под особым надзором учителя биологии; третьи соглашались со вторыми, но считали опасным отдавать гадюку Боре: вдруг он снова выпустит ее в трамвае или в метро!

— Не выпущу я! Вот честное пионерское, не выпущу! — сказал Боря, глядя на взрослых такими глазами, что даже пожилая колхозница умилилась.

— Да не выпустит он! — затянула она жалостливо. — Чай, теперь ученый! Ведь тоже сочувствие надо иметь: другие ребяташки в каникулы бегают да резвятся, а он со своими гадами две недели мытарился.

— Н-да! Так сказать, уважение к чу-

жому труду, — произнес старичок в панаме.

Гражданин в пенсне поднял голову:

— Вы там философствуете. А проводили бы его до дому?

— Я? Гм!.. Собственно...

Лейтенант махнул рукой:

— Ну ладно! Я провожу... Где живешь?

— На улице Чернышевского живу.

— Провожу. Скажи спасибо! Крюк из-за тебя делаю.

— Ну как, охотники, убили? — спросил кто-то с другого конца вагона.

— Нет. Помиловали, — ответил ремесленник.

Старший сурово обвел глазами «охотников»:

— Дети малые! — Он обернулся к проводнице: — Совок неси. Совок под нее подсунем, а кочережкой прижмем. Неси!

— Дети малые! — повторила, удаляясь, проводница.

Через десять минут гадюка лежала в банке, а банка, на этот раз очень солидно закрытая, стояла на коленях у лейтенанта. Рядом с лейтенантом сидел Боря, молчаливый и сияющий.

До самой Москвы пассажиры вслух вспоминали свои ученические годы, и в вагоне было очень весело.

1947 г.

КАК Я БЫЛ САМОСТОЯТЕЛЬНЫМ

День, когда я впервые почувствовал себя самостоятельным, врезался мне в память на всю жизнь. Я до сих пор вспоминаю о нем с содроганием.

Накануне вечером мама и папа сидели на лавочке у подъезда нашего большого нового дома и спорили.

— Парню десятый год! — сердито говорил папа. — Неужели он дня не может прожить самостоятельно? До коих же пор ему нянька будет нужна!

— Говори что хочешь, Михаил, а я знаю одно, — твердила мама, — если мы Лешку оставим здесь, для меня вся поездка будет испорчена. Здесь даже соседей нет знакомых, чтобы присмотреть за ребенком. Я просто вся изведусь от беспокойства.

Решалась моя судьба на весь завтрашний день. Папин товарищ по работе, полковник Харитонов, пригласил родителей провести воскресенье у него на даче, но меня туда брать было нельзя, потому что сынишка Харитонова болел корью. Мама никогда не оставляла меня надолго одного — ей все казалось, что я еще маленький ребенок. В новом доме мы поселились несколько дней тому назад, ни с кем из соседей еще не познакомились, поэтому мама хотела «подбросить» меня на воскресенье к своей приятельнице, жившей на другом конце города.

Папа возражал, говоря, что неудобно беспокоить приятельницу и что пора приучать меня к самостоятельности.

Я стоял и слушал этот спор, от волнения выкручивая себе пальцы за спиной. Провести хотя бы один день без присмотра взрослых и так было моей давнишней мечтой, а теперь, когда мы переехали в новый дом, мне этого хотелось с удвоенной силой. Причиной тому была Аглая — смуглая темноглазая девчонка, известная как заводила среди здешних ребят.

Эта Аглая мне очень нравилась, но я чувствовал, что она относится ко мне с пренебрежением, считая меня маленьким мальчиком, да к тому же маменькиным сынком. Мне казалось, что день, проведенный самостоятельным человеком, позволит мне возвыситься в ее глазах. К моему огорчению, Аглая находилась тут же, во дворе. Она прыгала на одной ноге, толкая перед собой камешек, слышала весь унижительный для меня разговор папы с мамой и время от времени вставляла, ни к кому не обращаясь:

— У! Я с шести лет одна дома оставалась, и то ничего! — Или: — У! Я сколько раз себе сама обед готовила, не то что разогревала.

Я косился на Аглаю и тихонько, но вкладывая в слова всю душу, убеждал:

— Ну мама! Ну мама же! Ну что со мной может случиться? Ну ты только послушай, как я буду жить: вы уедете, я пойду немножко погуляю...

— Дверь захлопнешь, а ключ оставишь дома...

— И вовсе нет! Я ключ еще вечером положу в карман... Значит, пойду погуляю...

— Тебе домашнюю работу надо делать, а не гулять. Скоро первое сентября, а ты и половины примеров не решил.

— Ой, мама, ну ладно! Я гулять не буду. Значит, вы уезжаете, я сажусь делать примеры, потом захотел есть — включаю газ...

— Еще с газом что-нибудь натворит, — пробормотала мама.

— У! Я давно уже газ... — начала было Аглая, но в этот момент прибежал Антошка Дудкин с большим листом бумаги в руках.

— Готово! Куда вешать? — сказал он Аглае,

и они вдвоем прикрепили к парадному написанную чернилами афишу.

Она гласила, что завтра в пять часов вечера в клубе имени Полины Кожемякиной состоится спектакль пионерского драматического кружка.

Наконец нам с папой удалось уговорить маму. Было решено, что родители уедут с шестичасовым поездом, а я встану, как обычно, в восемь, сам уберу квартиру, сам приготовлю себе чай, сам накормлю и выведу погулять таксу Шумку, сам (то есть без понуканий) решу десять примеров и сам разогрею себе обед. Я был на седьмом небе. Для меня все это было так ново, так радостно, как иному мальчишке возможность пожить на необитаемом острове.

Весь вечер мама мне давала наставления. Ночью я долго не мог уснуть, а когда проснулся солнечным утром, в квартире стояла необычная тишина. Только Шумка, чесавшая себя за ухом, мягко постукивала лапой по полу. Я был один! Я был полным хозяином квартиры. Я мог как угодно распоряжаться самим собой. Я вскочил с постели и в одних трусах, уперев кулаками в бока, громко насвистывая какой-то марш, отправился обозревать свои владения. Я тут же наметил себе огромную программу действий. Убирая квартиру, я не просто подмету паркетный пол, а заново натру его воском; я даже вычищу и повешу в шкаф папин старый мундир, оставленный им на спинке стула. Примеров я решу не десять, как мы с мамой уговорились, а все двадцать штук. Вечером, если папа с мамой задержатся, я разогрею для них ужин, заверну его в старое одеяло, как это иногда делала мама, а сам лягу спать, оставив на столе записку: «Котлеты и

картошка горячие, в кухне, на табурете». Словом, теперь мама узнает, как глупо было с ее стороны бояться оставить меня одного.

Я быстро оделся, умылся и собрался было вывести Шумку, которая уже скулила у двери, но тут меня осенила такая мысль: а что, если заодно пойти в магазин и купить чего-нибудь себе к завтраку? Ведь одно дело, когда в магазин тебя посылает мама, и совсем другое, когда ты сам захотел чего-нибудь, пошел и купил. Ради такого удовольствия не жалко было истратить трешку из пятнадцати рублей, скопленных на аквариум.

Хлеб, масло и колбаса у меня к чаю были. Подумав немного, я решил, что мне хочется сыру.

Через минуту, держа Шумку на поводке, я шел по двору, шел неторопливо, степенно, поглядывая на окна квартиры в первом этаже, где жила Аглая. Вдруг как раз из ее окна вылетела и шмякнулась к моим ногам дохлая ворона. Шумка тьякнула от неожиданности.

— А ну, чтоб духу вашего здесь больше не было! — слышался из окна сердитый женский голос. — Ишь нанесли всякой дряни! Репетировать им надо! На то клуб есть, чтобы репетировать, там и ходите на головах, а людям покой надо дать. Ну! Сколько раз мне говорить? Марш отсюда!

Вслед за этим из подъезда выскочил и подхватил на бегу ворону рыжий мальчишка с лицом, казалось, состоявшим из одних веснушек. За плечами у него в виде мантии болталось синее одеяло, на котором были нашиты узоры из серебряной бумаги от чая, на голове сидела корона, обклеенная той же бумагой. За ним, прижимая к груди ворох цветных тря-

пок, выскочила такая же рыжая девчонка, за девчонкой — Антошка Дудкин, одетый как обычно, а за Антошкой выбежала Аглая. Я взглянул на нее, да так и застыл.

Аглая мне нравилась даже в самой затрапезной своей одежде, даже тогда, когда она выбегала во двор в старом материнском жакете, доходившем ей до колен, и в драных валенках на тонких ногах. А тут... тут она предстала предо мной в наряде сказочной принцессы. На ней было платье из марли, раскрашенной голубой, розовой и желтой красками; на шее блестело ожерелье из разноцветных стеклянных бус, какими украшают елки; два крупных шарика от этих бус болтались на ниточках под ушами, надо лбом в темных волосах блестела мохнатая елочная звезда, а две такие звезды, но поменьше, украшали стоптанные тапочки.

Заглядевшись на всю эту красоту, я даже палец сунул в рот от восхищения. Пробегая мимо, Аглая едва кивнула мне, но вдруг остановилась и спросила через плечо:

— Ну что, уехали твои?

Я быстро вынул палец изо рта и сказал как можно небрежней:

— Конечно, уехали.

— И тебя одного оставили?

— Конечно, одного. Вот еще!.. Не знаешь, магазин открыт? Хочу сыру купить себе к завтраку.

— Открыт, — сказала Аглая, о чем-то думая. — Ты потом домой придешь?

— Ага. Вот только сыру куплю. Сыру чего-то захотелось.

— Эй! Идите-ка! — крикнула Аглая своим приятелям и, когда те подошли, обратилась ко

мне: — Тебя Лешей зовут, да? Леша, можно мы к тебе придем? А то нам репетировать надо, а нас отовсюду гонят и клуб закрыт... а ты один в квартире. Ладно?

— Пожалуйста, конечно! — обрадовался я. — Я вот только квартиру уберу, примеры сделаю, и приходите.

Лицо Аглаи стало каким-то скучным.

— У-у! Примеры! А тебя что, заставляют с утра заниматься? Меня, например, никто не заставляет. Когда хочу, тогда и занимаюсь.

— А меня разве заставляют? Меня вовсе никто и не заставляет, это я сам хотел, — заторопился я. — Пожалуйста! Хоть сейчас пойдете! Я и квартиру могу не убирать... Когда захочу, тогда и уберу. Пожалуйста! Шумка, домой!

Большими уверенными шагами я зашагал впереди артистов к своему подъезду, поднялся вместе с ними на второй этаж, открыл ключом дверь и широко распахнул ее.

— Пожалуйста! Вы в какой комнате хотите? В этой или в той? В какой хотите, в той и репетируйте. Пожалуйста!

Артисты прошли в большую комнату, служившую столовой и одновременно моей спальней. Я из кожи лез, чтобы показать, какой я независимый человек и гостеприимный хозяин.

— Аглая, ты не стесняйся, говори, что нужно. Стол мешает? Стол можно отодвинуть, и очень даже просто. Шумка, на место! Не путаться под ногами! Как нужно, так и сделаем, как захотим, так и устроим. Да, Аглая?

Принцесса разглядывала себя в большом зеркале, стоявшем у стены.

— У тебя губная помада есть? — спросила она.

— Помада? У! — воскликнул я, совсем как

Аглая.— Я тебе не только помаду могу дать, я и пудру могу, и краску для бровей, и одеколон даже...

Удалившись в другую комнату, я взял там большую коробку с парфюмерным набором «Белая сирень», захватил еще коробочку с краской для бровей и притащил все это Аглае.

— Вот! Пожалуйста! Выбирай что хочешь. Очень даже просто!

Аглая напудрила себе лоб и нос, нарисовала губы и подрумянила щеки. То же самое проделала Зина — рыжая девчонка, игравшая пожилую королеву. Кроме того, ей густо напудрили волосы, чтобы она казалась седой.

— Антошка! — сказала Аглая.— Давай теперь ты загримируйся. Знаешь, как артисты делают, чтобы красивей быть? На носу белую черту проводят, а под бровями розовой краской мажут. И губы тоже.

Но Дудкин, скрестив руки на груди, повесив голову, с угрюмым видом бродил по комнате.

— А ну тебя! «Загримируйся»! Мне козел покоя не дает, а ты — «загримируйся»...

— Какой козел? — спросил я.

Мне объяснили, что Дудкин играет Иванушку-дурачка и по ходу пьесы должен приехать к принцессе верхом на козле и с дохлой вороной в руках. Вот этим козлом, наскоро выпиленным из фанеры, Антошка был очень недоволен.

— Дохлую ворону и ту настоящую достали, а козла курам на смех сделали. Надо, чтобы он на четырех ногах был, чтобы я мог сесть на него и меня бы на нем за веревочку и втащили. А на фанерного разве сядешь! Волочи его между ног, а сам топай на своих на двоих. Публика только смеяться будет.

Король уныло кивнул:

— Ага. Я говорил Наталье Петровне, что надо другого козла, а она свое: «Мы, говорит, сказку ставим, а в сказке и фанерный сойдет».

Артисты замолчали в раздумье. Я тоже молчал и все поглядывал на Аглаю. Мне очень хотелось узнать, что она думает обо мне, убедилась ли наконец, что я человек, достойный ее уважения. Но Аглая не смотрела на меня. Как назло, она обратила внимание на стоявшего у кровати большого коня из папье-маше, на котором я еще недавно ездил верхом по квартире, гоняясь за Шумкой и стреляя в нее из жестяного пистолета.

— Это твой конь? — спросила она.

Я очень любил своего скакуна, относился к нему как к живому существу, но теперь я отрекся от него:

— Нет, не мой... То есть мой, но я в него давно не играю. Он просто так стоит. Что я, маленький, что ли!

Ковыряя в носу, принцесса задумчиво смотрела на коня.

— Антон! Вот бы из этой лошади козла сделать... У нее даже колесики есть. Леша, одолжи нам этого коня. А?

— Конечно, одолжу! Пожалуйста! Что мне, жалко? Я в него вовсе и не играю... Он просто так стоит...

Присев на корточки, Дудкин внимательно осмотрел коня.

— Этот, факт, лучше фанерного, — сказал он. — А хвост куда девать?.. Ты козлов с такими хвостами видела?

И тут я окончательно предал своего старого друга.

— А хвост... а хвост можно отрезать! — зве-

нящим голосом выпалил я и завертел головой, глядя, какое это произведет на всех впечатление.

— Тебе от матери попадет,— пробасила Зинаида.

— Что? Попадет? Вот еще!.. «Попадет»! Это моя лошадь: что хочу, то и делаю. Сейчас отрежем, и все! И очень даже просто!

Я снова сбегал в другую комнату, вернулся оттуда с ножницами и присел перед конем. Через минуту пышный мочальный хвост лежал на полу, а я поднялся, мокрый от испарины.

— Вот и все! Вот и пожалуйста! И ничего тут такого нет...

Сделать из лошади козла оказалось работой сложной и трудной. Мне пришлось искать, где у папы лежат плитки сухого столярного клея, потом толочь его, чтобы он быстрее размок, потом варить его в маленькой кастрюльке (подходящей банки в доме не оказалось). Потом мы принялись делать рога. Сначала Аглая свернула из бумаги узенькие фунтики, и мы приклеили их к лошадиной голове, но Антошка сказал, что таких прямых рогов у козлов не бывает. Тогда мы стали делать их плоскими, вырезая из картона, и извели кучу всяких коробок от настольных игр, прежде чем Дудкину понравилась форма рогов.

Для бороды мы, конечно, использовали часть отрезанного мной хвоста, но и тут пришлось помучиться, потому что руки у нас были все в клею и мочалка больше прилипала к пальцам, чем к лошадиной морде. Когда борода была наконец готова, Дудкин заявил, что лошадь надо перекрасить из светло-коричневого в другой какой-нибудь цвет, хотя бы в белый.

Зубной пасты оказалось мало, и Зина предложила покрасить мукой. Я достал муки, и мы разболтали ее в тазике, так что получилось нечто вроде теста для блинов. Чем дольше мы работали, тем больше у меня скребли кошки на сердце, когда я смотрел на паркетный пол, заляпанный клеем, жидким тестом и облепленный кусочками мочалки.

Пробило два часа. Королева заторопилась:

— Васька, пойдем, обедать пора. Антон, кончай скорей. В пять часов спектакль, а мы и не репетировали сегодня из-за твоего козла.

Только тепер я вспомнил, что ничего не ел со вчерашнего вечера. В животе у меня бурчало, в голове неприятно шумело.

Держа в левой руке тазик с тестом, а в правой — старую кисточку для бритвы, Дудкин мазнул по коню еще разок, отошел шага на два и склонил голову набок. Потом он бросил кисточку в таз, а таз поставил на стол и вздохнул:

— Зря только коня испортили.

Аглая передернула плечами:

— У, какой-то!.. Тебе все плохо! Фанерный ему плох, этот плох...

— А по-твоему, хорош, да? — закричал Дудкин. — Ты посмотри на него: у тебя мурашки по спине не бегают? Ведь он на черта похож, с которого содрали шкуру, а ты — хорош!

Я не представлял себе, как выглядит черт без шкуры, но то существо, которое у нас получилось, и правда имело вид жутковатый.

Непросохшее тесто блестело скользким блеском, один картонный рог надломился и свесился набок, куцый хвост, испачканный клеем, превратился в какую-то сосульку, а рыжая борода, наоборот, была слишком пышна и топорщилась во все стороны.

Как видно, и Аглае стало не по себе, потому что она больше не возражала Антону. На некоторое время в комнате воцарилось унылое молчание.

— Аглая! — закричали вдруг за окном сразу несколько голосов. — Эй, Аглая! Дудкин!

— Мы здесь! — отозвалась Аглая, подбежав к окну.

— «Здесь! Здесь!» Мы вас два часа ищем. Ушли куда-то и не предупредили. Хотите спектакль сорвать?

— Идите сюда. Мы здесь репетируем, в двадцать второй. — Аглая отошла от окна. — Леша, поди открой, это еще артисты идут... Антошка, мы Сене Ласточкину козла покажем. Он староста кружка: пусть как хочет, так и решает.

Я открыл входную дверь, и в квартиру ввалились еще человек шесть ребят. Среди них выделялся плечистый мальчишка с самоуверенной физиономией.

— Сеня, гляди! — сказала ему Аглая. — Мы вот какого козла вместо фанерного сделали, а Дудкину и этот не нравится.

Мальчишка посмотрел на наше страшилище маленькими, узкими глазками.

— Халтура! — проворчал он и добавил: — Я вам получше козла достану. Живого. Настоящего.

— Вот! Настоящего! — обрадовались артисты. — Конечно, хорошо бы настоящего, только где ты его возьмешь?

— У моего дяди есть козел. В сарайчике живет. Только бодливый, черт!

— Это ничего, что бодливый, — сказал Дудкин. — Лишь бы дядя позволил взять.

— А мы его и спрашивать не будем. Потти-

хоньку возьмем, а потом обратно... Вот где бы его спрятать до спектакля? А то дядя скоро вернется, тогда ничего не получится.

Все помолчали, обдумывая этот вопрос.

— В закоулке каком-нибудь привязать, и все.

— В закоулке украсть могут.

— Сторожить по очереди будем.

Сеня качнул головой:

— Не годится. Дядя увидит, что козла нет, и пойдет его искать по дворам да закоулкам. — Он помолчал. — У Юрки спрячем. Юра, у тебя отец с матерью по воскресеньям работают и квартира отдельная. В квартирах козлов не ищут.

Мальчик, которого звали Юрой, попятился от него:

— Ты что, с ума сошел? Ты знаешь, что мне за это будет!

На Юру напали со всех сторон:

— Не хочешь помочь товарищам, да?

— Вот Сеня наверняка знает, что от дяди попадет, а и то не боится для общего дела.

— Ругайтесь себе сколько хотите, — ответил Юра. — Я лучше из кружка совсем уйду, а козла в квартиру пускать не буду. У меня голова на плечах еще есть.

— А я знаю, где козла спрятать! — воскликнула Аглая. — Леша, мы к тебе его приведем. Хорошо?

Тут уж я оторопел. Я почувствовал, что козел в квартире, да еще почти что краденый, — это уж слишком.

— Я... ко мне козла...

У меня пересохло в горле, я поперхнулся. Аглая этим воспользовалась. Быстро поглядывая на меня, она заговорила с воодушевлением:

— К Леше поставим. Леша не такой нюня,

как Юрка. Правда, Леша? Он мальчишка самостоятельный, не какой-нибудь маменькин сынок — да, Леша? Мы к нему поставим козла в прихожую и все пойдем обедать. Он часочка два всего постоит, а перед спектаклем заберем. И никто даже ничего и не узнает. Леша, верно я говорю? Ты не забоишься, как Юрка, да, Леша?

— Я... мне...

Я снова запнулся. Все ждали моего ответа, ждала и Аглая. Она покраснелась, маленькие черные глаза ее блестели, цветные зеркальные шарики покачивались под розовыми ушами. И я не смог отказаться. Я посмотрел на Юру, которому Аглая ставила меня в пример, и слегка расправил плечи:

— Я... Пожалуйста, конечно... Мне, конечно, ничего не стоит... Только... только он, наверное, будет кричать, а соседи...

— У! Кричать? Зачем ему кричать? А соседям ты не открывай. Это твоя квартира, ты хозяин, и пусть они не суются. — И, как видно испугавшись, что я пойду на попятный, Аглая снова принялась меня хвалить: — Ну, что я говорила? Говорила, что Леша не заботится, — он и не забоялся. Он не то что Юрка, он знает какой отчаянный!

— Ладно! Пошли тогда, — сказал Сеня и кивнул мне: — Ты жди, значит. Мы скоро...

Артисты повалили к выходу. В передней королева сказала, что ей с Васькой давно пора обедать.

— После пообедаешь, — отрезал староста. — Нам рабочая сила нужна. Он знаешь какой здоровый? Вот такую собаку насмерть забодал.

Услышав эту фразу, я совсем расстроился, но было уже поздно: артисты ушли.

Я принялся слоняться по квартире. Я по-

нимал, что следует привести в порядок комнату, попытаться хотя бы соскрести тесто с коня, а в первую очередь чего-нибудь перекусить, но от тревоги у меня ни к чему не лежали руки. То и дело я забирался на подоконник.

Наш дом был первым многоэтажным зданием, построенным в этом районе. Его со всех сторон обступили деревянные дома и домишки, окруженные многочисленными сарайчиками и клетушками. В одной из таких клетушек, наверное, и жил этот проклятый козел.

Прошло двадцать минут, потом полчаса. Артисты не возвращались. Я стал подумывать, что, пожалуй, не так уж легко протащить чужого козла в летний воскресный день по проходным дворам. Может, на мое счастье, артистов еще и застукают на месте преступления. Когда часы пробили три, у меня совсем отлегло от сердца, и я направился на кухню разогревать себе обед.

— Леша! Леша! Открывай! — донесся в этот момент всполошенный Аглаин голос.

Остановившись на полдороге, я подбежал к окну, но во дворе уже никого не было. В отвратительном настроении побрел я в переднюю и открыл дверь. Артистов я не увидел. Я только услышал, что под моей площадкой идет приглушенная, но, как видно, отчаянная борьба. Там сопели, пыхтели, кряхтели и шаркали ногами. Временами кто-то яростно фыркал. Иногда что-то шмякалось не то об стену, не то о ступеньки.

— Рога! Рога держите! Рога не отпускайте! — хрипло шептали внизу.

— Ыть!.. Еще немного! Ыть! Еще разок!..

— Ой! У-юй!

— Тише! Услышат!

— Подымай ему ногу! Подымай ему ногу!
Подымай ногу... Уп!.. Есть!

— Чего — есть?

— По губе копытом!

— Ыть! Еще разок! Ыть!.. Мне за штаны влетит. Ыть!.. Не починишь теперь.

Но вот на лестнице, ведущей к площадке, показалась куча рук, ног, стриженных затылков и растрепанных кос. Она шевелилась, судорожно дергалась и постепенно приближалась ко мне.

Полумертвый от страха, я отступил в переднюю, однако двери не закрыл. Вот куча артистов показалась па площадке. С минуту они трепыхались перед дверью, потом что-то случилось, и в переднюю разом влетели Дудкин с окровавленной губой, еще два артиста и козел. Он был черный с белыми пятнами. Одного глаза на белой половине морды у него не было, а глаз на черной половине был открыт и смотрел безумным взглядом, каким смотрит с картины Иван Грозный, убивший своего сына. На правом роге его, как чек в магазине, был наколот квадратный кусочек синей материи.

— Двери! — закричал мне Дудкин, устремляясь к выходу. — Закрывай все двери! А то пропадешь!

Козел повернулся, красиво встал на дыбы, Дудкин ойкнул и захлопнул за собой дверь. В следующий момент рога так треснули по ней, что сверху побелка посыпалась.

Я оцепенел. Секунд пять я не двигал ни рукой, ни ногой. Как сквозь вату, я услышал, что в дверь слабо застучали кулаком.

— Мальчик! Мальчик! — запищал тонкий девчачий голосок. — У него на роге мой карман от передника остался. Мальчик, а мальчик, у него на роге мой карман...

Мне, конечно, было не до кармана. Козел снова повернулся, опустил рога и мелкими шажками потопал ко мне. Я шмыгнул в комнату и запер дверь на крючок.

— Черта с два я на такого сяду! — донесся со двора голос Дудкина. — Я уж лучше на фанерном. Что мне, жизнь не дорога?

Я не расслышал, что ему ответили. Шумка, которая до сих пор лишь нервно тьякала в соседней комнате, вдруг закатилась отчаянным лаем. Я сунулся было туда и отскочил назад. Козел был уже в комнате родителей. Он проник туда через другую дверь, которую я не догадался закрыть. Он медленно вертелся, подставляя Шумке рога, а та, захлебываясь от ярости, прижимаясь грудью к полу, в свою очередь, вертелась вокруг козла и норовила схватить его за пятку. Крючка на двери в эту комнату не было. Я забаррикадировал ее тяжелым плюшевым креслом.

И началась катавасия! Лай, топот, фырканье постепенно удалились в кухню, причем там загремело что-то железное, потом шум битвы снова переместился в соседнюю комнату. Я был отрезан от всей квартиры. Я не мог взять из кухни продукты. Мне была недоступна даже уборная, куда я стремился всей душой. Ломая себе пальцы в тоске, я слонялся по комнате и думал о том, как же я открою артистам, когда они придут за козлом, и придут ли они вообще до спектакля, если Дудкин отказался на нем ездить.

Шумка была из тех собачонок, которых называют «заводными». Обычно стоило кому-нибудь пройти по лестнице мимо нашей квартиры, как она впадала в истерику минут на пять. Козел появился у нас примерно в чет-

верть четвертого. Ровно в четыре в квартире продолжался все тот же тарарам, и Шумка даже не охрипла. Со двора уже давно доносились голоса:

— Безобразие какое!

— Это в двадцать второй!

И Шумка, как говорится, допрыгалась. Лай ее вдруг прервался, она громко икнула, а в следующий момент заверещала таким дурным, таким страшным голосом, что я подумал: «Все! Шумке конец».

— Эй! Двадцать вторая! Что вы там, с ума посходили? — закричали во дворе.

— Прекратите это хулиганство, слышите?

Сам не зная зачем, я подошел к окну. По ту сторону двора стоял двухэтажный бревенчатый дом. Из многих окон его выглядывали жиль-

цы. Несколько мужчин и женщин стояли на крыльце и возле него, подняв головы к окнам нашей квартиры. Стоило мне показаться, как они накинулись на меня:

— Эй, малый! Это ты там безобразничаешь?

— У тебя совесть есть так собаку мучить?

— Мать с отцом уехали, он и распоясался!

В голове у меня звенело от Шумкиного визга, сердце измученно колотилось, но все же я еще разок попробовал показать свою самостоятельность. Печально глядя в окно, голосом слабым, как у тяжелобольного, я пролепетал:

— Вас... вас не касается. Я... я сам... я сам знаю, что делаю. Это наша квартира. И... и вас не касается.

Я отошел от окна. Шумка вдруг перестала

верещать и затыкала где-то на кухне, визгливо, обиженно.

«Хам! Грубиян! — как бы говорила она, лежа, очевидно, под газовой плитой.— С тобой и дела-то иметь нельзя». Потяввав немного, она успокоилась. В квартире наступила тишина. Я забрался с ногами на кровать, прижался спиной к стене и тоже затих. На противоположной стене висело зеркало, в котором маячило мое отражение. Никогда еще я не казался себе таким бледным, таким тощим. Я смотрел в зеркало и грустно думал о том, что у меня, наверное, будет рак. Я слышал, как взрослые говорили, что рак развивается на нервной почве и первым признаком его бывает исхудание.

Пробило половину пятого, но я уже не ждал артистов. Я понимал, что они не смогут взять у меня козла, когда во дворе столько народа.

В соседней комнате что-то полилось, потом из-под двери ко мне потекла лужа. Меня это уже не взволновало. Мне уже было все равно.

Потом то ли козел проголодался, то ли ему захотелось домой, но только он начал блеять. Он блеял настойчиво, требовательно, хриплым басом.

— Ишь какой зловредный мальчишка! — послышался со двора старушечий голос.— То собаку мучил, теперь козлом кричит. Все на зло!

— Нет, тут что-то не то,— отозвался мужчина.— Разве мальчишка сможет так реветь? У него и голоса не хватит. Странное дело!

— Дядь Терентий! Дядь Терентий! — вдруг взволнованно крикнула какая-то девушка.

— А-я! — донеслось издалека.

— Ты козла ищешь? Поди-ка сюда! Это не твой орет?

Прошло несколько секунд молчания, потом со двора послышалось:

— Ага! Он и есть! Ах люди! Ну что за люди! Срежь бела дня!

Дядя Терентий принялся кричать нам в окна, чтобы ему немедленно вернули козла и что он нам покажет, как скотину воровать. Я не отвечал. Собравшиеся во дворе успокаивали дядю Терентия, говорили, что тут, очевидно, какое-то недоразумение, что квартира принадлежит солидному человеку, подполковнику, который едва ли станет заниматься такими делами. Говорили также, что подполковника сейчас нет и что дома только его сынишка, то есть я.

— А мне шут с ним, кто там дома, кого нет. Мой козел — стало быть, отдай! — сказал дядя Терентий. — Верка! Стой здесь! Пойду участкового приведу.

Козел притих, словно понял, что освобождение близко. Я не боялся прихода милиционера, я был даже рад, что он придет, и думал только о том, как он попадет в квартиру. И вдруг у меня мелькнула такая мысль: козел сейчас в комнате родителей. Что, если я в одну секунду проскочу переднюю, открою входную дверь... А там лестница, а там двор, а там люди, от которых мне попадет, но которые избавят меня от козла...

Я прислушался. В квартире было тихо. Я и не подозревал, что козел уже перебрался в переднюю и стоит у самой двери моей комнаты. Я на цыпочках подкрался к этой двери, тихонько снял с нее крючок, затем сразу распах-

нул ее и... чуть не напоролся на козлиные рога.

В следующий момент я был на середине комнаты. Козел направился ко мне. Я вскочил с ногами на подоконник. Козел подошел к подоконнику и, мотая головой, глядя на меня своим страшным глазом, хрипло заблеял. И тут я окончательно забыл про свою самостоятельность. Я отодвинулся почти к самому карнизу, свесил ноги наружу, поднял лицо к небу и заревел на весь двор, где уже собралось очень много народу. Однако я недолго ревел. Вскоре еще больший ужас потряс меня так, что я и голос потерял.

Во двор вошли папа и мама. Они шли не под руку, как обычно, а на расстоянии метра друг от друга. Лицо у папы было красное и очень сердитое. Уже потом я узнал, что мама испортила папе все удовольствие от поездки, потому что все время беспокоилась за меня и говорила, что у нее какое-то тяжелое предчувствие. Они уехали от полковника Харитонова, даже не пообедав, и всю дорогу ссорились.

Папа был так рассержен, что даже не заметил толпы, которая глазела на мое окно. Увидев меня, он остановился и почти закричал маме:

— На! Смотри! Целехонько твое сокровище, здоровехонько! И что вообще с ним могло случиться?

Не слушая папы, мама закричала мне, чтобы я лез обратно в комнату, что я могу свалиться. Но я не послушался.

— Дядя Терентий! Дядя Терентий! — сказали в это время в толпе. — Вот как раз товарищ подполковник. Вернулся!

Во двор вошел низенький, грязно одетый дядька с полуседой щетиной на лице, а с ним круглолицый, розовощекий милиционер. Тут

папа впервые обратил внимание на толпу и как-то притих. Милиционер подошел к нему и отдал честь:

— Товарищ подполковник, разрешите обратиться!

— Пожалуйста! Слушаю!

Милиционер смущенно улыбнулся:

— Не знаешь, как и начать... Короче, вот от гражданина поступило заявление, что у вас в квартире... ну, домашнее животное.

— Что за чушь? Какое животное?

— Козел, — пояснил милиционер, зачем-то понизив голос.

— Что-о?

— Козел, товарищ подполковник.

Папа вскинул голову. Глаза его сверкали.

— Алексей! В чем дело? Что там такое у тебя?

«Ме-е-е!» — закричал козел за моей спиной.

Что было дальше, рассказывать незачем, об этом каждый догадается. Скажу лишь одно: я много вынес в тот день, но самый тяжелый удар, удар в самое сердце, постиг меня на следующее утро.

Папа был на службе, мама ушла в магазин. Мне запретили выходить. Я лежал на подоконнике и смотрел во двор. Подо мной на лавочке сидели Аглая и другие театральные деятели. Вчерашний спектакль прошел у них успешно, несмотря на то что пришлось удовольствоваться фанерным козлом. За живого козла им, конечно, тоже нагорело, но они уже забыли об этом и обдумывали новую постановку.

— Валенки для партизан достанем, полуботинки найдутся, — говорил Сеня Ласточкин. —

А вот портупею, кобуру и полевую сумку — это надо поискать.

— Лешка достанет, — сказала Аглая. — У него отец военный.

— Какой Лешка! Из двадцать второй? — вмешался Дудкин. — Нет! Не достанет. Теперь ему отец ничего не даст.

— Лешка-то? У! Я ему скажу, что он самостоятельный, — он и без спроса возьмет. Я им как хочу, так и верчу.

1957 г.

«НА ТЕБЯ ВСЯ НАДЕЖДА...»

Из-за переезда в новый дом мы не сняли дачу. Я, правда, побывал в пионерском лагере, но родители мои почти все лето провели в городе. Только два раза они выезжали на природу, и каждый раз со мной в это время что-нибудь случалось.

Про историю с козлом я уже рассказал. Вторая история случилась уже в середине августа, когда папа только что получил отпуск. Знакомые предложили родителям отправиться дней на десять в байдарочный поход. Папа с мамой никогда на байдарках не ходили, им очень хотелось узнать, что это за удовольствие, но взять меня с собой они отказались.

— Дай мы сами научимся весла держать, — сказал папа. — Тогда купим на следующий год байдарку — будешь с нами плавать.

Снова родители стали советоваться, на кого меня оставить. В этот раз такой человек нашелся быстро. Мама поехала зачем-то в центр города и вернулась очень довольная.

— Все устроилось! Тетя Соня у нас поживет.

— Тетя Соня? Тихомирова? — слегка удивился папа.

— Ну да! Я ее в автобусе встретила. Она сказала, что с восторгом переберется к нам и присмотрит за Лешкой.

— С восторгом? — тем же тоном переспросил папа.

Я тоже был несколько удивлен, что за мной будет присматривать именно тетя Соня и что она будет делать это с восторгом. Она была замужем за приятелем моего покойного дедушки. Папа знал его с детства, мама — тоже очень давно, но после смерти дедушки родители бывали у Тихомировых редко, а я последний раз виделся с тетей Соней, когда мне было лет шесть или семь.

Мама объяснила, почему тетя Соня пришла в такой восторг. К ее мужу приехала куча родственников из Хабаровска, и она вынуждена была готовить на них, да мыть посуду, да водить их по магазинам. Теперь она скажет, что у нее заболел кто-то из близких, что она должна уехать, и пусть эти родственники сами моют посуду.

— Она уверена, что поладит с Лешей, — добавила мама. — Она говорит, что у нее прирожденный педагогический талант.

— А у самой детей не было, — заметил папа.

— Хорошо! — рассердилась мама. — Что тебе, собственно, не нравится? Ну, пусть она преувеличивает и у нее нет педагогического таланта. А у кого из наших близких он есть?

Папа не ответил, а мне было все равно, кто за мной будет присматривать и есть ли у него педагогический талант. Я слишком был огорчен, что меня не берут в поход.

Всю вторую половину дня накануне отъезда папа с мамой ползали на четвереньках среди

разложенных по полу вещей, все время что-то теряли, то и дело ссорились. Я тогда не читал еще «Трое в одной лодке» и не знал, что все туристы так собираются в путь.

Часов в восемь раздался звонок.

— Тетя Соня, — сказала мама, и мы все пошли в переднюю.

Я слышал, что тете Соне около шестидесяти, но выглядела она моложе. У нее были светло-желтые, кудряшками, волосы и короткое пестрое платье. Молча сжав красные губы бантиком, она подставила маме для поцелуя одну щеку, папе — другую. Затем она наклонилась ко мне и ткнула себя пальцем куда-то рядом с узким напудренным носом.

— Целуй сюда! — сказала она и снова сжала красные губы бантиком.

Я вяло чмокнул ее. Тетя Соня прошлась по передней, заглянула в одну комнату, в другую.

— Блаженство! — сказала она без всякого выражения.

— Что? — не понял папа.

— После того кошмара, который у нас в доме, здесь рай.

Мы вошли в комнату. Тетя Соня села на стул, вынула из сумочки плитку шоколада.

— Алеха!.. Это тебе.

Я взял шоколад, поблагодарил. Тетя подняла указательный палец.

— Но только, Леха, уговор: пока я здесь, ты будешь получать сладкое только после обеда и после ужина. — Склонив голову набок, она посмотрела на меня круглыми светло-серыми глазами. — Ну как, лады?

— Угу, — промычал я. Что-то не понравилось мне это «лады» и вообще манера тети Сони разговаривать со мной.

А она протянула руку и сказала:
— Молодец! Давай лапу на уговор!

Это мне тоже не понравилось, но я пожал руку. Покосившись на папу с мамой, я заметил, что они переглянулись.

Больше в тот вечер тетя Соня со мной не разговаривала. Меня послали гулять с Шумкой, а потом уложили спать.

На следующее утро тете Соне было не до меня. Она спрашивала маму, где лежит мое белье, как варить кашу «геркулес» (ей никогда не приходилось этого делать), по какому адресу сообщить, если со мной случится что-нибудь особенное. На это мама сказала, что она сама будет звонить из каждого поселка, где есть переговорный пункт.

Папа сходил за такси и приехал в нем к нашему подъезду. Антошка Дудкин, Аглая и рыжие Зинка и Васька Брыкины подошли к машине и стали смотреть, как в нее засовывают рюкзаки, авоськи, удочки и таксу Шумку (родители решили взять ее с собой).

— Лешк! Куда едешь? — спросил Дудкин.

— Никуда, — ответил я.

— Опять один остаешься? — спросила Аглая.

— Нет, голубчики, — сказала мама. — Теперь мы ученые, больше вы нам в квартиру козла не притащите.

— А мы и не собираемся, — буркнула Аглая, и все четверо отошли от машины.

Родители поцеловали меня, тетю Соню... Такси двинулось и скоро исчезло за воротами.

Вот тут тетя Соня за меня и принялась.

— Лешка! Пошли к Антону, — сказала Аглая. — Ему белых крыс подарили.

Я двинулся к ребятам, но тут услышал

за спиной очень негромкий голос тети Сони:

— Алеша, можно тебя на минуточку?

Я вернулся, подошел к ней.

— Понимаешь, какое дело, Алеха, — почти шепотом проговорила она. — Нам нужно очень серьезно потолковать. Идем, а?

Я сказал ребятам, что скоро вернусь, и пошел за тетей Соней наверх. В кухне она села спиной к окну, положила ногу на ногу, чиркнула спичкой, затянулась сигаретой и заговорила:

— Слушай, Леха... Ты парень взрослый, голова у тебя работает — во! — Она показала большой палец. — Значит, мы можем говорить, как человек с человеком. Ага?

— Ага, — пробормотал я.

— Так вот, я хотела тебя спросить: как ты расцениваешь свой поступок?

— Какой поступок?..

— А вот сейчас, во дворе...

Я молчал, обалдело глядя на эту странную тетку. А тетка отвела руку с сигаретой далеко в сторону, и тоже молчала, и тоже смотрела на меня круглыми светлыми глазами со слипшимися от краски ресницами.

— Я... я не помню никакого поступка, — пробормотал я.

— Очень жаль! — молвила тетя Соня и снова застыла, сжав губы бантиком.

Я взмок от напряжения, но так и не понял, что ей от меня надо.

— Хорошо. Я тебе подскажу, — смилостивилась наконец тетя Соня. — Вот тебя ребята позвали смотреть белых крыс. Я понимаю, крысы, конечно, дело важное, но я-то все-таки не пустое место. А?

Тут я молча кивнул.

— А как же ты поступил? Тебя позвали, и ты, не оглянувшись на меня, не спросив, как я к этому отнесусь, взял да и пошел к ребятам. Словно и нет меня. По-товарищески это, как ты полагаешь?

Я совершенно не понимал, что в моем поступке могло быть нетоварищеского, но на всякий случай качнул головой.

Тетя Соня затянулась сигаретой, выпустила дым.

— Так что же, по-твоему, теперь надо сделать?

— Попросить прощения, — в страшной тоске проямлил я.

— Умница! — воскликнула тетя Соня. — Давай лапу! Я была уверена, что мы с тобой душа в душу заживем.

— Лешка! Ну, скоро ты? — донеслось со двора.

Я уже знал, как надо себя вести.

— Тетя Соня, можно я пойду?

— К этим самым... крысам? — Тетя Соня помолчала. — Крысы, я понимаю, — это очень интересно, только знаешь, что я тебе скажу!.. Давай такой уговор: сначала дело, а потом развлечения. Ага?

Я спросил, какое дело она имеет в виду.

— А дело оч-чень, оч-чень важное. Мы сейчас займемся составлением распорядка дня.

Я не стал возражать. Я пошел в комнату, лег на подоконник и сказал ребятам, что к Антону не пойду.

— Эта... длинноносая не пускает? — приглушенно спросила Аглая.

Я молча кивнул.

Тетя Соня так увлеклась составлением распорядка дня, что забыла приготовить обед, и

мы пообедали «геркулесом», сваренным, правда, на молоке. Теперь, согласно «распорядку», я мог гулять только два часа перед обедом и столько же перед ужином, а остальную часть дня мне предстояло заниматься «осмысленным времяпрепровождением». Под этим тетя Соня подразумевала утреннюю гимнастику (я ее и так делал), уборку своей комнаты, мытье чайной посуды (столовую посуду тетя Соня взяла на себя), повторение пройденного в школе, чтение художественной литературы (два часа), послеобеденный отдых (один час). Где-то между этим отдыхом и вечерней прогулкой тетя Соня написала: «Свободное время». Но потом она спросила меня, чем я люблю в свободное время заниматься. Я сдуру ответил, что люблю мастерить, что сейчас клею из картона фрегат. Тут тетя Соня зачеркнула «свободное время», а сверху написала: «Труд».

Я попытался объяснить, что уже сделал всю домашнюю работу, которую получил на лето, пытался втолковать тете Соне, что я люблю читать, но привык это делать, когда мне захочется, пытался я возразить и против пункта о прогулках... Тетя Соня долго смотрела на меня, склонив голову набок, потом проговорила:

— Лешка!.. Ты слышал когда-нибудь о знаменитом русском ученом Павлове?

— Слышал,— сказал я.

— Что же ты слышал?

— Он делал опыты с собаками... и еще там... эти... рефлексы всякие.

— Правильно! — сказала тетя Соня. — Так вот, этот академик в журнале «Здоровье» недавно написал, что для человека имеет колоссальное значение размеренный ритм жизни. — Тетя Соня закурила очередную сигарету. —

Леха! Ты же совершенно взрослый парень! Ты же не можешь не понимать, что папа с мамой тебя немного разболтали. Верно ведь? Да?

Я промолчал.

— Так вот, давай устроим папе с мамой сюрприз. Они вернутся и не узнают своего сына: подтянутый, дисциплинированный — словом, во человек!

Я спорить не стал. Я не додумался, а просто почувствовал, что это бесполезно.

Из-за составления распорядка дня мне перед обедом погулять не пришлось. Не удалось и почитать: это положено было делать перед дневной прогулкой. Зато сразу же после обеда я начал жить в строго размеренном ритме: мне пришлось достать подушку, плед и лечь на диван. Читать в это время не разрешалось.

Я лежал, смотрел в потолок и думал об академике Павлове. Почему-то мне казалось, что он давно умер, а он, выходит, жив и пишет в журнале «Здоровье». Я удивлялся: неужели и он читает художественную литературу только в строго определенных часы, даже тогда, когда читать ему совсем не хочется? Что-то, казалось мне, здесь не так.

Через час в комнату вошла тетя Соня и, вскинув голые руки к потолку, весело закричала:

— Подъе-е-ем! — И тут же спросила: — Итак, чем сейчас будем заниматься?

— Трудом, — вздохнул я.

— Умница! — сказала тетя Соня и исчезла.

Убрав подушку и плед, я сел за маленький столик, над которым висели кое-какие инструменты и на котором стоял остов моего фрегата.

Как сделать его, меня научил папа. Я уже

вырезал из картона киль и приклеил к нему округлые картонные шпангоуты. Края шпангоутов были часто надрезаны и загнуты так, чтобы к ним можно было приклеивать обшивку, состоящую из множества узких, тоже картонных полосок. Часть обшивки была уже готова, оставалось доделать примерно две трети.

Безо всякого удовольствия наклеил я одну полоску, другую, но потом я вспомнил, что мне надо еще сделать в бортах люки для пушек. Мне стало вдруг интересно, и я принялся за работу уже с увлечением.

Дверь открылась, вошла тетя Соня.

— Молодец малый! — сказала она и, придвинув стул, подседа к столику. — До чего приятно смотреть на человека, который не собак гоняет, а что-то такое создает, соображает что-то такое...

Я скрючился над своим столиком. Тетя Соня долго рассказывала, какие ценные качества развивают в человеке занятия трудом, а я все макал да макал кисточку в клей и все водил да водил этой кисточкой по одной и той же картонной полоске, лежащей на старой газете.

Вдруг тетя Соня переменяла тон:

— Между прочим, Леха, я подметила в тебе одну слабую черточку.

— Какую? — не поднимая головы, спросил я.

— Ты работаешь старательно, но очень медленно. Ты подумай: я уж сколько здесь сижу, а ты все мажешь, мажешь эту штучку... А когда же приклеивать? Надо так: намазал — приклеил, намазал — приклеил!.. Ну? Ты согласен со мной?

Я перестал мазать и начал приклеивать полоску картона к этому распроклятому кораблю.

...Когда я вышел гулять, во дворе на лавоч-

ке сидели Аглая и Антошка Дудкин. Дудкин спросил меня, почему я все время торчу дома.

— Небось эта тетка не пускает, — сказала Аглая. — Кто она тебе?

Как я ни сдерживался, а все-таки начал всхлипывать. Аглая и Дудкин встревожились:

— Чего это с ним?

— Лешка!.. Ты чего?

— Из-за вас все это... — проплакал я.

— Что из-за нас?

Я напомнил им, как родители попробовали оставить меня на целый день одного и что из этого получилось. И вот теперь мне не доверяют. Я поведал, как «эта тетка» мне вздохнуть не дает, рассказал про распорядок дня, про занятия трудом. Увлечшись, я даже приврал, что тетя Соня ходит за мной по пятам, подглядывает и все время читает нотации.

— Чокнутая какая-то, — сказала Аглая.

— А у тебя что, языка нет? — спросил Дудкин.

— Какого языка?

— А вот такого! Чтобы сказать: «Я вам не маленький, и нечего вам командовать. Буду жить, как при родителях жил, и все! И не привязывайтесь!»

Этот совет засел у меня в голове, но ни в тот день, ни на следующий я не решился его выполнить. Я взбунтовался лишь на третий день после отъезда родителей.

Утро началось как обычно. Тетя Соня усадила меня за повторение пройденного. Я положил перед собой учебник географии, которую знал назубок, и как только тетя Соня ушла в продуктовый магазин, взялся читать «Приключения Тома Сойера». Тетя Соня вернулась, проверила меня по учебнику, похвалила и ушла

в кухню, напомнив, что теперь я должен заняться чтением художественной литературы.

Я не возражал. Я как раз дочитал до того места, где Том и Гек решают отправиться ночью на кладбище сводить бородавки. До сих пор «чтение художественной литературы» было для меня самым приятным пунктом в «распорядке дня». Тетя Соня готовила в это время обед и ко мне не заходила. Однако на этот раз все получилось иначе.

...По спине у меня ползали мурашки, в животе было холодно. Я читал, как на кладбище, где притаились мальчишки, явились гробокопатели: индеец Джо, Мефф Поттер и доктор Робинсон. «Теми же лопатами они подняли крышку, выволокли мертвеца и бесцеремонно бросили его на землю», — прочел я.

— Умница! — послышался голос тети Сони. Она стояла в дверях, скрестив руки на груди. — Я вот уже минут пять наблюдаю за тобой и вижу, что ты читаешь не абы как, а внимательно, с интересом... Вот так всегда читай! Чтение только ради чтения никакой пользы не приносит. — Она под села к столу (совсем как тогда, с фрегатом) и взяла книгу. — «Приключения Тома Сойера». Должно быть, очень интересно. Да?

Я понял, что тетя Соня «Тома Сойера» не читала; а она полистала книгу и спросила:

— Ну, кто тебе из героев больше нравится: Бекки Тэчер или этот, как его? — Она снова полистала книгу. — Или индеец Джо?

— Бекки Тэчер, — прохрипел я, начиная дрожать.

Тетя Соня положила книгу, поставила локти на стол и подперла подбородок тыльной стороной ладоней.

— Ну, давай расскажи мне содержание. Мне хочется знать, как ты усваиваешь прочитанное.

Я молчал. Я слова не мог вымолвить.

— погоди! Не рассказывай! — вдруг воскликнула тетя Соня. Ее осенила новая идея.

Она велела мне взять чистую тетрадку и надписать: «Дневник чтения». Когда я выполнил это, она поднялась.

— Теперь я пойду готовить обед, а ты продолжай читать. Когда дочитаешь, запиши фамилию автора, название и краткое содержание. Идет?

Я слез со стула и тихо сказал:

— Не буду я записывать.

— Что? — переспросила тетя Соня.

— Ничего я не буду записывать, — повторил я уже громче. — И... и вообще я сейчас пойду гулять.

Тетя Соня слегка попятилась, сцепила пальцы перед грудью и уставилась на меня.

— Алексей!.. Я хотела бы знать, что это за тон и что это значит: «Я пойду гулять»?

— А то и значит: пойду гулять, и все! — Крикнув это, я выбежал в переднюю и там обернулся: — И вообще... и вообще буду делать что хочу. Вот! И не привязывайтесь!.. Вот!

Тетя Соня повернулась в сторону передней, но ничего не ответила.

Ребята во дворе одобрили мой бунт. Всю первую половину дня я проболтался вместе с ними, но так и не запомнил, во что мы играли, о чем говорили. Я думал о том, как вести себя, когда вернусь домой.

Во время игры Аглая вдруг зашептала:

— Лешк! Смотрит!.. На тебя смотрит!

Оглянувшись, я увидел в окне тетю Соню.

Она вытирала тарелку и смотрела на меня с каменным лицом. Я поспешил отвернуться. Когда я снова покосился на окно, тети Сони уже не было.

Но вот ребята разошлись: настало время обедать. Поплелся домой и я. Открыл дверь своим ключом, вошел в переднюю на цыпочках, надеясь проскользнуть к себе в комнату бесшумно. Только ничего не получилось.

— Можешь идти обедать, — сказала тетя Соня из кухни.

Вымыв руки, я вошел в кухню и сел перед тарелкой с красным борщом. Тетя Соня сидела напротив. Перед ней тоже стоял прибор, но в тарелке у нее ничего не было.

Ел я без аппетита. Прошло, наверное, минут десять, пока я одолел полтарелки. Все это время тетя Соня сидела, подперев подбородок руками, и не шевелилась. Но вот она негромко спросила:

— Ты ничего не замечаешь?

Я посмотрел на нее, на ее пустую тарелку и ответил:

— Замечаю.

— Что же именно ты замечаешь?

— Что вы ничего не едите.

После этого тетя Соня молчала еще минуты две, потом заговорила:

— Так вот, Алексей: я никогда детей не наказывала и наказывать не стану. Таков мой принцип. Но имей в виду: я до тех пор ничего не буду есть, пока ты не извинишься передо мной и не начнешь вести себя, как мы уговорились. Дошло?

Я так и застыл с полной ложкой во рту. Уж казалось, я испытал на себе все приемы, к которым прибегают взрослые, воспитывая детей:

мне делали ласковые замечания, читали строгие нотации, со мной часами не разговаривали, меня наказывали по-всякому. Папа раза два даже угостил ремнем... Но чтобы из-за меня объявляли голодовку — такого я еще не знал.

Я проглотил наконец ложку борща и стал думать, как быть. Не извиняться, согласиться на то, чтобы тетя Соня продолжала голодать, — что-то в этом было нехорошее. Но если я попрошу прощения, мне сегодня же придется в обязательном порядке клеить фрегат. И вдруг меня осенило. Я вылез из-за стола и сказал:

— Я тоже не буду есть.

Тетя Соня выпрямилась и приоткрыла рот. Такого хода с моей стороны она не ожидала. Но она очень скоро пришла в себя и холодно отчеканила:

— Не ешь.

У себя в комнате я лег на диван и натянул плед на голову. Это я проделал на тот случай, если тетя Соня вздумает войти и завести разговор. Но она не вошла.

Я лежал и подсчитывал, сколько же мне еще осталось терпеть. Выходило — не меньше недели. Я представил себе три байдарки, скользящие вдоль зеленых берегов, а в одной из них — папу с мамой. Они плывут себе, переговариваясь с друзьями, по вечерам ставят палатки и, наверное, подолгу болтают у костра... И небось они воображают, что мне очень даже хорошо с этой теткой, вообразившей себя великим педагогом. Они там развлекаются в свое удовольствие, а мне вот мучайся из-за них.

Я всхлипнул. Я почувствовал, что сердце мое ожесточилось. Мне захотелось выкинуть что-нибудь такое, что мама с папой надолго бы

запомнили. Одним словом, мне захотелось прочесть своих родителей и эту самую тетю Соню.

Я откинул плед, посмотрел на часы. Прошло минут тридцать, как я лег. В квартире не было слышно ни звука. Нет!.. Какой-то звук все-таки доносился из соседней комнаты: вроде бы похрапывание... Я встал, прошел в одних носках в переднюю. Дверь в соседнюю комнату была приоткрыта...

Так и есть! Тетя Соня лежала на тахте и спала. Рядом с ней на полу валялась книга и стояла пепельница, в которой еще дымился окурок.

Примерно еще через полчаса я вышел из подъезда. На мне было драповое пальто, зеленая вязаная шапка и шерстяные брюки. Под мышкой я держал школьный портфель. В нем навалом лежали шесть котлет, граммов триста колбасы, «Приключения Тома Сойера», полбатона, полпачки сахара и куча сухарей, которые мама сушила в духовке на котлеты. Сухарей было так много, что портфель из-за них не закрывался.

Под аркой ворот я встретил Аглаю. Она несла в авоське пакеты с молоком. Увидев меня, она застыла, поставив исцарапанные ноги носками внутрь.

— Чего это ты? Как на Северный полюс...

Я всегда чувствовал, что Аглая относится ко мне свысока, считая меня размазней или маменькиным сынком. Вот теперь она поймет, с кем имеет дело! Я остановился и, понизив голос, сказал загадочно:

— Ничего! Зато вот ночью мне не будет холодно.

— Как это... ночью?

— А вот так! Никому не скажешь?

— Чего не скажу? Вот тебе честное — никому! А что такое?..

— Я из дома убежал.

Аглая неподвижно смотрела на меня черными глазками. Одна растрепанная коса свисала ей на грудь, а другая была за спиной.

— Вот... да-а-а! — протянула она тихо. — Насовсем?

— Насовсем. То есть... пока родители не вернутся.

— Тебя эта тетка довела?

Я кивнул.

Аглая разглядывала меня так, словно мы только что познакомились.

— Вот... да-а-а! — снова протянула она в раздумье. — А где ты жить будешь?

Я сказал, что днем буду скитаться по улицам, а ночевать — в парке на лавочке. Не зря я так тепло оделся.

— Тебя в милицию заберут.

— Ну и пусть. Так ей и надо. — Я имел в виду не милицию, а тетю Соню.

— А если простудишься и помрешь?

— И пожалуйста! В другой раз они будут знать.

— Кто «они»?

— Родители.

— Во дурной! Да ведь другого раза тогда уже не будет: ты ведь помрешь!

Я промолчал. Я почувствовал, что тут не все до конца мной продумано.

Аглая замотала головой:

— Лешка, не! В парке на лавочке — это все глупости... Гляди, какая туча, и еще по радио говорили — сегодня похолодание и дождь. Лешка, знаешь что? Иди пока в «ущелье» и там жди. Я молоко отнесу, ребят позову, и мы

что-нибудь придумаем. Мы над тобой шефство возьмем: спрячем где-нибудь и будем тебе пищу носить и все такое.

Аглая убежала, а я остался под аркой слегка ошеломленный.

Уходя из дома, я рисовал перед собой такую картину: вечер, людная, освещенная фонарями улица... Куда-то спешат веселые, беззаботные прохожие... А недалеко в пустом и темном парке лежит на скамейке бесприютный мальчик. У меня даже в горле першило от очень приятной жалости к себе. Теперь все получилось не так трогательно, зато куда интересней. Вся Аглаина компания узнает, какой я отчаянный. Все они будут волноваться из-за меня, хлопотать, шушукаться, и сама Аглая будет заботиться о моем пропитании.

«Ущельем» назывался узкий тупичок между бетонным забором нашего двора и большой трансформаторной будкой. Я пробирался в него через весь двор, держась под самой стеной дома, чтобы тетя Соня не увидела из окна. Во дворе сидели на лавочках старушки, перед ними играли малыши, но никто не обратил на меня внимания.

В «ущелье» стоял какой-то старый ящик. Я положил на него портфель, снял пальто, шапку и стал прохаживаться, ожидая ребят. Я решил держаться перед ними очень хладнокровно, как будто побег из дома для меня самое плевое дело.

Прошло минут двадцать. Я забеспокоился, вдруг Аглаю почему-либо задержали родители? Но только я об этом подумал, как в мой тупичок вбежали четверо: Зина и Васька Брыкины, Аглая и Антошка.

— Лешка, порядок! — объявил Дудкин.—

Аглая мне сказала, у меня сразу мозги завертелись, и я в момент все придумал.

— У тебя квартира будет шикарная, — пояснила Аглая. — Четыре комнаты, кухня и два телефона.

— Только ты смотри ничего не трогай, — сказала Зинаида.

— Ага! — кивнул Васька. — А то нам знаешь как попадет!

Он и его сестра были двойняшки и очень походили друг на друга: оба рыжие, круглолицые, оба в веснушках и почти без бровей. Но характеры у них были разные: Зина — властная, деловитая, а Ваську ребята часто называли «лопухом» — он только поддакивал сестре да во всем подчинялся ей.

Я ничего не понял. Какая квартира? Какие комнаты? Какие там еще телефоны?.. Но постепенно мне все объяснили. На одной площадке с Брыкиными была квартира профессора Грабова. Сейчас профессор с семьей жил на даче, а ключи от его квартиры были оставлены Брыкиным, которые взялись поливать цветы в горшках на подоконниках. Вот в этой квартире мне и предлагали поселиться. Поливкой цветов занимались Зина и Вася. Два ключа, связанные тесемочкой, болтались сейчас на указательном пальце Зинаиды. Она сказала:

— Я бы ни в жизнь не согласилась, если бы не Антон. Он говорит, что ты из-за нас страдаешь.

— Ага, — кивнул Вася. — Из-за козла.

Я как-то скис. Ночевать в пустой чужой квартире показалось мне страшнее, чем ночевать в парке. Но признаться я в этом не захотел и попытался выкрутиться другим спосо-

бом. Я поблагодарил и сказал, что не хочу подводить Зину и Васю: ведь им может попасть из-за меня.

— Да откуда им попадет! — воскликнула Аглая.— Ты, главное, сиди тихо, свет не включай и ничего не трогай. Тогда никто ничего и не узнает.

Услышав «свет не включай», я еще больше скис. Я сказал, что тетя Соня может обратиться в милицию, оттуда пришлют собаку-ищейку, и она найдет меня по следам. Зинаида помрачнела.

— Тогда отец с меня шкуру сдерет.

— И с меня тоже, — сказал Вася.

— Придумал! — вскричал Антон.— Ни одна собака его не найдет. Мы с Васькой его на руках отнесем, и он никаких следов не оставит.

— На четвертый этаж? — усомнилась Аглая.

— А чего? Мы только до лифта. А там чуток подержать его на руках, и лифт нас подымет.

Всем понравилась эта идея, и я понял, что мне уже не отвертеться. Девочки взяли мой портфель и пальто, Вася с Антоном скрестили руки, и я сел на них, обхватив мальчишек за шею. Они двинулись по двору мелкими шажками. Девочки шли рядом, загораживая меня от малышей и старушек.

— Как бы в подъезде... как бы в подъезде на кого не нарваться! — прокряхтел Дудкин.

Дверь подъезда, как всегда, была открыта только на одну створку. Антону с Васькой пришлось попрыгать, втаскивая меня боком. Нам повезло: в подъезде мы никого не встретили и кабина лифта оказалась внизу. Зина побежала наверх пешком, Антошка с Васькой внесли

меня в лифт, за нами вошла Аглая. Она закрыла двери и нажала кнопку. Зина взбежала на четвертый этаж почти одновременно с нами. Тяжело дыша, она открыла сначала внутренний замок, потом английский.

— Тащите! — прошептала она.

Дудкин с Васькой снова запыхтели, протаскивая меня в дверь. Войдя в переднюю, Антон споткнулся о резиновый коврик для ног, и мы все трое грохнулись на пол. Девчонки юркнули за нами и бесшумно закрыли дверь.

— Вроде тощий, а какой тяжелый! — заметил Дудкин, подымаясь и потирая голову над ухом.

Отдышавшись, мы пошли осматривать мое новое жилище. Тут действительно было четыре комнаты: кабинет профессора, спальня профессора и его жены, комната их взрослой дочери и ее мужа и еще большая общая комната вроде гостиной. Мебель везде была новая, низкая, и только в спальне стояли две старомодные кровати никелированными спинками к двери. На них Зинаида обратила мое особое внимание.

— Ты, если услышишь три звонка, не бойся: это значит — я пришла или Вася. А если услышишь, кто-то без звонка входит, — сразу под кровать ныряй: это значит — мама пришла или, еще хуже, отец.

Получил я и другие инструкции. Мне велено было держать пальто и провизию под кроватью, чтобы в случае тревоги не оставить где-нибудь на виду. Меня предупредили, чтобы я не зажигал электричества даже в передней и в коридоре, потому что двери в комнатах застекленные и свет будет заметен со двора. Потом все собрались уходить.

— Я тебе сегодня горячий ужин принесу, — сказала Аглая. — Я сразу пять звонков позвоню, и ты открой. А то для желудка вредно без горячей пищи.

Оставшись один, я присел на тахту в большой комнате. Конечно, это очень здорово, что Аглая принесет мне горячий ужин, но сидеть одному было скучновато, и вообще меня смущала мысль о том, что я буду тут делать, когда стемнеет. Когда же я подумал о ночи, которую мне придется провести, не зажигая света, в этой огромной квартире, мне совсем стало тошно.

Я решил еще раз осмотреть квартиру. Заглянул в кухню, в комнату дочки профессора, зашел в его кабинет. Там две боковые стены от пола до потолка были заняты некрашеными полками с книгами. Я прошел вдоль левой стены, читая названия на корешках. Тут все было что-то научное, как я понял, медицинское. Я перешел к полкам на противоположной стене и начал двигаться от окна к двери. Здесь попадались книги, которые были и у нас: Достоев-

ский, Чехов, Паустовский... Я стал высматривать, не попадется ли что-нибудь приключенческое. Прошел почти вдоль всей стены, но ничего не попалось.

Двери из гостиной были распахнуты внутрь кабинета. Одна из створок закрывала от меня самые крайние книги. Я потянул к себе створку и... тут же скакнул назад. В углу на полке вровень с моей физиономией стоял грязно-желтый человеческий череп. Нескольких зубов у него не хватало, а во лбу над черной глазницей чернела неровная дыра.

Даже когда я был маленьким, меня нельзя было напугать ни Бабой Ягой, ни Кощеем Бесмертным, ни другими сказочными страшилищами. Но всего, что связано с мертвыми, я боялся до судороги.

Я выскочил в большую комнату. Я знал теперь одно: надо сматываться отсюда! Но только я об этом подумал, как услышал, что кто-то

открывает входную дверь без всяких предварительных звонков. Я влетел в спальню и так стремительно бросился на паркет, что на полутоловища въехал под кровать юзом. Едва я заполз туда целиком, послышались шаги и знакомый голос:

— Лешка! Эй! Это мы пришли.

Я вылез и увидел Зину с Васькой. Они объяснили, что не позвонили нарочно: хотели проворить, как я умею прятаться.

— Топаешь очень, — сказала Зина. — Ты ботинки сними. — Она присмотрелась ко мне. — Во, бледный какой! Испугался, да?

— Ага! — кивнул Васька. — Он испугался, когда мы вошли.

— Нет, я не испугался, — заговорил я быстро, осененный прекрасной идеей. — Я знаете... Мне что-то очень нездоровится... У меня, наверное... — Я помолчал, стараясь придумать такую болезнь, чтобы ребята сами поняли: мне надо немедленно вернуться домой и лечь в постель. Но придумать я ничего не успел: один за другим прозвенели пять звонков.

— Наши! — сказала Зина.

Брат и сестра побежали открывать.

Я за ними не последовал, а только вышел в большую комнату.

Это пришли Аглая, Дудкин и еще один мальчишка — Юра Кузнецов. Взрослые говорили, что это самый интеллигентный мальчик в нашем доме. Он был чуть постарше меня, всегда спокойный, вежливый, аккуратно одетый. Когда наши решили похитить козла для своего спектакля, он единственный отказался участвовать в этом мероприятии.

— Лешка! — возбужденно заговорила Аглая. — Мы рассказали все Юре... и он такое

придумал!.. Ты, может быть, уже сегодня вернешься домой, а тетка эта самая будет перед тобой на задних лапках ходить.

— Ультиматум ей надо послать,— вставил Дудкин.

— Что? — не понял я.

— Ультиматум,— повторила Аглая.— Юр! Объясни ему!

Юра стал передо мной и заговорил как можно убедительней:

— Слушай! Чего ради тебе торчать в этой квартире целую неделю?

У меня сразу стало очень хорошо на душе. Две минуты назад я ломал голову, под каким предлогом унести отсюда ноги, а тут меня самого убеждают, что торчать мне здесь вовсе не нужно. Но я промолчал, а Юра продолжал меня уговаривать:

— Во-первых, ты здесь умрешь от скуки. Да еще без свежего воздуха. Во-вторых, что, если профессор возьмет да и приедет с дачи?.. Ты прогноз слушал? Похолодание и дожди до последней пятнадцатки месяца.

— Ой, граждане! — заговорила Зина. — Профессор наверняка приедет, если дожди... Лешка! Ты уж, так и быть, эту ночь переночуй, а завтра иди еще куда-нибудь. А то нам такое будет!..

— Да он сегодня еще уйдет. Не мешай! — сказал Антон, и Юра продолжал:

— Ну вот! А с другой стороны, твоя тетка тоже не заинтересована, чтобы ты пропадал. Ты пойми ее положение: ей поручили присматривать за ребенком, а ребенок взял да смылся!

Короче говоря, когда Юра объяснил мне, что такое ультиматум, я понял, что передо мной могучего ума человек. Зина сказала, что у нее

просто гора с плеч свалилась, а Васька поддакнул:

— Ага. И у меня тоже... гора.

У Юры уже все было готово для написания этого важного документа. Он дал мне листок бумаги и ручку. Я присел за низкий круглый столик, на котором стоял телефон.

— Заглавие написать — «Ультиматум»? — спросил я.

Юра сказал, что не надо. Как видно, он и содержание ультиматума уже обдумал, потому что продиктовал его мне почти без запинки:

— «Уважаемая тетя Соня!

Я категорически не согласен с Вашим педагогическим методом, которым Вы меня воспитываете. Я привык жить, как меня приучили мои родители, а Вы только и знаете, что нарушаете мою свободу и вмешиваетесь в мои дела. Вы думаете, что все это очень педагогично, а на самом деле Вы только потеряли для меня всякий авторитет. И вот результат! Мне пришлось бежать из дому, потому что лучше быть бесприютным бродягой, чем жить в Ваших невыносимых условиях.

Но для Вас еще не все потеряно. Если Вы дадите честное слово, что я получу свободу, как при маме с папой, я готов вернуться домой.

Если Вы согласны на мой ультиматум, вывесите в форточке белое полотенце.

С уважением — *Леша Тучков*».

Несколько минут мы только и делали, что расхваливали Юру. Особенно поразила всех великолепная фраза: «Но для Вас не все потеряно». Решено было, что Аглая бросит ультиматум в щель для почты на двери нашей квартиры, а Юра позвонит тете Соне по телефону и

скажет измененным голосом: «Возьмите письмо от Леши».

Я был уверен, что тетя Соня вывесит полотенце еще до наступления вечера. Я так приободрился, что мне захотелось пофорсить перед ребятами.

— Хотите посмотреть одну забавную штучку? — сказал я небрежным голосом и повел ребят в кабинет профессора.

Увидев череп, Аглая вся передернулась:

— Вввввв!..

Антошка Дудкин и Брыкины молча попятнулись. Один Юра ничуть не испугался.

— Пуля, наверное, круглую дыру бы сделала, — сказал он. — А это... возможно, его холодным оружием убили: копьём каким-нибудь или чем-нибудь еще.

— Вввввв!.. — снова сказала Аглая и пошла из комнаты. — И как Лешке не страшно с ним в одной квартире!

— Я бы ни в жизнь не осталась, — сказала Зинаида.

Я промолчал. Форсить мне что-то больше не хотелось. Я понял, что сейчас все уйдут, а мне-то придется «с ним» остаться еще на несколько часов.

— Мы, как увидим полотенце, сразу тебе сообщим, — сказал на прощание Дудкин.

Я поплелся провожать своих гостей. В переднюю я за ними не пошел, а остался за углом длинного коридора. И хорошо сделал. Когда ребята выходили на площадку, я услышал, как распахнулась дверь квартиры Брыкиных и сердитый мужской голос громко спросил:

— А это еще что за визитеры?

Секунды три длилась полная тишина. Потом Зинаида залепетала:

— Папа... я... мы... мы им только цветы...
Я им только цветы хотела показать...

— Они... цветы...— пропищал Васька.

— «Цветы»! Тебе ключи для того дали, чтобы ты весь двор водила? (Голос папаши Брыкина донесся уже из передней, и я на цыпочках пустился в спальню.) Давай сюда ключи! А с матерью я еще поговорю. Ее люди об одолжении попросили, а она это дело соплякам перепоручила!

Я слышал, как отец Зины и Васьки обошел всю квартиру, как зашел в спальню, постоял там немного.

— Черт их носит! — сказал он негромко и удалился.

Хлопнула входная дверь, потом чуть слышно дважды щелкнул ключ в замке. Страшная догадка потрясла меня. Подождав немного, убедившись, что настала полная тишина, я вылез из-под кровати и пошел в переднюю. Там я повернул ручку английского замка и потрогал дверь. Так я и знал: папаша Брыкин запер меня на внутренний замок.

Вернувшись в комнату, я машинально остановился перед большим зеркалом. Тогда я не обратил внимания, как выглядит мое отражение, а сейчас припоминаю: что-то вроде близкого к обмороку небольшого червячка с взъерошенной челкой над белым лицом.

Прошло некоторое время, прежде чем я начал что-то соображать. Может, Зина проследит, куда отец положил ключи, и утащит их?..

Я прикрыл дверь кабинета и сел подальше от нее на уголке тахты. Не знаю, сколько времени я так просидел. Послышалось пять звонков. Я пошел в переднюю и прошептал:

— Кто там?

Металлическая крышка над щелью для почты приподнялась, и за дверью зашелестело:

— Лешка! Это я, Антон... Тебя на внутренний замок заперли.

— Знаю,— прошептал я.

— Лешк! Мы твой телефон развели. Будем по-особому звонить: сначала один звонок дадим и сразу положим трубку... А когда снова позвоним, ты подходи. А если просто будут звонить, ты не подходи. Понял?

— Понял,— прошептал я и услышал, как Дудкин понесся по ступенькам вниз.

Минут через десять зазвонил телефон и умолк. Когда он снова зазвонил, я взял трубку.

— Леш! Это я говорю, Аглая. Во какая ужасная вещь получилась! Зинкин отец ключи забрал к себе и в ящик запер... А ключ от ящика всегда у него.

— А... а как же я?

— А ты... ты, Лешка, пока потерпи... Мы потом что-нибудь придумаем... Сообразим что-нибудь...

— А... а сколько мне терпеть?

— Леша! Мы пока еще ничего не знаем. Если бы Зинкин папа на работе был, он бы ключи матери оставил, и тогда мы уже как-нибудь... Но только Зинкин папа отгул взял на четыре дня: стены обоями оклеивать.

— А я? Вы меня, значит, не выпустите?

— Не, Леш... выпустим. Только не сегодня.

— Завтра? — с ужасом в сердце спросил я.

— Не, Леш... не завтра и не послезавтра... —

Аглая объяснила мне, что цветы поливают через два дня на третий, а сегодня их уже поливали. Значит, только через два дня Зинин папа отдаст Зининой маме ключи, и тогда их можно будет попытаться стащить.

Я молчал. Я просто не знал, что мне сказать на все это.

— Леша, ты слушаешь? — спросила Аглая.

— Слушаю.

— Леш, ты только не подведи, в окна не выглядывай и свет не зажигай. А то знаешь, что Зинке с Васькой от отца будет! Они сейчас сидят у нас в подъезде и ревут оба... Леша, и нам всем попадет, на тебя вся надежда... Не подведешь? Леша, пока!.. Мама из гастронома вернулась...

Послышались частые гудки.

В другой раз я лопнул бы от гордости, услышав, как Аглая сказала: «На тебя вся надежда». Но сейчас я никакой гордости не испытывал. Я вернулся на уголок тахты. Мне хотелось плакать, но я почему-то сдерживался и только тихонечко кряхтел, не замечая, что у меня течет из носа.

За окном что-то стало тихо постукивать. Это пошел дождь.

Через какое-то время телефон снова зазвонил, умолк и зазвонил опять. На сей раз это был Дудкин.

— Лешка! Твоя тетка ходит по квартирам и спрашивает, куда ты мог деваться.

— А про ультиматум она говорит?

Дудкин ответил, что про ультиматум тетя Соня ничего не говорит, хотя он наверняка ею получен: Аглая отнесла его, как было условлено, а Юра позвонил и лично разговаривал с тетей Соней.

— А полотенце она вывесила?

— Не, не вывесила. Она говорит, что, если до вечера тебя не найдет, в милицию заявит. — Антошка помолчал. — Леш! А вдруг такое дело получится: ультиматум дадут понюхать ищей-

ке и она Аглаю найдет... А та с перепугу и признается...

Антошка не подозревал, как меня обрадовали эти слова. Не то чтобы я верил в ищейку, но я верил в милицию вообще. Ее работники не такие тайны раскрывали, уж наверное, они сумеют быстро узнать, куда меня запрятали.

После разговора с Дудкиным у меня даже аппетит появился. Я съел три котлеты, запил их водой из крана и стал ждать дальнейших сообщений.

Но телефон молчал, а на дворе быстро темнело. Скоро сделалось так темно, что я смог подойти к окну, не боясь, что меня увидят. Уже светились окна в двухэтажных бревенчатых домишках напротив нашего нового дома... Вот зажглись яркие фонари в нашем большом дворе. Я придвинул к подоконнику стул, забрался на него коленями и принялся смотреть вниз: не появится ли там милиция. Я смотрел так внимательно, так напряженно, что даже забыл на некоторое время про череп. Но съезжившиеся фигуры, которые иногда пробегали под дождем, на милиционеров не походили. И вот опять зазвонил телефон.

— Лешк! — почему-то встревоженно проговорил Дудкин. — Твоя тетка полотенце вывела. Уже часа два как висит.

— А как же в милицию?.. Не заявила? — разочарованно спросил я.

— Не... Похоже, не заявила. А чего ей заявлять? Она знает, что ты живой и здоровый... Где-то поблизости прячешься. — Голос Антона снова зазвучал тревожно: — Лешка, слушай! Меня и Глашку уже родители допрашивали... «По лицам, говорят, видим, что вы в этом деле

замешаны. Если, говорят, узнаем, что это так...» Лешка, одним словом, сам понимаешь: мы из-за тебя можем все пропасть. Ты, главное, свет не зажигай. Лешка, ну, пока! Я из автомата... Тут очередь... — Я уже собрался положить трубку, как из нее послышалось: — Лешка! Эй!

— Ну? — спросил я грустно.

— Лешка, Аглая велела тебе передать, чтобы ты этого не боялся... Ну, который у профессора на полке... Чего его бояться? Ну, кость и кость... Ты что, костей не видел? Лешка, пока! До завтра! Тут стучат...

Я остался в темноте и в тишине. Теперь я уже не мог не думать о «кости», как назвал эту штуку Дудкин. Я потоптался возле столика, потом снова сел в кресло и почти ощупью набрал номер нашей квартиры. Я не знал, о

чем буду говорить. Мне просто хотелось услышать человеческий голос.

— Да! Слушаю!

— Тетя Соня, это вы?

— Лешка! Ты... ты жестокий, бесчувственный мальчишка! У меня больное сердце! Я из-за тебя «неотложку» собиралась вызывать. Где ты находишься?

Мне представилась светлая, такая уютная комната, моя полка с книгами, мой недостроенный фрегат... Но тут же я вспомнил о Зинке с Васькой, которые ревели от страха в подъезде у Дудкина, вспомнил слова Аглаи: «На тебя вся надежда». И я почувствовал, что в этот момент решается вся моя судьба: или я промолчу, или навсегда сделаюсь самым последним человеком. И я промолчал.

— Где ты находишься, тебя спрашивают!

— В одном месте,— почти плача ответил я. Тетя Соня не заметила моего жалобного тона.

— Впрочем, мне наплевать, где ты находишься. Кончай свои глупости и немедленно являйся домой.

— Тетя Соня... я сейчас не могу...

— Что «не могу»?

— Домой прийти не могу.

— Почему это «не могу»?

— По... по одной причине.

— По какой еще причине? Алексей! Я, кажется, полотенце вывесила. Когда ты явишься наконец?

— Тетя Соня... Я... явлюсь. Только не сегодня и не завтра...

— Будь я трижды проклята, что связалась с этим кретином. Алексей! Ты понимаешь, что я отвечаю за тебя перед родителями? Ты хочешь меня до сердечного приступа довести?

Мы разговаривали очень долго. Я был бы рад, если бы наша беседа продлилась до утра, но голос тети Сони с каждой минутой становился спокойней. Наконец она сказала:

— В общем, спасибо за то, что позвонил! Теперь я вижу, что с тобой ничего не случилось, а ты попросту хулиганишь. Скорее всего, сидишь у какого-нибудь своего дружка. Интересно, где только его родители?

Поговорив с тетей Соней, я пробрался по коридору и нащупал выключатель рядом с дверью ванной. Уж здесь-то я мог зажечь свет. В ванной было очень хорошо: яркая лампа, белые кафельные стены, белый ящик для белья, белая табуретка рядом с ним. Я сел на эту табуретку, однако спокойней себя не почувствовал. Здесь-то было хорошо, светло, но я знал,

что недалеко, в темной комнате профессора, стоит на полке череп с пробитым лбом. Я старался не думать о нем, но у меня ничего не получалось.

И вдруг я понял, что мне поможет отвлечься. Ведь у меня в портфеле лежит «Том Сойер»! Очень долго я собирался с духом, чтобы выйти из светлой ванной. Наконец вышел, оставив дверь чуть приоткрытой, пробрался, весь дрожа, в спальню, нащупал под кроватью портфель и, схватив его, сломя голову бросился обратно, рассыпая по дороге сухари.

В ванной я запер дверь на задвижку, отдышался, извлек «Тома Сойера» из кучи съестных припасов, открыл книгу на заложенной бумажкой странице и тут же прочитал: «В этот момент луна выплыла из-за туч и осветила бледное лицо мертвеца». Я захлопнул книгу, положил ее на ящик для белья и остался сидеть почти не дыша.

Не знаю, сколько я просидел: может быть, двадцать минут, а может быть, час. Меня била дрожь. Неожиданно я услышал, что где-то за стеной шумно льется вода. И тут же мужской голос отчетливо произнес:

— Я тебя потом крикну. Спину потрешь.

Я понял, что моя ванная примыкает к ванной другой квартиры, дверь которой выходит в соседний подъезд, понял, что там, совсем близко от меня, люди, живые люди...

Меня осенила такая идея: я тоже наполню свою ванну и залезу в нее. Лежа в теплой воде, зная, что за стеной — совсем близко от меня — человек, я прочитаю самое страшное место в книге, а потом смогу читать «Тома Сойера» хоть целую ночь.

Я отвернул краны как можно сильнее, что-

бы моя ванна успела наполниться, пока в соседней квартире шумит вода, и стал раздеваться.

Удивительная вещь — теплая вода! Погрузившись в нее, я почувствовал, как из меня выгнало весь мой страх. Я даже стал «назло» думать о черепае и нисколечко не боялся. Я встал, вытер о полотенце руки, взял книгу, раскрыл ее на самой страшной странице и снова погрузился в воду. Я прочел всю историю с гробокопателями и тоже ничуть не испугался.

Человек за стеной плескался, то снова пускал воду, то закрывал ее и с кем-то громко переговаривался.

— А? Что? Да не похоже. Он, наверное, в кино пошел. Чего? В кино, говорю, пошел.

И вдруг я услышал другой голос. Он звучал уже не за стеной, а за дверью ванной. Это был густой спокойный бас:

— Я думаю, тут метеоспутники свою роль сыграли в прогнозировании: за это лето было очень мало ошибок.— Человек за дверью помолчал, потом заметил: — Интересно, какой дурак оставил свет в ванной?

Я замер. Дверь дернули снаружи. Тот же бас произнес:

— Черт! Почему-то она еще и заперта.

Женский голос сказал:

— Что заперто?

— Да дверь вот заперта. По-видимому, кто-то хлопнул ею и задвижка сама собой закрылась.

Я встал в ванне, вода с меня полилась, и это услышали.

— Кто там? — тревожно крикнул бас, и дверь снова дернули, на этот раз очень сильно.

Я понял, что надо заговорить.

— Одну минутку... Я сейчас...

За дверью воцарилось такое молчание, словно там никого и не было. Потом женский голос произнес, на этот раз совсем тихо:

— Ираклий!.. Что все это значит?

— Шут его знает! — так же тихо произнес Ираклий и снова повысил голос: — Кто там?!

Я открыл дверь. Перед ней, сунув руки в карманы брюк, стоял гражданин лет шестидесяти, в светлом костюме. Он был весь какой-то квадратный: невысокого роста, но очень широкий в плечах. И голова его мне показалась квадратной: широкий угловатый подбородок и седые волосы, стриженные бобриком... И стекла очков у него были не круглые, а прямоугольной формы.

За спиной профессора (я, конечно, понял, что это он) стояла дородная пожилая женщина. Она попятилась, сцепив руки на груди, и тихо произнесла:

— Господи ты Боже мой!

— М-да! — промычал профессор. Он дал мне застегнуть последнюю пуговицу и спросил: — Каким образом ты очутился в нашей квартире?

Я ничего не ответил.

— Ну что ж!.. Пойдемте в комнату, — сказал профессор.

Все трое мы пошли в большую комнату. Профессор включил свет, уселся в низкое кресло, закурил. Я стал напротив него. Его жена тоже не села. Она стояла рядом со мной и все время смотрела на меня.

— Что ты здесь делаешь? — спокойно спросил профессор.

— Живу, — ответил я.

— А почему именно здесь?

— Так...— сказал я.

— Господи! Ираклий! — воскликнула жена профессора.— Да это же из двадцать второй квартиры. Ну, помнишь, он козла к себе в дом пустил?

— А-а! — сказал профессор и затянулся сигаретой, продолжая смотреть на меня.— Так кто же тебя сюда поселил? Зинаида? Или Василий?

— Никто не поселил... Я сам...

— Что — сам?

— Поселился...— с трудом выдавил я.

— Так! Значит, сам. А каким же образом ты попал в квартиру, кто тебе открыл дверь?

Я хотел было сказать, что случайно увидел дверь открытой и вошел, но тут же подумал, что Зинке с Васькой и за это может попасть.

— Я... я сам дверь открыл...

— Сам, значит. Отмычкой? Или подобрал ключи?

— Подобрал,— сказал я чуть слышно.

— Господи ты Боже мой! — снова прошептала жена профессора, но сам он остался невозмутимым.

— Так! Подобрал сразу два ключа. И где же они?

Я огляделся по сторонам.

— Тут где-то... Я, кажется... кажется, я их где-то потерял.

— Так! Потерял.— Профессор придвинулся вместе с креслом поближе ко мне.— Слушай! Но что все-таки тебя заставило обосноваться в нашей квартире да еще принимать тут ванну?

Тут я заплакал.

— Ну довольно тебе его мучить! — вскрикнула профессорша.— Не видишь — он весь трясется! Ему валерьянки надо дать!

Она ушла из комнаты. Профессор побарабанил пальцами по ручке кресла.

— Так-так, старый взломщик! Ну, а дома у тебя кто-нибудь есть?

— Есть...— ответил я.

Профессорша принесла мне рюмку с вальерьяновыми каплями, заставила подобрать рассыпанные по коридору сухари, и мы все трое пошли ко мне домой. Я сразу юркнул к себе в комнату и не слышал толком, о чем разговаривали взрослые.

Тетя Соня говорила приглушенно, но очень взволнованно, а профессор и его жена то и дело смеялись, причем профессор смеялся не басом, а, наоборот, тоненьким голоском.

И ночью (я вернулся в одиннадцать), и на следующее утро тетя Соня со мной не разговаривала. Но в конце завтрака она все-таки обратилась ко мне:

— Алексей! Так уж и быть, я о твоих художествах отцу с матерью не скажу, но в таком случае и ты не проговорись. А то получится, будто я тебя покрываю.

Я кивнул, а сам понял: тете Соне не хочется, чтобы родители узнали о ее педагогических «успехах».

Дождь на некоторое время перестал. Выглянув в окно, я увидел, что возле мокрой скамейки стоят Аглая, Дудкин и оба Брыкины. Они взволнованно о чем-то говорили, указывая то на окна профессорской квартиры, то на мои. Я решил выйти и объяснить им, что я никого не выдал.

Когда я появился во дворе, все они повернулись в одну сторону и уставились на меня.

У Аглаи было примерно такое выражение: «Ой! Что-то он сейчас скажет?!» У Дудкина — такое: «Сейчас я ему морду набью!» Лица Брыкиных ничего не выражали: рты у них были полуоткрытые, а глаза мутные.

Я не чувствовал за собой никакой вины, но все-таки приближался к ним с опаской, не торопясь. Но прежде чем я к ним подошел, все они стали смотреть куда-то в другую сторону. Посмотрел туда же и я. Из подъезда вышел профессор. Он был в плаще и в берете, с сумкой для продуктов в руке. Увидев меня и ребят, он направился к нам.

— Василий и Зинаида! — сказал он строгим голосом. — За то, что вы добросовестно поливали цветы, вам полагается по плитке шоколада. Если подождете с полчаса, я их принесу.

Он подмигнул мне и пошел к воротам.

Вот и все!

Тетя Соня перестала меня воспитывать, зато и утратила ко мне всякий интерес. Наскоро приготовив обед, она исчезала до вечера, а раза два и ночевать не пришла, сказав по телефону, что плохо себя чувствует. В такие вечера Аглая, Брыкины, Дудкин и Юра собирались у меня и пили чай.

Дождь теперь лил почти не переставая, и папа с мамой вернулись из своей поездки на четыре дня раньше срока.

На этот раз в квартире у меня был полный порядок.

1970 г.

ДУДКИН ОСТРИТ

Аглая, Дудкин, Брыкины и я были крупными знатоками по части мебелировки. Наши семьи одними из первых вселились в новый дом, а после этого мы успели, наверное, раз семьдесят посмотреть, как вселяются другие. Мне кажется, нам были знакомы все фасоны диван-кроватей, шкафов и сервантов, которые выпускает наша промышленность.

Но к осени в нашем доме достроили последнюю секцию, стали въезжать новые жильцы, и однажды во двор приехала машина с такой мебелью, какой мы раньше не видели.

Почти вся она была сделана из какого-то особого, очень красивого дерева, ножки столов, мягких стульев с овальными спинками были изогнуты и все в резьбе, а на овальной раме большого зеркала лежали два «пацаненка с крылышками» — так Васька Брыкин назвал амуров. Только пианино да шкафы были обыкновенные.

Не одних нас заинтересовала эта мебель. Взглянуть на нее подошли несколько взрослых, даже профессор Грабов подошел.

— Старина! — вздохнула какая-то женщина.

— Старина... а вот не старье, — заметил Дудкин.

Действительно, шелковая малиновая обивка на стульях и на диване была новая, а все деревянные завитушки блестели приятным матовым блеском.

Профессор Грабов взъерошил Антошкины волосы и сказал:

— Молодец! Продолжай в том же духе!

Никто из нас не понял, чем понравились профессору Антошкины слова, но мы обратили на это внимание.

Нам показалось странным, что хозяева старинных вещей очень уж обыкновенные: бледная востроносенькая женщина в джинсах и здоровенный дяденька в старой майке.

Но вот последние вещи втащили на третий этаж, и грузовик с рабочими уехал. Буквально через минуту во двор вкатило такси, и тут нам стало ясно, кому принадлежит старинная мебель. Из машины вышла дородная прямая женщина, с очень пышными седыми волосами и розовым лицом, почти без морщин. Платье на ней было длинное.

— Во! Екатерина Вторая! — шепнул Дудкин.

Аглая и Зина хихикнули. Женщина и в самом деле походила на Екатерину Вторую, которую мы недавно видели в кино. Вслед за женщиной появилась девочка нашего возраста.

— Мама! Мы идем! — крикнул сверху мужчина.

— Сами управимся! — ответила «Екатерина Вторая».

Она расплатилась с шофером, нагрузила девочку какими-то свертками, сама взяла два больших чемодана и легко пошла с ними к подъезду.

— Спасибо, дорогой! — сказала она, когда Дудкин открыл перед нею дверь.

Девчонки пошли к управдому раздобывать сведения о новых жильцах и примчались обратно с вытаращенными глазами. Оказалось, что «Екатерина Вторая» — не кто иная, как заслуженная артистка республики Вера Федоровна Двинская.

На следующее утро Дудкин уехал с отцом по грибы. Аглая, Зина, Васька и я весь день слонялись по двору, ожидая, что внучка зна-

менитой артистки выйдет погулять и нам удастся познакомиться с ней. Но она все не выходила.

Под вечер начались обычные мучения Сени Ласточкина и его старшего брата Бориса. Дело в том, что они построили кордовую авиамодель и вот уже неделю маялись, стараясь заставить ее взлететь.

Сегодня у них тоже что-то не ладилось. Модель трещала бензиновым моторчиком, носилась большими кругами по асфальту, но отрываться от земли не хотела.

Вот тут-то и появились не только внучка Двинской, но и сама Двинская. «Екатерина Вторая» сразу очень заинтересовалась моделью. Она остановилась рядом с нами, сцепила руки перед грудью и стала смотреть во все глаза.

— Ты посмотри, как интересно! Ну просто копия самолета! Оля! Да ты только взгляни!

А Оля, довольно хорошенькая девочка, смотрела на модель внимательно, однако без всякого выражения на продолговатом бледном лице.

— Занятный самолетик, — согласилась она.

— Бегает, бегаёт, а не взлетает! — переживала Двинская. — А почему он не взлетает? Или он не должен взлетать? Вот! Теперь совсем остановился!

Моторчик у модели заглох, и конструкторы принялись колдовать над ним. Тут появился Дудкин с кошелкой, полной грибов.

— «Рожденный ползать летать не может», — сказал он громко и пошел дальше в свой подъезд.

Двинскую он, кажется, не заметил, а та уставилась ему вслед.

— Ишь ты какой остряк! Оля, слышала?

— Остроумно сказано, — медленно и серьезно проговорила Оля.

Двинская посмотрела на нас.

— Молодец какой! Он здесь живет? В этом доме?

— Здесь, — ответила Зинаида. — Он еще про вашу мебель сказал... Аглая, помнишь? Тогда еще Антона профессор похвалил!..

Аглая кивнула:

— Ага. Он про вашу мебель сказал, что она «старина, а не старье».

Это Вере Федоровне тоже очень понравилось.

— Смотри, Оля, это уже не цитата, это он уже собственную мысль выразил... И как точно!

Тут Аглая сообщила Двинской, что Дудкин назвал ее «Екатериной Второй». И это ей понравилось.

— Слушай, Оля! Да ведь это просто интересный человек!

— Остроумный человек, — согласилась Оля.

— Обязательно познакомьте нас с ним, — сказала Вера Федоровна. — Оля! Да ведь с такими острословами ты просто можешь светский салон открыть!

— Интересно будет познакомиться, — без всякого выражения проговорила Оля.

На следующее утро, сидя за завтраком, я услышал, как Аглая и Зинаида надрываются во дворе:

— Антошка! Дудкин! Антошка, выйди скорей!

Я появился во дворе в ту минуту, когда туда вышел Антон. Девчонки так и налетели на него. Приплясывая от возбуждения, они рассказывали, какой вчера получился разговор и как понравились Вере Федоровне и ее внучке все Антошкины изречения.

— Она знаешь что про тебя сказала? Что ты очень интересный человек! — сообщила Зинаида.— Во как!

— Кто сказал? — вертел головой Антон.

— Да ну Двинская! — кипятилась Аглая.— Так прямо и говорит: «Это, говорит, наверное, исключительно интересный человек! Мне прямо, говорит, оч-чень, оч-чень хочется с ним познакомиться!»

— С кем познакомиться?

— Тьфу! Да у тебя в голове мозги или что? С тобой ей хочется познакомиться! С тобой!

— Кому?

— Господи!.. Ну Двинской! Артистке! Заслуженной!

— Глашк! Погоди! — перебила Зинаида.— И Оля эта... она тоже хочет с ним познакомиться. Она так и сказала: «Это очень интересный человек!»

— Нет, Зинка, ну что ты путаешь! Она «интересный» не говорила!

— Ага! Верно, не говорила! Она сказала, что ты очень... этот... остроумный человек, и потом говорит: «Я тоже... это... я ужасно, с большим удовольствием с ним познакомлюсь». Они из-за тебя какой-то салон даже открывать собираются!

— Выставку, что ли?..

— Не... какой-то другой... светский какой-то.

— Да ну вас! Дуры психованные! — вдруг обозлился Дудкин и ушел домой.

Как видно, он подумал, что его разыгрывают.

После этого девчонки, наверное, полчаса завывали у него под окном: «Анто-о-ошка! Ну на мину-у-у-уточку! Ну вы-ы-ыйди!»

Но Дудкин так и не вышел к ним.

Зато после обеда он явился ко мне. Вид у него был серьезный, озабоченный.

— Ты чего делаешь? Ты один?

— Один. А что?

— Так...

Мы прошли в комнату. Насупив брови, Антош заложил руки за спину и уставился на меня исподлобья.

— Слушай!.. Это правда, чего девчонки говорили?

— Правда,— ответил я.

Антошка еще больше насупился.

— И значит, эта Двинская так и сказала, что я... ну, это... ну... остроумный?

— Нет, Двинская сказала, что ты интересный человек.

— Двинская?

— Ага. А Оля сказала, что ты остроумный.

Антошка присел на край дивана, подпер подбородок рукой.

— Черт! А я думал, я просто так болтаю, безо всякого остроумия... — Он помолчал, потом взглянул на меня снизу вверх. — А по-твоему, я остроумный? Только честно!

Я никогда над этим вопросом не задумывался, но из деликатности ответил:

— По-моему, остроумный.

— И значит, они познакомятся хотят?

— Да. Я сам слышал.

— Вот черт! — Дудкин вздохнул так сокрушенно, что я спросил, почему его это огорчает.

— По-моему, для тебя только лестно, что с тобой хотят познакомиться Двинская и ее внучка.

Он поднялся и заходил взад-вперед.

— Тебе хорошо говорить — «лестно»! А мне... Они же познакомятся и все время будут

думать: вот, мол, интересный пришел, остроумный! Вот, мол, сейчас чего-нибудь такое сострит! А чего я им буду острить, если я сам не знаю, что остроумно, а что нет!

Я понял, что положение у Антошки действительно трудноватое, но ничего дельного посоветовать не мог. Антон побыл у меня еще немного, повздыхал и ушел в подавленном настроении. Однако минуты через две снова раздался звонок. Это вернулся Дудкин.

— Лешк...— сказал он, стоя в дверях.— А если я им так скажу: «Вы живете на третьем, а я как раз под этим». Это остроумно будет?

Я слегка оторопел.

— А что это такое: «Я как раз под этим»?

— Ну, в том смысле, что я на втором этаже живу. Правда, в другом подъезде... Но ведь все равно же можно сказать, что «как раз под этим»?

— По-моему, это все-таки не очень остроумно,— деликатно ответил я.

Дудкин помолчал, вздохнул:

— Вот я тоже думаю, что не очень... Ладно! Пока!

Прошло дня три. Аглая и Зинаида познакомились с Олей, и она прыгала вместе с ними через скакалку и играла в мяч. Антошкой Оля, как видно, не очень интересовалась, зато Аглае с Зинкой ужасно хотелось их познакомиться.

А Дудкин как раз этого и боялся. Он даже не выходил во двор, когда видел там наших девчонок в обществе Оли. Если же родители посылали его в магазин, он сначала затаивался в подъезде, выбирая подходящий момент, затем выскакивал и летел к воротам с такой скоростью, что не видно было ни пяток его, ни локтей.

Глашка с Зинкой все-таки засекали Дудкина и бросались ему наперерез. Погоня каждый раз была упорной, большой двор оглашался воплями:

— Антошка, погоди-и-и!

— Антошка, чего скажу-у-у!

— Да ну ладно вам! — хрипел на бегу Дудкин. — Ну некогда мне! Да ну отстаньте вы!

Однажды, когда девчонки вернулись после очередной погони, Оля тихо заметила:

— Все-таки он какой-то странный, этот Антон.

— Чего — странный? Почему? — насторожилась Зинаида.

— Дикий какой-то.

— И ничего он не дикий! Просто стеснительный немножко!

— Ой, Зинка, ну что ты врешь! — возмутилась Аглая. — Вовсе он не стеснительный, просто в нем гордости очень много!

А между собой наши девчонки решили: «Влюбился он в эту Ольку. Вот чего!»

Они были недалеко от истины. Антону очень хотелось познакомиться с Олей. Но девчонки не знали, что он дни и ночи мучается, стараясь придумать для этого что-нибудь остроумное. В эту Антошкину тайну был посвящен только я. По несколько раз в день у нас звонил телефон и в трубке слышался усталый голос:

— Лешк!.. А вот так остроумно будет: «Эх, Оля, Оля, какая у тебя тяжелая доля?»

— А почему «тяжелая доля»?

— Ну... ну, может быть, она на что-нибудь пожалуется. Может, скажет, что, мол, в школу скоро идти... еще что-нибудь... Вот я ей и скажу.

— По-моему, не остроумно, — отвечал я и советовал: — Ты зря стихами начал острить.

Ведь раньше ты прозой острил, и у тебя получалось.

— Знаю, что прозой... А вот сейчас все почему-то в рифму... Ну ладно! Пока!

На четвертый день вместе с Олей во двор вышла Вера Федоровна и объявила:

— Ну-с, уважаемые!.. С устройством квартиры у нас покончено, на носу начало учебного года, посему приглашаем вас в воскресенье к Оле на новоселье. Шампанского не обещаем, но чай со сладким будет.

Я первым догадался сказать «спасибо». Девчонки тоже поблагодарили, сказали, что обязательно придут, потом Аглая спросила:

— А Дудкину можно прийти?

— Это остроумцу-то вашему? Разумеется! Он будет украшением нашего раута! — Вера Федоровна вдруг подняла указательный палец: — Но одно условие, дорогие: все вы тут люди талантливые, театральной деятельностью занимаетесь... Олины друзья тоже не без дарований. Так что давайте устроим маленький концерт. Пусть каждый выступит хотя бы с одним номером, но уж с таким, чтобы им можно было блеснуть.

Это было в четверг. С того же вечера началась подготовка к концерту. Все мы почему-то считали, что Олины друзья должны быть такие же необыкновенные, как мебель ее бабушки, что все они по-настоящему талантливы, не в пример нам, грешным. Ударить в грязь лицом никому не хотелось.

Моя мама принялась разучивать со мной стихи Барто «Лешенька, Лешенька...». Аглаина мама призвала на помощь соседку, и та стала обучать Глашку с Зинкой танцу «летка-енка». Проходя мимо раскрытого окна Аглаи,

я слышал звуки хриплого магнитофона и видел две подпрыгивающие головы: одну — рыжую, другую — темную.

Всех удивил Васька. Он вдруг написал стихи. Никогда в жизни стихов не писал, а тут вдруг взял и выдал. О чем были стихи, Зина дала Ваське слово никому не говорить, но сказала, что стихи — «мировецкие».

А вот Антошка ходил как потерянный, и с каким номером выступать в концерте, он не знал. Девчонки ему, конечно, сказали, что он будет «украшением раута». Он так маялся, словно ему не в гости надо было идти, а к зубному врачу. Я однажды ему посоветовал:

— Ну что тебе мучиться! Выучи какое-нибудь стихотворение — и все!

Он набросился на меня:

— «Выучи! Выучи!»! Васька Брыкин такой лопух, а и тот собственные стихи прочтет. А я... Они знаешь что скажут? «Тоже мне украшение! Только чужие стихи учить умеет. Это каждый дурак сможет!»

На следующее утро, когда я еще лежал в постели, раздался звонок. Через минуту мама заглянула в мою комнату:

— Леша! Антон к тебе!

Мама скрылась, и вошел Дудкин. Давно я не видел его таким веселым. В руке он почему-то держал бутылку.

— Лист бумаги есть? — спросил он. — Давай скорей!

— Какой бумаги?

— Какой хочешь. Хоть газетной!

Я вырвал лист из какого-то старого журнала. Антошка положил лист на стол, поставил на него бутылку и сказал:

— Если я дерну за эту бумажку, что будет?

— Разобьется бутылка, — сказал я.

— Ладно! Теперь гляди! Только внимательно гляди!

Заложив руки за спину, Антон стал прохаживаться перед столом, делая вид, что разглядывает потолок моей комнаты и стены. Внезапно он схватил край бумаги, на которой стояла бутылка, и резко дернул за него. Бумага выскочила из-под бутылки, а сама бутылка осталась на столе, даже не шелохнулась.

— Видал! Это папин знакомый вчера к нам пришел, меня научил. Тут главное — быстро дернуть. Если забоишься и тихо потянешь — хана! А если пошире какую-нибудь посудину и потяжелей, так можно не то что бумагу, а салфетку выдернуть!

С некоторой тревогой в душе я принес небольшой горшок с алоэ, стоящий на тарелочке, подстелил под него носовой платок, и Дудкин этот платок великолепно выдернул.

Мы показали этот фокус Зинаиде и Аглае, и они пришли от него в восторг. Зинаида напомнила, что мы приглашены на новоселье, а новоселам полагается делать подарки. Она предложила купить в складчину керамическую вазу для цветов, которая продавалась неподалеку, в художественном салоне, и стояла два рубля. Вазу тут же купили. Аглая принесла салфетку, белую хлопчатобумажную, на которой красными нитками был вышит страховидный котенок. Дудкин несколько раз подряд выдернул салфетку из-под вазы, и все обошлось великолепно.

У Антошки словно гора с плеч свалилась.

— Мне теперь и острить не нужно! — радовался он, когда мы остались одни. — Я буду молчать, вроде бы совсем дурачок, а потом как

подойду и как спрошу: «Что это за салфеточка?» Потом как дерну, и сразу все поймут: «Это он только прикидывался дурачком! А на самом деле он — во какой!»

И весь остаток дня он тренировался. Тренировался и у меня дома и у себя. Когда ему надоело выдергивать салфетку из-под вазы, он стал выдергивать ее из-под стакана с водой... Он даже выдернул ее из-под круглого пенала, поставленного на попа.

И вот настало воскресенье. В половине пятого мы уже стояли на площадке лестницы перед квартирой Двинских. Васька держал в руках вазу, Аглая — свою салфетку, завернутую в бумагу.

Некоторое время мы подталкивали друг друга и шепотом спорили, кому первому входить. Наконец решила Аглая. Она позвонила. Ей открыла нарядная и очень хорошенькая Оля, и мы все вслед за Аглаей втянулись в переднюю. Из комнаты вышла Вера Федоровна, а из кухни, которая виднелась в конце узкого коридорчика, появились Олины мама и папа и еще несколько взрослых.

Вера Федоровна поклонилась нам:

— Милости просим, дорогие гости! — И повернулась ко взрослым: — Разрешите вам представить: это — Аглая, это — Зина, это — ее брат Вася, это — Леша, а это, если я не ошибаюсь, сам Антон Дудкин. Некоторые его мо я вам цитировала.

При слове «мо» мы все переглянулись, а Дудкин почему-то скривил рот и часто заморгал.

Васька и Аглая вручили Оле подарки (взрослых привел в восторг вышитый Аглаей кот). Потом Вера Федоровна объявила:

— Ну! Пусть взрослые идут к себе в кухню и

нам не мешают. Взрослые очень скучный народ.

Из комнаты уже давно выглядывали Олины друзья. Их оказалось только двое: толстый черномазый мальчишка в круглых очках с темной оправой и такая же черномазая девчонка, но тощая и востроносая. Нас познакомили. Мы вошли в комнату, куда Вера Федоровна внесла и нашу вазу.

— Куда же его поставить, ваш подарок? Пока сюда поставим.

Она поставила вазу на подоконник. Аглая подошла к ней и сказала:

— Нет, Вера Федоровна, вот так надо.

Она постелила свою салфетку на подоконник, а на нее поставила вазу.

— Понятно! — кивнула Вера Федоровна. — Салфетка, оказывается, в комплекте с вазой.

Она пригласила нас в смежную комнату и усадила на свои старинные стулья за овальный, накрытый для чая стол.

Сначала все, конечно, немного стеснялись, но Вера Федоровна сумела нас расшевелить. Она стала расспрашивать о школе, в которой нам предстояло учиться. Олины друзья стали рассказывать истории о своей школе... Словом, минут через пятнадцать все так перезнакомились, что Аглая с Лялей (черномазой девчонкой) принялись щипать друг друга за бока и очень при этом хохотали, а очкарик, рассмеявшись, так фыркнул чаем на скатерть, что Вера Федоровна похлопала наконец в ладоши и сказала:

— Леди и джентльмены! Убедительно прошу вас держаться в рамках элементарных приличий!

Молчали только двое. Молчала Оля — просто потому, что она всегда предпочитала слу-

шать, а не говорить. Молчал Антон. Но молчал он не просто так, а, я бы сказал, со значением. Он сидел на своем стуле прямой как жердь, чай отхлебывал из ложечки и поглядывал на разговаривающих так высокомерно, словно за столом сидели не его сверстники, а воспитанники детского сада.

Вера Федоровна даже обратила внимание на него:

— Слушай! Что это ты такой молчаливый? Быть может, у тебя какая-нибудь печаль на душе?

Антошка и тут ничего не сказал. Он только прикрыл глаза и молча пожал плечами.

Вера Федоровна посмотрела на него.

— Ну, я вижу, ты у нас загадочная натура, — сказала она.

Мне показалось, что она шутит, но Дудкин принял это всерьез. Физиономия у него сделалась довольной, щеки порозовели, а уши стали совсем красными.

Чай кончился. Вера Федоровна велела перенести стулья в первую комнату. Затем она вышла в коридор и позвала:

— Товарищи взрослые, просим на концерт!

Взрослые уселись на диване и на трех стульях, поставленных в ряд перед ним. Мы разместились на стульях, расставленных вдоль стен.

— Ну! — обратилась к нам Вера Федоровна. — Кто самый храбрый? Кто начнет концерт?

Вышел очкарик, расставил пошире ноги, заложил руки за спину и объявил:

— Маяковский, отрывок. — И, сердито уставившись на взрослых, начал: — «Я земной шар чуть не весь обошел, и ж-ж-жизнь хор-роша и ж-ж-жить хор-р-рошо».

Взрослые сидели ко мне боком, и я видел, как они сдерживаются, чтобы не расхохотать-

ся, но когда очкарик кончил, они хлопали и кричали «браво».

Затем набрался храбрости Васька. Перед этим Зинаида сообщила, что он будет читать собственное стихотворение. Он вышел, покраснел как рак и выпалил:

С новосельем поздравляю
я вас всех,
И желаю всем здоровья
и успех.

Ему хлопали не меньше, чем очкарику.

Вера Федоровна спросила:

— Ну, кто следующий хочет выступить? Антоша, может быть, ты?

Антон и на этот раз ничего не сказал: только плечи приподнял и опустил. Аглая хихикнула, покосилась на вазу и потерла ладошки.

Вера Федоровна не упрашивала Антона. Под ее аккомпанемент Аглая с Зиной благополучно отпрыгали свою «летку-енку». Наступила моя очередь. Пока я читал «Лешенька, Лешенька...», Ляля поднялась и куда-то вышла. Когда я кончил, Вера Федоровна снова села к пианино.

— А теперь — кабардинская лезгинка!

Она заиграла, и в комнату влетела переодетая Ляля. На ней был красный бешмет, красные сапожки и что-то похожее на белую папаху. На поясе болтался маленький кинжал.

Это уж был по-настоящему хороший номер. Ляля плясала так, что редкий мальчишка с ней сравнится. То она шла по кругу, вытянувшись в струнку, на одних только носках, то вдруг неслась широким шагом, зыряка черными глазищами и оскалив белые зубы. Видно, Вере Федоровне очень нравился танец. Она

играла, глядя на Лялю через плечо, и все время улыбалась. Взрослые хлопали в такт и кричали «асса!».

И вдруг случилось такое: Ляля снова прошла по кругу, приблизилась к окну, на котором стояла Антошкина ваза, раскинула руки, вскрикнула «асса!», поскользнулась и смахнула вазу с подоконника... Ваза разбилась, а Ляля хлопнулась затылком об пол.

Взрослые повскакали, стали спрашивать, как она себя чувствует, но танцовщица сказала, что с ней все в порядке, что ее голову защитила папаха.

Вера Федоровна принесла щетку и стала заметать осколки.

— Ну, Ольга, тебе повезло! Битая посуда — это к счастью.

Аглая, Брыкины и я сидели в одном углу комнаты, а Дудкин — в противоположном по диагонали от нас. Мы не издали ни звука. Мы только переглядывались между собой да смотрели на Дудкина.

А он сидел весь какой-то серый, сидел согнувшись, вцепившись пальцами в коленки и глядя в пол.

— Домолчался! — прошептала наконец Зинаида, и все поняли, что она хотела этим сказать: ведь Антошка не только никак не сострил, он весь вечер молчал дурак дураком, чтобы потом ошеломить всех фокусом с вазой.

— Ну, в заключение небольшой вокальный номер, — сказала Вера Федоровна, садясь за пианино. — Гурилев. «Однозвучно звенит колокольчик»! Оля, прошу!

Оля стала к пианино, и тут мы впервые узнали, что она хорошо поет, что у нее очень

приятный голос. При первых же словах песни взрослые притихли. Даже я заслушался, на несколько секунд забыв про Антошку.

Однозвучно гремит колокольчик,
И дорога пылится слегка.
И уныло по ровному полю
Разливается песнь ямщика...

В этот момент Аглая стукнула меня кулаком в бок.

— Лешк! Гляди! — шепнула она и кивнула в сторону Дудкина.

Я взглянул. Недалеко от стула, на котором сидел Антон, стояла тумбочка. Единственная ножка ее была вырезана в виде трех змей, которые переплелись между собой. Три хвоста этих змей служили тумбочке опорой, а на трех змеиных головах с раздвоенными языками покоился круглый верх тумбочки. На нем лежала шелковая желтая салфетка, на салфетке стоял тяжелый стеклянный поднос, а на подносе — графин резного хрусталя и три таких же резных стакана.

Пока Оля пропела первые строчки песни, Антошка успел подняться и теперь стоял рядом с тумбочкой, разглядывая графин, поднос и особенно салфетку.

Васька и Зина тоже заметили это и заерзали.

Столько чувства в той песне унылой,
Столько грусти в напеве родном...—

пела Оля, а в нашем уголке тревожно шушукались.

— Смотрите! Приглядывается! Приглядывается! — зашептала Зинаида.

— Дернет! Вот гад буду, дернет! — шепотом заволновался Васька. — Как только она кончит петь, так он... это самое!..

И припомнил я ночи другие,
И родные поля, и леса...

Дудкин неслышно подошел к тумбочке с другой стороны и потрогал уголок салфетки.

...и на очи давно уж сухие
Набежала, как искра, слеза.

— Дудкин! — громко зашептала Зина. — Дудкин, слышишь? Ты не вздумай...

Но Антон был далеко. Он не слышал. Он вернулся на свой стул и сидел теперь прямо, скрестив руки на груди. Лицо у него было решительное. Даже, я бы сказал, вдохновенное.

Аглая приподнялась и забубнила вполголоса:

— Антон! Дудкин! Ты давай не дури! Антон, слышишь?

Дудкин взглянул на нее и ничего не ответил. Вера Федоровна обернулась через плечо:

— Дорогая! Надо все-таки уважать исполнительницу!

После этого мы перестали шептаться. Мы сидели съезжившись и ждали, что будет.

И умолк мой ямщик, а дорога
Преодо мной далека, далека.

Замолк ямщик, замолкла и Оля. Ей долго хлопали, потом Вера Федоровна объявила, что взрослые могут снова удалиться в кухню, что сейчас начнутся танцы. И тут Дудкин вскочил.

— Одну минуточку! — воскликнул он каким-то особенно резким голосом и подошел к тумбочке. — Какая интересная салфеточка!..

— Антошка! Не смей! — взвизгнула Аглая.

Но было поздно: Антон рванул салфетку. Может, он и выдернул бы ее, но тумбочка оказалась слишком шаткой. Она грохнулась на

пол. Разбился поднос, графин и два стакана. Только третий почему-то уцелел.

Мертвая тишина стояла в комнате секунд десять. Побледневшая «Екатерина Вторая» во все глаза смотрела на неподвижного Дудкина.

— Ну, знаешь, уважаемый... — выдавила она наконец дрожащими губами. — После такого... после таких штучек... Ты, надеюсь, сам догадаешься, что надо сделать.

Она протянула указательный палец в сторону двери.

Приподняв плечи, держа руки по швам, Антон молча прошагал в переднюю. Мы услышали, как хлопнула входная дверь.

Вера Федоровна снова сходила за щеткой, снова принялась подметать. Взрослые о чем-то негромко говорили, но я не слушал их. Я думал о том, сколько теперь придется заплатить Антошкиным родителям за этот графин и каково теперь будет Антошке дома.

— Он что у вас — всегда такой? — сердито спросила Вера Федоровна Аглаю.

— Он не хотел разбить. Он хотел только фокус показать...

Вера Федоровна перестала подметать.

— Фокус?! Ничего себе фокус!

— Он хотел вот эту салфетку из-под нашей вазы выдернуть... — пояснила Зинаида. — А Ляля ее разбила. Вот он, значит, и... ну... вашу...

Словом, мы рассказали, как готовил Антон свой номер, как мы покупали вазу... А Васька закончил наш рассказ:

— Он хотел неожиданно фокус показать. Чтобы остроумно получилось.

Вера Федоровна посмотрела на взрослых:

— Слышали?

Те негромко засмеялись. Вера Федоровна повернулась к Аглае:

— А куда он убежал? Небось плачет где-нибудь...

Аглая только плечами пожала: мол, само собой разумеется.

— Подите приведите его!

Мы не двинулись с места, только переглядывались.

— Идите, идите! Скажите, что я не сержусь. Мне никогда не нравился этот графин: безвкусица!

Мы побежали искать Антона, но нигде его не нашли. Потом выяснилось, что он до позднего вечера прошатался по улицам, боясь явиться домой. Но родители его так ничего и не узнали о разбитом графине.

Несколько дней подряд Антошка бегал от Двинских, а Вера Федоровна, встречая его, всякий раз звала:

— Эй, фокусник! Ну иди же сюда! Давай мириться!

Наконец Антон подошел однажды к ней, и они подружились.

Дудкин скоро забыл, что он остроумный, и его временное поглупение прошло.

1971 г.

МАСКА

Мы были в красном уголке. Сеня Ласточкин и Антошка Дудкин играли в пинг-понг, Аглая листала старые журналы, а я просто так околачивался, без всякого дела. Вдруг Аглая спросила:

— Сень! Что такое маска?

— А ты чего, не знаешь?

— Я знаю маски, которые на маскараде, а тут написано: «Маска с лица Пушкина».

Сеня поймал шарик, подошел к Аглае и взглянул на страницу растрепанного журнала. Мы с Дудкиным тоже подошли и посмотрели.

— Маска как маска. С лица покойника.

— Сень... А для чего их делают?

— Ну, для памяти, «для чего»! Для музеев всяких.

— А трудно их делать?

— Ерунда: налил гипса на лицо, снял форму, а по форме отлил маску.

— А с живого человека можно? — спросил Дудкин.

Сеня только плечами пожал:

— Ничего сложного: вставил трубочки в нос, чтобы дышать, и отливай!

Все мы очень уважали Сеню, и не только потому, что он был старше нас: он все решительно знал. Если мы говорили о том, что хорошо бы научиться управлять автомобилем, Сеня даже зевал от скуки.

— Тоже мне премудрость! Включил зажигание, выжал сцепление, потом — носком на стартер, а пяткой — на газ.

Заходила речь о рыбной ловле, и Сеня нам целую лекцию прочитывал: щуку можно ловить на донную удочку, на дорожку, на кружки, а жерех днем ловится внахлест и впроводку, а ночью со дна...

Управление машиной да рыбная ловля — дела все-таки обычные. Но отливка масок с живых людей... Мы до сих пор даже не подозревали, что такое занятие вообще существует. Узнав, что Ласточкин и в этом деле «собаку съел», мы только молча переглянулись между собой: вот, мол, человек!

— Пошли! — сказал Сеня и направился обратно к столу для пинг-понга. Дудкин пошел было за ним, как вдруг Аглая вскрикнула:

— Ой! Антон! Для выставки маску сделаем! Антошка сразу забыл про игру.

— В-во! — сказал он и оглядел всех нас, подняв большой палец.

Каждый год к первому сентября в нашей школе советом дружины устраивался смотр юных умельцев. Ребята приносили на выставку самодельные приборы, модели, рисунки, вышивки. Специальное жюри оценивало эти работы, и лучшие из них оставались навеки в школьном музее. Аглая с Дудкиным все лето мечтали сделать что-нибудь такое удивительное, чтобы их творение обязательно попало в музей. Это было не так-то просто: на выставку ежегодно представлялось больше сотни вещей, а в музей попадали две-три.

— В-во! — повторил Дудкин. — А гипс в «Стройматериалах» продается. Я сам видел. Сень! Покажешь нам, как отлить?

— Ага, Сень... — подхватила Аглая. — Ты только руководи. Мы все сами будем делать, ты только руководи.

Сеня у нас никогда не отказывался руководить. В свое время он был старостой нашего драмкружка (это когда ко мне в квартиру пригласили живого козла), руководил оборудованием красного уголка (тогда еще Дудкин перебил шлямбуром внутреннюю электропроводку). Теперь он тоже согласился:

— Ладно уж. Только быстрее давайте: мне в кино идти на пять тридцать.

Стали думать, с кого отлить маску. Ласточкин сказал, что хорошо бы найти какого-нибудь знаменитого человека: тогда уж маску

наверняка примут в музей. Дудкин вспомнил было, что в нашем доме живет профессор Грабов, но тут же сам добавил, что профессор едва ли позволит лить себе на лицо гипс. И вдруг меня осенило.

— Гога Люкин! — сказал я.

Аглая с Дудкиным сразу повеселели.

Гога Люкин жил в нашем доме. Он учился во втором классе, но его знала вся школа. Дело в том, что он был замечательный музыкант. Во всех концертах школьной самодеятельности он играл нам произведения Шуберта, Моцарта и других великих композиторов. Он был курчавый, большеглазый и очень щупленький, с большой головой на тонкой шее. Когда мы слушали его, нас всегда удивляло, как это он, такой крохотуля, может выбивать из рояля такие звуки. Но еще больше нас удивляло, что он в свои восемь лет сам сочиняет вальсы и польки и они получаются у него совсем как настоящие. Я сам слышал, как педагоги называли его «удивительно одаренным ребенком», и все мы были уверены, что Гога станет композитором.

— У него башка варит, — сказал Дудкин, кивнув на меня.

— «Варит»! — вскричала Аглая. — Да нам с тобой такого в жизни не придумать! Когда Гошка станет знаменитым, маску не то что в школьном — в настоящем музее с руками оторвут.

Мы надели плащи (на улице шел дождь) и побежали искать композитора.

На ловца, как говорится, и зверь бежит: мы встретили Гошку во дворе. Он был в зеленом дождевике из пластика, доходившем ему до пят, в таком же капюшоне, спускавшемся почти до носа.

Мы окружили Гошу. Аглая, Дудкин и я,

перебивая друг друга, объяснили, зачем он нам нужен. Нам не терпелось, мы хотели заняться отливкой маски немедленно. Композитор выслушал нас и остался совершенно равнодушным.

— Я сейчас не могу, — сказал он из-под капюшона.

Мы заговорили о том, что он своего счастья не понимает, что это большая честь для него, если его маска будет висеть в школьном музее. Но и это не произвело на него никакого впечатления. Похоже было, что ему наплевать на то, что он композитор и что его ожидает слава.

— Мне некогда, — сказал он. — Я в галантерею иду.

— А чего тебе делать в галантерее? — спросил Дудкин.

— У мамы завтра день рождения, и мне надо ей подарок купить.

— А чего ты ей хочешь подарить?

— Пудреницу. За рубль пятнадцать. — Композитор разжал ладонь и показал несколько двугривенных и пятиалтынных.

— Тю-ю! «Пудреницу»! — передразнила Аглая и обратилась к Ласточкину: — Сень, а две маски можно сделать?

— Да хоть десять. Была бы форма.

И тут мы все накинулись на композитора. Мы хором кричали о том, что глупо покупать грошовую пудреницу, когда можно сделать маме ценнейший подарок: ведь гипсовую маску можно повесить на стенку, она провисит там десятки лет, и мама будет любоваться ею, когда ее сын станет совсем большим. Это на Гошу подействовало. Он сдвинул капюшон и, подняв голову, посмотрел на нас. У него были черные, густые, как у взрослого, брови, и они все время шевелились, пока он раздумывал.

— А это долго? — спросил он наконец.

— Полчаса хватит, — ответил Сеня.

Композитор опять подвигал бровями.

— А со мной ничего не будет?

— Ну, чего с тобой может быть?! — воскликнул Антошка. — Полежишь чуток неподвижно — и готово!

Аглая добавила, что мы даже денег на гипс с Гоши не возьмем и он может купить на них что ему вздумается.

Композитор наконец согласился. Магазин «Стройматериалы» помещался в нашем доме. Минут через десять мы вошли в квартиру Антона. Папа и мама его были на работе.

— Ну, Сень, руководи, — сказал Дудкин. — С чего начнем?

Ласточкин прижал широкий подбородок к груди, потеревил толстую нижнюю губу.

— Халат давай. Или фартук. Мне! — приказал он низким голосом.

Мы поняли, что на этот раз он собирается не только руководить. Мы не возражали. Уж очень это было необычное дело — отливать маску.

Антошка принес старый материнский халат, в котором он занимался фотографией. Ласточкин облачился в него и подпоясался матерчатым пояском. Халат был не белый, а пестрый, весь в каких-то пятнах, но Сеня все равно походил в нем на профессора, который готовится к операции.

— Теперь чего? — спросил Антон.

Ласточкин велел нам устлать старыми газетами диван с высокой спинкой и пол возле него. Мы быстро исполнили приказание и молча усталились на Сеню. Он кивнул на композитора.

— Кладите его!

— Давай, Гоша, ложись, — сказал Дудкин. — Пластом ложись, на спину.

Все это время композитор стоял поодаль, сдвинув ноги носками внутрь, склонив курчавую голову набок и ковыряя в носу. Вид у него был такой, словно все наши хлопоты его не касаются. Пошуршав газетами, он улегся на диван и принялся что-то разглядывать на потолке.

— Сень! — сказала Аглая. — А разве гипс у него на лице удержится? Он же весь стечет!

Наш руководитель почему-то задумался. Он присел и посмотрел на Гошу сбоку, потом подошел к его ногам и стал смотреть композитору в лицо. Смотрел он долго, почесывая у себя за правым ухом. Наконец он обернулся к Дудкину:

— Кусок картона есть? Вот такой.

Антон достал из-за шкафа пыльную крышку от какой-то настольной игры. Сеня вырезал в ней ножницами овальную дыру и надел эту рамку композитору на голову так, чтобы из отверстия высовывалось только лицо. Затем Антон принес отцовские папиросы «Беломор», Ласточкин отрезал от них два мундштука и сунул их Гоше в ноздри.

Теперь композитор стал проявлять некоторый интерес к тому, что мы с ним делаем. С лицом, обрамленным грязным картоном, с белыми трубочками, торчащими из носа, он уже не смотрел на потолок, а, скосив глаза, следил за нами. Удивительные брови его то сходились на переносице, то ползли вверх, то как-то дико перекашивались.

А работа у нас кипела вовсю. Сунув ладони за поясок на халате, Сеня прохаживался по комнате и командовал:

— Таз!.. Воды кувшин!.. Ложку столовую!.. Вазелин!.. Нету? Тогда масло подсолнечное. Шевелитесь давайте, мне в кино скоро идти.

Мы и без того шевелились. В какие-нибудь три минуты и таз, и вода, и подсолнечное масло оказались на столе.

— Все! — сказал Дудкин. — Валяй, Сеня, действуй!

Наступил самый ответственный момент. Сеня смазал Гошино лицо постным маслом, потом засучил рукава по локти и принялся разводить гипс. Он работал, не произнося ни слова, только сопел. Он то подливал в таз воды, то добавлял гипса и быстро размешивал его ложкой. Аглая, Дудкин и я стояли тихо-тихо. Мне захотелось чихнуть, но я побоялся это сделать и стал тереть переносицу.

Скосив глаза на Сеню, композитор следил

за его работой. Он тоже молчал, но брови его прямо ходуном ходили. Кроме того, он зачем-то высунул язык и зажал его в уголке рта.

— Готово! — тяжело вздохнул Ласточкин. Он сел на край дивана рядом с Гошей, поставив таз себе на колени. — Закрой рот. И глаза закрой.

Композитор спрятал язык и так зажмурился, что вся физиономия его сморщилась.

— Спокойно! Начинаю, — сказал Сеня. Он горстью зачерпнул из таза сметанообразную массу и ляпнул ее композитору на лоб.

Лишь в последнюю секунду я заметил, что на лбу у Гоши темнеют выбившиеся из-под картона кудряшки. Я подумал, что не мешало бы их убрать, но как-то не решился делать замечания Сене.

Очень скоро Гошино лицо скрылось под толстым слоем гипса. Кончики мундштуков от папирос торчали из него не больше чем на сантиметр. Ласточкин поставил таз на стол.

— Дышать не трудно? — спросил он.

— Осторожно! Прольешь! — вскрикнули Дудкин и Аглая. Дело в том, что Гоша качнул головой, и гипс стал растекаться по картону.

Сеня подправил гипс, а Дудкин дал Гоше карандаш и большой альбом для рисования.

— Ты пиши нам, если нужно. На ощупь пиши.

После этого мы сели на стулья и стали ждать.

— Гош! Ну как ты себя чувствуешь? — спросила через минуту Аглая.

Композитор подогнул коленки, прислонил к ним альбом и вывел огромными каракулями «Х А Р А Ш О».

Через некоторое время Сеня потрогал гипс. Тот уже не прилипал к рукам.

— Порядок! — сказал руководитель. — Теперь скоро.

В этот момент композитор снова принялся писать. «Ж М Е Т И Ж А Р К О», — прочли мы.

— Нормальное явление, — успокоил его Сеня. — При застывании гипс расширяется и выделяет тепло.

Еще минуты через три он постукал пальцами по затвердевшему гипсу и обратился к нам:

— Значит, так: самое трудное сделано. Я форму сейчас сниму, а маску вы сами отольете. Мне в кино пора. — Он уперся коленом в диван и схватился за край картона. — Гошка, внимание! Держи голову крепче. Крепче голове!

Сеня потянул за картон, но форма не отделялась. Ласточкин дернул сильнее... Композитор вцепился ему в руки и так взбрыкнул ногами, что альбом полетел на пол.

— Ты чего? — спросил руководитель.

— Гош, на, держи, пиши! — Аглая подала композитору упавший альбом.

«В О Л О С Ы», — написал тот каракулями и, подумав, добавил: «Н А Л Б У И О К О Л О У Х». Потом он еще немного подумал и начертил поверх написанного: «И Б Р О В И».

— Чего? Какие брови? — спросил Ласточкин.

«П Р И Л И П Л О», — написал композитор.

После этого мы очень долго молчали.

— Вот это да-а! — прошептал наконец Дудкин.

— Ладно! Без паники! — сипло сказал Сеня, а сам покраснел как рак.

Он кусками оборвал картонную рамку и снова потянул, но композитор опять забрыкался.

— Не учли немножко, — пробормотал руководитель.

Он подступался и так и этак... Он хватался за гипсовый ком и со стороны подбородка, и сбоку, и сверху... Он то сажал Гошу, то снова укладывал его. Ничего не помогло! Всякий раз, как Сеня дергал за форму, композитор отчаянно лягался и размахивал руками.

Аглая, Дудкин и я почти с ужасом следили за этой возней. Смуглое лицо Аглаи стало каким-то зеленоватым, темная прядка волос повисла вдоль носа, и она ее не убирала. Антошка стоял, подняв плечи до самых ушей, свесив руки по швам... Самым страшным было то, что Гоша не издавал ни звука. Он только со свистом дышал через папиросные мундштуки.

— Небось даже плакать не может, — прошептала Аглая.

— Как в могиле, — кивнул Дудкин.

Зазвонил телефон.

— Лешк, подойди, — сказал Антон, не спуская глаз с композитора.

Я взял трубку. В ней послышался женский голос:

— Это квартира Дудкиных?

— Да.

— Гога Люкин у вас?

— У нас, — машинально ответил я.

— Скажите, чтобы он немедленно шел домой! — раздраженно заговорила женщина. — Я его по всему дому ищу. Скажите, что, если он через минуту не вернется, я сама за ним приду и ему уши надеру.

Когда я передал ребятам этот разговор, Дудкин чуть не заплакал от злости.

— У тебя в голове мозги или что? Не мог сказать, что его у нас нет!

— Недоразвитый какой-то! — прошипела Аглая.

Сеня поднялся с дивана. Он сделался вдруг каким-то очень спокойным.

— Так, значит... Где у вас руки вымыть? — спросил он и, не дожидаясь ответа, сам направился в ванную. Там он стал перед умывальником, а мы — за его спиной.

— Сень... Как же теперь? — спросила Аглая.

— Что — как? — буркнул тот и открыл кран.

— Как же с Гошей-то?

— К родителям его отведете, и все. Тут без взрослых не обойдешься.

Несколько секунд мы оторопело молчали.

— Сенья, а ты? — спросил наконец Дудкин.

— Мне в кино пора. Меня Боря ждет.

И снова наступило молчание. Руководитель скреб ладони под струей, а Дудкин и Аглая смотрели на его короткую шею, на толстые уши. И шея и уши были сейчас красные.

Потом Сенья быстро вытер руки полотенцем, потом он бочком, отвернувшись к стене, выбрался в переднюю... Там, стоя лицом к вешалке, он принялся надевать плащ. Он делал вид, будто совсем не торопится, но долго не мог попасть рукой в рукав.

— Значит... пока! — буркнул он, шмыгнув к двери, мгновенно открыл ее и затарахтел подметками по лестнице.

Только тут Аглая перестала молчать. Она выскочила на площадку.

— Трус паршивый! — крикнула она плачущим голосом и затопала правой ногой. — Трус

паршивый! Трус паршивый! Трус паршивый!

Дудкин молча втащил ее за локоть в переднюю.

— Хватит тебе! — сказал он сердито. — Давай жребий тянуть.

— Какой еще жребий? — всхлипнула Аглая.

— Ну, кто его домой поведет... Уж лучше пусть кто-нибудь один страдает, чем сразу все.

Но Аглая замотала головой и закричала, что не надо никакого жребия, что она скорее умрет, чем одна поведет Гошу к родителям.

Решили вести его все вместе. Наше счастье, что дождь усилился и во дворе никого не было, когда мы вели Гошу к подъезду. Собственно, вели его Аглая с Дудкиным, а я шел сзади. В своем зеленом дождевике до пят композитор семеня мелкими-мелкими шажками. От этого казалось, что он не идет, а будто плывет, совсем как танцовщица из ансамбля «Березка». Капюшон был натянут ему на голову, вместо лица белела гипсовая блямба. Гоша поддерживал ее ладонями, чтобы она не тянула за волосы, а его, в свою очередь, держали под руки Дудкин и Аглая. Они тоже семеняли, чтобы идти в ногу с композитором.

Наконец мы добрались до квартиры Люкиных. Аглая и Дудкин взглянули на кнопку звонка, но никто из них не подошел к ней. Дудкин вынул скомканный платок и принялся вытирать им лицо и светлые вихры на темени. Покончив с этим, он снова взглянул на кнопку и стал откусывать заусеницу на большом пальце. Аглая его не торопила.

— Противный мальчишка! Ну и наподдам я ему сейчас! — послышался сердитый голос.

Дверь распахнулась, и на пороге появилась

женщина, похожая на испанку, в красном шелковом плаще. Она застыла в красивой позе, положив левую руку на бедро, а правой держась за дверь чуть повыше головы.

— Что это еще у тебя? А ну-ка сними!

Композитор не шевельнулся.

— Я кому говорю? Сними сию минуту!

— Оно не снимается, — чуть слышно сказал

Антон.

— Это гипс... Он... он прилип... — пролепетала Аглая.

Гошина мама оглядела нас большими глазами и бросилась в переднюю.

— Аркадий! Иди сюда! — крикнула она.

Появился папа композитора, очень высокий и толстый. Над ушами у него курчавились волосы, а на темени поблескивала лысина. Брови у него были такие же густые, как у Гоши. Он мне понравился гораздо больше, чем мама. Он вышел вместе с ней на площадку, посмотрел на Гошу и сказал только одно слово:

— Любопытно!

Мама гневно зыркнула на него глазами, но промолчала.

— Он не отлипает, этот гипс... — снова залопотала Аглая и повернулась к маме: — Мы хотели маску сделать... чтобы вам... ко дню рождения...

— А как он дышит? — спросил папа.

— Вот... трубочки, — показал Антон.

Папа нагнулся, посмотрел на трубочки и, взяв своего сына за плечи, повел его в квартиру.

— Заходите, пожалуйста, — сказал он нам.

В комнате Аглая с Дудкиным невнятно объяснили ему, что у Гоши прилипли волосы на лбу и возле ушей, что брови тоже, может

быть, прилипли... Папа сел на стул и, поставив Гошу между колен, слегка подергал маску.

— Неплохо тебя упаковали!

— Тебе все шуточки! — сказала Гошина мама. Скрестив руки на груди, она сидела на краешке письменного стола.

Папа встал, вынул из ящика стола лезвие от безопасной бритвы и снова вернулся к Гоше.

— Теперь не вертись, а то порежу. — Осторожно сунув лезвие под край формы, он стал подрезать прилипшие к ней волосы.

— Я не могу на это смотреть, — сказала мама и ушла из комнаты.

Минут пять папа занимался своей работой. Наконец он вынул лезвие и передал Дудкину.

— Ну, а брови, наверное, пострадают. Держись! — Он дернул за форму, и та осталась у него в руках. В ней темнели волосы из Гошиных бровей, но их было немного.

Все мы смотрели на Гошу. Он стоял, крепко зажмурившись. Лицо его, сначала бледное, постепенно розовело. Вот он приоткрыл глаза и тут же снова зажмурился (как видно, он отвык от света). Но вот он снова их открыл и больше не закрывал. Мы думали, что он набросится на нас с кулаками или, по крайней мере, заплачет, но он ничего этого не сделал. Он посмотрел на форму, на всех нас, на папу и тихо спросил:

— Получится?

— Несомненно, — сказал папа и позвал, разглядывая форму: — Томочка! Операция окончена.

Мама быстро вошла в комнату.

— Мама, получится! — сообщил ей композитор.

Она присела перед своим сыном, разглядывая, повертела его в разные стороны.

— Выкиньте эту гадость! — сказала она, кивнув на форму.

— Что ты, голубушка! Твой сын такие муки перенес, и теперь, когда главное сделано... Нет, это дудки!

Антон принес гипс к Люкиным, и мы отлили две маски. Гошина мама очень смеялась: с каждой маски на нас смотрела такая сморщенная, такая перекошенная физиономия с зажмуренными глазами, что в школу ее неловко было нести.

С Сеней мы долго не разговаривали. Повстречавшись с нами, он обычно круто сворачивал и обходил нас, делая большую дугу.

1961 г.

ВНУЧКА АРТИЛЛЕРИСТА

Кончился урок. Зоя Галкина первой выскочила из-за парты и закричала:

— Второе звено, никуда не уходить! Обсуждаем вопрос о Леше Тучкове!

Затем она стала спиной к двери и приготовилась отпихивать от нее тех из нашего звена, кто попытается улизнуть. Впрочем, никто и не пытался: Зоя была маленькая, худющая, но очень сильная.

Меня еще никогда не обсуждали, и с непривычки у меня было довольно скверно на душе.

Когда посторонние ушли, звеньевая стала за учительский стол и обратилась ко мне:

— Ну, вот объясни теперь, почему ты до

такого дошел? Третьего дня арифметику не приготовил, вчера тоже столбом стоял, и сегодня... Вот объясни: какие у тебя причины?

В глубине души я чувствовал, что причина у меня только одна: мама давно не просматривала мой дневник и я позволил себе немного отдохнуть в середине учебного года.

Но говорить об этой причине мне как-то не хотелось, поэтому я сидел, водил указательным пальцем по парте и молчал.

— Даже ответить не может! — сказала Зоя. — А двенадцать человек из-за него сидят после уроков. У кого есть предложения? Нету предложений? Тогда у меня есть: мы должны пойти и подействовать на Лешкиных родителей. Вот!

Я помертвел. «Действовать на родителей» было самым любимым занятием Зои и еще трех девочек из нашего звена. Все мальчишки в звене уклонялись от этого дела. Аглая и Зина Брыкина тоже не принимали в нем участия, но я по слабости характера однажды не смог отвертеться и отправился с четверьмя девчонками «действовать» на родителей Петьки Будильникова.

Мы явились, конечно, вечером, когда Петины отец с матерью были дома. Нас пригласили в комнату, предложили сесть, но мы не сели. Стоя перед Петькиными родителями, Зоя вытянула руки по швам, склонила голову набок и заговорила тоненьким, не то чтобы вежливым, а даже каким-то жалобным голоском:

— Здравствуйте! Вы извините нас, пожалуйста, но мы пришли вас просить, чтобы вы поговорили с вашим Петей.

— Понима-а-аете, — простонала Тоня Машукина, — у Пети уже целых две дво-о-ойки по

чтению и три по истории, и он каждый день нарушает дисциплину.

— Он все-е-е звено-о тянет назад,— запела третья.

Так они высказывались поочередно все четверо. Петькин папа стоял перед ними со стаканом чая в руке, постепенно краснел и свирепо поглядывал то на Петьку, то на его маму. Сам Петька, тоже красный и злой, смотрел, набычившись, куда-то в угол.

Когда девчонки закончили свое выступление, Петькина мама закричала, указывая пальцем на сына:

— Вот! Вот до чего докатился! Свои же товарищи потеряли от него терпение. И не стыдно тебе в глаза-то им смотреть? Олух несчастный!

На следующее утро Будильников снова нарушил дисциплину. Хотя я во время нашего визита молчал как рыба, он девчонок почему-то не тронул, а меня поймал на улице и отлупил. Но я на него даже не обиделся. Теперь я представил себе, как эти четверо стоят у нас в квартире и «действуют» на мою маму и на моего папу. Меня такая тоска взяла, такое отчаяние, что я стал дергать носом, готовый расплакаться.

И вот тут поднялась Аглая.

— Зойка! — сказала она. — Ты, может быть, очень даже сознательная, а вот чуткости в тебе ни на столечко! Ты сначала спроси человека, почему он стал плохо учиться, а потом уж...

Зоя вытаращила глаза:

— Что-о-о? Я не спрашивала?! Я не спрашивала? Граждане, вы слышали?! Я его не спрашивала!!!

— Не кричи,— пробасила Зинаида. — Спро-

сильно спросила, а ответить человеку не дала.

— «Не дала»! Его спрашивали, а он молчал...

— Он очень стеснительный, вот и молчал,— сказала Аглая.— И вообще, Зоя, мы с ним в одном дворе живем, и уж нам лучше знать: Тучков не такой человек, чтобы без причины двойку получить.

— Ну факт! — подтвердил Антошка Дудкин.

Теперь даже Тоня из Зоиной четверки вступилась за меня:

— Зой! А может, и правда, тут нужно чуткость проявить! Может, у него условия какие-нибудь тяжелые или что-нибудь еще...

Зоя помолчала, глядя на меня, потом спросила уже другим тоном:

— Правда это? У тебя что, условия плохие?

Я молча кивнул и стал напряженно думать, какие у меня могут быть плохие условия.

Зоя тоже кивнула.

— Ну, так! А что тебе мешает заниматься?

— Шу... Шумка,— прошептал я.

— Что? Шум?..

— Шумка,— повторил я громче.

— Какая Шумка?

— Ну, собаку ихнюю так зовут,— пояснила Аглая, а Зина добавила:

— Ее небось за то и прозвали Шумкой, что от нее шум ужасный!

— Лаает очень? — спросила меня Зоя.

Я снова кивнул. Шумка действительно временами тявкала.

— Чего же твои родители смотрят?.. — начала было Зоя, но ее перебила Таня Высокова — очень ехидная девчонка:

— Между прочим, как-то странно! У нас целых две собаки и кошка, а я, между прочим, двоек не получаю.

На нее накинута Зинаида:

— Да ты что, совсем некультурная, да? Ты что, не знаешь — у разных людей нервы разные бывают! Мы вон с Васькой как запустим радиолу на полную силу — и нам хоть бы хны, а сосед сверху прибегает и весь трясется: у него от радиолы давление подпрыгивает.

Вот тут Антошка вскочил, выбежал вперед и закричал:

— А я знаю, почему у Лешки такие нервы никудашные! Вспомните! Вы только вспомните, чего он за лето пережил! С козлом — раз!

— Ой! Правда же! — вскрикнула Аглая. — С Бармалеем — два!

— А с черепом! — подхватила Брыкина. — Зойка, если бы ты такое пережила, ты бы до сих пор в психиатричке сидела.

Все, кто не знал о моих приключениях, попросили рассказать о них. Мои защитники принялись за дело с большим жаром.

— Откуда мы знали, что козел такой злощущий! — закончил Дудкин. — Мы-то все пошли обедать, а Лешка полтора часа от него по квартире бегал.

На других этот рассказ тоже произвел сильное впечатление. Наверное, не меньше минуты ребята молчали. Я не смотрел на них, но чувствовал, что они поглядывают на меня.

— Бледный какой! — тихо заметил кто-то.

Мне стало очень жалко себя. О других приключениях Аглая, Зина и Дудкин не успели рассказать. В класс вошла наша учительница Дина Федоровна, высокая, полная, седая.

— Долго заседаете, — сказала она. — Так что же вы решили относительно Лешки Тучкова?

Звеньевая отошла от стола, и учительница села за него.

— Дина Федоровна, мы все выяснили, — взволнованно заговорила Зоя. — У Лешки очень тяжелые условия дома.

— А-а-а! — протянула учительница и медленно кивнула.

— И еще знаете что, Дина Федоровна... У Тучкова очень плохая нервная система. Просто ужасная нервная система!

— Ах вот оно что! — Учительница снова медленно кивнула.

Тут звеньевая заявила, что мне не строгость нужна, а товарищеская помощь, и несколько человек вызвались со мной заниматься.

— Ну зачем же! — сказала учительница. — Мы уж попросим Климову. Она, правда, не из вашего звена, зато у нее круглые пятерки по арифметике.

Хотя Зоя и стала под конец на мою сторону, Аглая, Зина и Дудкин бранили ее всю дорогу от школы до дома.

— Зойка всегда так, — говорила Аглая, — сначала накинется на человека, а потом разбирается.

— Ну факт! — сказал Дудкин. — А завтра будет удивляться, почему он опять уроков не сделал. А разве он сможет заниматься после сегодняшнего! Смотрите — весь скрюченный! Лешка, ну разве ты сегодня заниматься сможешь?

Я еще больше скрючился и отрицательно помотал головой.

— Выбрали звеньевую на свою голову! — вздохнула Зинаида.

Уж не помню, как я доплелся до своей квартиры. У меня еле хватило сил дотянуться до звонка. Мама открыла дверь, и я предстал перед ней, подогнув коленки, свесив голову. Лямки ранца сползли у меня по рукавам до локтей.

— Что с тобой? — спросила мама.

Я молчал.

— Побил кто-нибудь?

Мне хотелось поделиться с мамой, рассказать, как плохие условия и расшатанные нервы привели к тому, что я заработал три двойки. Но, даже находясь на грани безумия, я смекнул, что этого делать не стоит. Я шепнул только:

— Нездоровится.

Мама ввела меня в переднюю, сняла ранец, шубу, шапку, пощупала лоб, забралась рукой мне за пазуху.

— Температуры вроде нет. Может, желудок? Не тошнит? Что ты вообще чувствуешь?

— Что-то с нервами, — тихо ответил я.

Мама рассмеялась и шлепнула меня пониже спины.

— Иди! Полежи немного, отдохни и — обедать!

На какое-то время я забыл о своем недуге. С аппетитом поел, потом гонял с ребятами во дворе. Дудкин и прочие тоже не вспоминали, что перед ними несчастный человек. Они так вывалили меня в снег, что мама устроила мне нагоняй.

— Пей молоко и садись делать уроки, — сказала она, надевая шубу. — Я по магазинам пойду.

Вот тут-то и началось!

Только я открыл арифметику, как в комнате явилась Шумка. Заметив, что я смотрю на нее, она села и стала, в свою очередь, смотреть на меня. Я знал, что, если на нее пристально глядеть, она обязательно тьякнет. И она тьякнула. Я отвернулся, уставился в задачу, которую надо было решить, и стал думать о том,

как трудно жить в одной квартире с собакой.

Шумка удалилась. Но заниматься я не мог. Я подозревал, что Шумка ушла в переднюю. А находясь там, она может в любой момент залаять, если услышит, что кто-то идет по лестнице. Я просидел минут пятнадцать затаив дыхание, так и не дождался Шумкиного лая и пошел узнать, где она находится. Она дремала под столом в кухне.

Вернувшись к себе в комнату, я снова сел за учебник и прислушался. Теперь в квартире стояла полная тишина. Хотя нет! Слышно было, как вода капает из крана в умывальнике. Я ужаснулся: вот до чего у меня сдали нервы! Ведь раньше я никогда не замечал таких пустяков.

Я до отказа завернул кран, закрыл дверь ванной и, снова сев за стол, попытался вникнуть в содержание задачи. Но наверху кто-то стал ходить и двигать стулья...

А потом пришла мама и вернулся с работы папа, и мама стала кормить его в кухне. Невнятные голоса родителей доносились оттуда, и не было никакой возможности сосредоточиться.

Я сказал маме, что сделал уроки, а сам решил положиться на помощь Даши Климовой.

Так как в дневнике моем еще не было маминых подписей, я «забыл» его утром дома. Но Дина Федоровна в тот день не вызвала меня. Только в конце дня она взглянула в мою сторону, потом посмотрела на Климову:

— Где там Матрена у нас?

Дашка встала. Она и в самом деле походила на Матрешку: круглолицая, румяная, со светлыми косами. У нее была одна особенность: всякий раз, когда ее вызывали, она шла к дос-

ке с таким сияющим видом, словно ее пригласили не урок отвечать, а получать премию.

Вот и теперь она стояла, смотрела на учительницу и улыбалась во весь рот.

— Ну, как там у вас, — спросила Дина Федоровна, — порядок в доме?

— Гы-гы! — засмеялась Климова. — Порядок.

За моей спиной сидели Нюся и Тоня.

— Гогочет да гогочет! — шепнула Нюся.

— Как дурочка! Ей палец покажи... — зашептала Тоня.

Дина Федоровна покосилась на них, и они умолкли.

— Так вот, Матрена, довольно тебе только для себя отметки зарабатывать. Пора и другим помочь. Я попрошу тебя подзаняться с Лешей Тучковым. У человека очень тяжелые условия дома. Поможешь ему?

— Гы-гы! Помогу, — ответила Дашка, и девочки за моей спиной снова зашипели.

Это было на предпоследнем уроке. В перемену Даша подошла ко мне. Она уже не улыбалась.

— Если хочешь сегодня заниматься, так пошли ко мне сразу после уроков. У нас нельзя вечером: родители с работы вернутся, брат придет...

Когда уроки кончились, она тут же бросилась вон из класса.

— Эй, Тучков! Ты поскорей, у меня ни минуты...

Выйдя из школы, Климова зашагала так быстро, что мне скоро стало жарко. Некоторое время она молча поглядывала на меня, потом вдруг сказала:

— Тучков! Хочешь, правду скажу?

— Какую правду?

— Дина Федоровна тебя на пушку взяла.

— Что? — не понял я.

— Понимаешь, Дина Федоровна знает, что у меня условия сейчас хуже всех в классе. Она с нами на одной площадке живет.

Я невольно стал замедлять шаги, но Дашка повысила голос:

— Только ты, если хочешь идти, давай не останавливайся. У меня времени — во! — Она провела рукой по горлу. — В общем, понимаешь, Дина Федоровна мне еще вчера сказала: «Пусть, говорит, этот Тучков увидит, в каких условиях люди живут и умудряются хорошо учиться». А вообще-то она знает, что мне с тобой некогда возиться: дай Бог самой не отстать.

— А... зачем же мне тогда идти?.. — наконец проговорил я.

— Ну, посмотришь, как мы живем. Если захочешь — потренируешься немножко.

— Потренируюсь?

— Ну да. Решать задачки в трудных условиях. Мы с братом тоже не сразу привыкли. Нас дедушка натренировал.

— Дедушка?!

— Ага. Он артиллерист бывший. В войну батареей командовал.

Я хотел было спросить Дашу, какая связь между решением задачек и командованием артиллерийской батареей, но она стала рассказывать, почему у них дома тяжелые условия. От быстрой ходьбы она запыхалась не меньше меня и говорила отрывисто:

— К нам тетя приехала... мамина сестра... А с нею — три сынишки... Маленькие. Тетя дня на два остановилась... Проездом... И сломала ногу... Скоро месяц в больнице... А сы-

нишки у нас. Бандиты законченные... Ходят на головах... Хотя что им ни говори!

— А... а при чем тут дедушка-артиллерист?

— А при том, что он объяснил нам с братом. Ему знаешь какие задачки приходилось решать?.. Чтобы цель накрыть... Тригонометрические! Мы их еще когда проходить будем! А тут бой идет, грохот кругом... Убьют, того и гляди... Попробуй сосредоточиться! Один раз дедушку ранило, а он все равно расчеты производил...

— И вы натренировались?

— Живенько! Тут главное — не обращать внимания.

Некоторое время я шагал молча. Я чувствовал, что мне следует обидеться на Дину Федоровну, которая не захотела понять, как у меня плохо с нервами. И в то же время было интересно ощутить себя в положении командира батареи и попробовать решить задачку, не обращая внимания на Дашкиных «бандитов».

Улица, куда мы свернули, состояла из ветхих домишек в один или два этажа. Мы шли вдоль правой стороны улицы, а всю левую ее сторону сносили. Одни строения стояли там без стекол в окнах, без крыш, от других остались груды мусора, перемешанного со снегом. Зубастые экскаваторы захватывали этот мусор и с грохотом вываливали его в кузова самосвалов. В иных местах даже мусора не осталось, и там ползали, утюжа землю, бульдозеры. Рычание моторов, лязг, грохот наполняли улицу. Где-то, как пулеметы, тархтели отбойные молотки.

— Летом и нас переселят! — прокричала Даша.— Сюда! Пришли!

Дом, в котором она жила, был двухэтажный, деревянный. Когда мы поднялись на вто-

рой этаж, дверь, обитая старой клеенкой, открылась, и из нее выскочил мальчишка лет тринадцати, похожий на Дашу. Пальто на нем было распахнуто, фуражка сидела криво. В руке он держал портфель.

— Я пошел... Тебя в окно увидел... Мне тетради надо купить, — сказал он и помчался вниз.

Прямо с площадки мы попали в просторную кухню с дощатым полом и с маленькими окнами. Газовая плита здесь была, а водопровода я не заметил.

— Раздевайся! Вешалка тут!

Снимая шубу, я поглядывал на открытую дверь в соседнюю комнату. Там что-то тяжело шаркало и скребло по полу, и несколько голосов кричало хором:

— Дыр-дыр-дыр-дыр-дыр!..

Иногда кто-то выкрикивал:

— Жжжжадний ход!.. Передний ход!..

Звуки эти приближались, и вот я увидел, как из двери в кухню въехал стул. Его толкали в ножки оцинкованное корыто. В корыте сидел мальчишка лет трех, с совершенно круглой головой и оттопыренными ушами. Сзади, елозя по полу на коленках, толкали корыто еще двое мальчишек, такие же круглоголовые и лопоухие. Только одному было лет пять, а другому, наверное, шел седьмой.

— Дашк! Во! Бульдозер! — сказал старший, и все закричали с удвоенной силой:

— Дыр-дыр-дыр-дыр-дыр!..

Стул наехал на мусорное ведро и уперся в стену.

— Жжжжжадний ход! — прокричал «водитель», и его поволокли обратно в комнату.

— Видал? Хочешь потренироваться? — спросила Даша.

Я молча кивнул.

— Тогда садись и доставай задачник. А то мне их кормить минут через двадцать. За столом места не хватит.

Я сел за стол, накрытый клеенкой, вынул из ранца учебник и нашел задачу, которую не смог решить вчера. Даша поставила на плиту большую кастрюлю и зажгла газ.

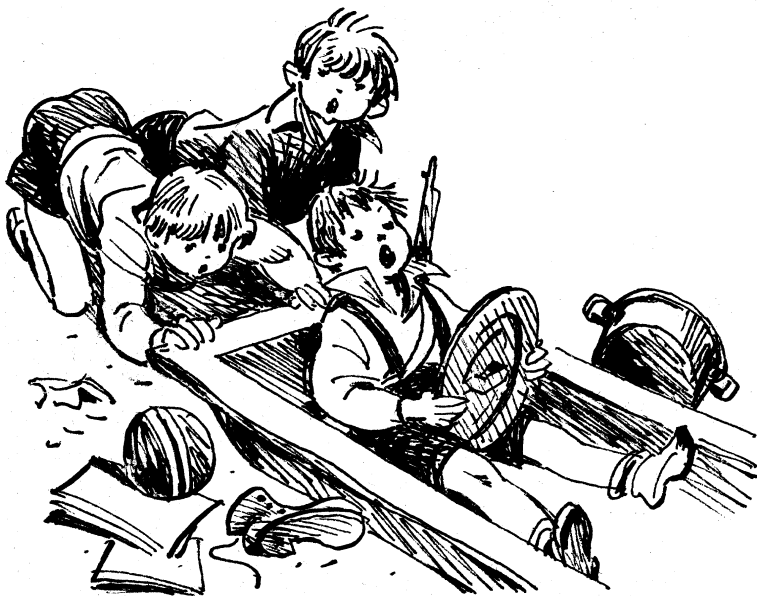
— Читай условие! — приказала она.

— «Два поезда вышли из двух городов навстречу друг другу в одиннадцать часов утра...»

Снаружи дома что-то зарычало, и через секунду там так бухнуло, что посуда на полках зазвенела.

— Опять начала! — заметила Даша, пробуя с ложки суп.

— Кто начала? — спросил я.

— Блямба.

— Кто?..

— Ну, блямбой мы ее зовем. Вон она за окном.

Через дорогу стоял полуразрушенный кирпичный домишко, а возле него подъемный кран на гусеницах. К стреле его была подвешена огромная чугунная гиля, ростом с меня, но только потолще. Я понял, что это и есть «блямба». Рыча, кран повернулся, отвел стрелу с блямбой от дома, затем мотор его взревел, и кран стал быстро поворачиваться в обратную сторону. Блямба ухнула со всего размаха в кирпичную стену, посыпались обломки, взметнулось облако красной пыли, и посуда зазвела снова.

— Ну, читай давай, не отвлекайся!

— «Два поезда вышли навстречу друг другу в одиннадцать часов утра и встретились в четырнадцать часов того же дня...»

— Дыр-дыр-дыр-дыр-дыр! Жжжжадний ход!

— «Первый поезд проходил в час по сорок пять километров, а второй — пятьдесят километров...»

Бух!

— «Найти расстояние между городами».

— Передний ход! Дыр-дыр-дыр-дыр!..

— Ну, что сначала надо узнать? Сообрази!

Я принялся было соображать, но невольно покосился на открытую дверь слева от меня. Комната за дверью была большая. В глубине ее, боком к двери, стояли две раскладушки, накрытые одеялами. Они как-то странно держались. Скоро я увидел, как, проталкиваясь между раскладушками, ползет спинка еще одного стула, за нею движется голова «водителя», а за ней — приподнятые зады его братьев.

— Жадний ход!

— Не! Сюда поворачивай! Сюда же, ну! Дыр-дыр-дыр-дыр!..

— Сообразил? — спросила Климова.

Я не только не сообразил. Я начисто забыл условие задачи.

— Ты все-таки думай! А то этак никогда не натренируешься.

Я-то думал... Только не о задачах, а о своих нервах.

— Сообразил?

— Дыр-дыр-дыр-дыр!..

Дашка подошла ко мне, заглянула в мое опущенное лицо.

— Ты что, совсем слабенький, да? Они же в той комнате играют! В таких условиях что хочешь можно решить.

Бух! Этот звук напомнил мне о Дашкином

дедушке-артиллеристе, который даже раненый командовал батареей. И мне стало досадно: неужели я не такой человек? Неужели я никогда не смогу командовать батареей?

— Ну, вот чего! — рассердилась Дашка. — Или говори, что первым делом надо узнать, или уматывай отсюда! Некогда мне с тобой...

Я вцепился руками в края стула и, стиснув зубы, уставился в задачник. Даша отошла к плите.

— Дыр-дыр-дыр-дыр-дыр!.. В кухню ехай!

«Никакого мне дела нет до вашего «дыр-дыр-дыр»! — говорил я себе. — Я знаю одно: поезда вышли в одиннадцать часов, а встретились в четырнадцать...»

— Ну! — крикнула Даша.

— Сейчас! — ответил я. — «Вышли в одиннадцать часов, а встретились в четырнадцать...»

— Дыр-дыр-дыр-дыр!.. (Стул, толкаемый «бульдозером», появился в кухне.) Поворачивай! К столу поворачивай!

Краешком глаза я заметил, что стул теперь движется прямо на меня. Я вскочил, передвинул свой стул к другой стороне стола и притянул к себе учебник... «Вышли в одиннадцать часов, а встретились в четырнадцать...»

— Жадный ход! — завопил «водитель».

Бух! — раздалось за окном.

— Есть! — закричал я. — Первый вопрос: «Сколько часов пробыли в пути два поезда?»

— Во! А ты говоришь! — обрадовалась Дашка. — Решай теперь!

Стул, толкаемый «бульдозером», уперся спинкой в край стола.

— Жжжжадный ход! — снова крикнул «водитель», но братья почему-то продолжали толкать.

Ножки стула подъехали под стол, и стул свалился, треснув «водителя» по голове. Тот заревел, но я не обратил на это никакого внимания. Я был в полном восторге от себя.

— От четырнадцати отнять одиннадцать равняется три! — закричал я так, словно вокруг и в самом деле гремела канонада.

— Правильно! — одобрила Даша, вытаскивая «водителя» из-под стула. — Дальше давай!

Я решил задачу, когда три Дашкиных «бандита» играли уже в другую игру: старший ползал по кухне на четвереньках с перевернутым корытом на спине.

— Дашк! Я черепаха, во панцирь у меня! Гав! Гав! Рррр!

Два других братца лупили по корыту старой кастрюлькой и игрушечным ружьем. «Черепашка» бросалась на них и почему-то лаяла, а я в это время кричал:

— Ррррасстояние между городами равняется двести восемьдесят пять километррров!

«Черепашка» налетела на меня и стукнула ребром корыта под коленку. Я чуть не взвыл, но вспомнил, что Дашкин дедушка тоже был ранен.

Я ушел от Климовой, хромя на одну ногу, зато со здоровой нервной системой.

1970 г.

КАК МЕНЯ СПАСАЛИ

Дело было ранней весной. Мы с Аглаей пришли на речку, чтобы полюбоваться ледоходом, но он почти уже кончился. Вспухшая вода та-

щила теперь ледяную мелочь да всякий сор, а крупные льдины проплывали редко.

Мы сели на бревна, сваленные на берегу, и стали грызть подсолнухи. Аглая щелкала их лихо, бросая семечки в рот и выплевывая шелуху метра на три от себя. Я с завистью поглядывал на нее и старался ей подражать, но у меня ничего не получалось. Каждое семечко я мусолил по целой минуте, подбородок и руки мои стали мокрыми от слюны, и к ним прилипла шелуха.

— Сегодня и глядеть-то не на что, — сказала Аглая. — Вот вчера — это да! Вчера такие льдины плыли — весь мост дрожал. А на одной льдине мы кошку видели. Бегает, мяукает!.. Мне так жалко ее было... Просто ужас!

— Бывает, что и людей уносит, не то что кошек, — ответил я. — На Днепре вот двоих девчонок унесло, а пятиклассник их спас.

Аглая покосилась на меня:

— Кто-о?.. Пятиклассник? Выдумываешь!

— Не веришь? Почитай вчерашнюю «Пионерку». Девчонки маленькие были, лет по шести... Их на льдине стало уносить, а они попрыгали в воду, думали — мелко, и начали тонуть. А пятиклассник схватил большую доску, подплыл к ним на ней и спас.

— У!.. На доске! На доске и я бы спасла. А что ему было за то, что он спас?

— Какой-то грамотой его наградили и ценным подарком. А в «Пионерке» даже портрет его напечатали. Погоди, у меня, кажется, с собой эта газета: я в нее бутерброд заворачивал.

Газета действительно оказалась у меня. Я передал Аглае скомканный листок. Шепча себе под нос, она прочла заметку «Отважный поступок Коли Гапоненко» и принялась разгля-

дывать помещенный тут же Колин портрет.

— Во, Лешка! Небось этот Колька не думал и не гадал, что про него в газете напечатают! Вчера был мальчишка как мальчишка, никто на него и внимания не обращал, а сегодня — нате вам! — на всю страну прославился.— Она вернула газету мне.— Вот бы нам кого-нибудь спасти!

Я промолчал: не хотелось признаваться, что я сам плаваю как топор.

— И чтобы наши портреты тоже напечатали,— продолжала Аглая.— Ты бы в чем сфотографировался? Я бы знаешь в чем? Я бы в новом берете, что мне тетя Луша подарила. Мы бы с тобой шли по улице, а нас бы все узнавали: «Глядите! Глядите! Вот те самые идут... которые спасли». Во было бы! Да, Лешка?

Я пробормотал, что это, конечно, было бы неплохо. Аглая совсем размечталась:

— Лешк! А в школе?.. Вот бы ребята на нас глаза таращили! А мы бы ходили себе, будто ничего такого и не случилось, будто мы и не понимаем, чего это все на нас так смотрят. Мы бы не стали воображать, как некоторые. Да, Лешка? Ну чего, мол, такого особенного! Ну спасли человека и спасли — подумашь какое дело! Верно, Лешка, я говорю?

Я молча кивнул. Аглая вскочила на ноги.

— А что, думаешь, мы не могли бы спасти? — почти закричала она.— Вот если бы сейчас тут на льдине кого-нибудь понесло, думаешь, мы не смогли бы спасти?

— Смогли бы, наверное... Если бы на доске.

Аглая сжала худенькие кулаки, топнула сапожком по бревну, на котором стояла, и, подняв лицо к небу, замотала головой:

— Эх! Ну вот все бы отдала, только бы сейчас здесь кого-нибудь на льдине понесло!

Я сказал, что надеяться на это не стоит, что такие счастливые случаи выпадают редко.

Аглая притихла. Она зажала указательный палец зубами и с минуту думала о чем-то, глядя на речку. Вдруг она села на бревна и повернулась ко мне:

— Лешк! А давай друг друга спасем.

— Как это — друг друга? — не понял я.

— По очереди: сначала я тебя, потом ты меня.

— Как это — по очереди?

— А так! Видишь льдину? Ее чуток от того бревна отпихнуть, она и поплывет...

— Ну и что? — спросил я.

— А вот и то! Неужели не понял? Ты стань на эту льдину, а я буду гулять по берегу, будто тебя не замечаю. А потом ты вон тем шестом оттолкнись и кричи: «Спасите!» Только громче кричи, чтобы люди с моста услышали. Они побегут тебя спасать, а я первая брошусь в речку, и ты тоже бросайся, и я тебя вытащу. И получится, вроде я тебя спасла.

Я даже отодвинулся от этой сумасшедшей и молча заматал головой.

— Во! Струсил уже! — воскликнула Аглая.

— Вовсе я не струсил, а просто... просто я не хочу лезть в холодную воду. Тут знаешь, как можно простудиться!..

— «Простудиться»! Эх, ты!.. «Простудиться»! Люди в проруби зимой купаются и то не простужаются, а ты несколько секунд помокнуть боишься. Ведь сбежится народ, так тебя сразу десятью шубами с ног до головы укутают.

— И еще... и потом, я плавать... Одним словом, я плаваю не очень хорошо,— пробормотал я.

Аглая вскочила.

— Да зачем тебе плавать? — закричала она.— Ты погляди, тут воды по пояс! Мы только для виду побарахтаемся, и я тебя вытащу.

Я тоже приподнялся и посмотрел на воду. Берег в этом месте спускался очень полого. Даже в двух метрах от него можно было разглядеть консервную банку, белевшую под мутной водой. Похоже, что и правда утонуть здесь было нельзя, но я продолжал сопротивляться. Я сказал, что это вообще очень нехорошо и нечестно — обманывать людей.

— Вот чудак! «Обманывать»! — передразнила Аглая.— Какой же тут обман, если мы и в самом деле могли бы спасти, да нам случай не выпадет! Чем мы виноваты, что здесь никто не тонет? А хочешь совсем без обмана, так давай отплывай на льдине подальше, и я тебя взаправду спасу... А денечка через два ты меня спасешь, и тоже без обмана... Хочешь, я с моста сигану? На самой середке! А ты заранее доску пригодишь и меня спасешь.

От такого предложения меня затряс озноб. Я промямлил, что слава меня вообще не так уж интересуется.

— Тебя не интересуется, ну и не надо,— согласилась Аглая.— Давай я одна тебя спасу.

Я и на это не согласился. Мы долго спорили. Аглая то ругала меня трусом, то говорила, что я самый отчаянный мальчишка во всем дворе, что только я могу отважиться на такое дело. Я не попался на эту удочку. Тогда она обозвала меня эгоистом паршивым. Я сказал, что эгоистка, наоборот, она: ей хочется славы, а я мокни из-за этого в ледяной воде. Мы совсем уже поссорились, как вдруг Аглае пришла в голову новая мысль:

— Ладно! Не хочешь мокнуть — не надо.

Мы давай вот чего — ты становись на льдину, плыви и кричи: «Спасите!» А я брошусь в воду, протяну тебе шест и притащу тебя к берегу. Вместе со льдиной притащу, ты даже ноги не промочишь. Идет?

Я почувствовал, что деваться мне больше некуда, что, если я и теперь откажусь, Аглая в самом деле примет меня за труса. С большой неохотой я согласился. Я только сказал Аглае, чтобы она не вздумала спасти меня без обмана, и еще раз напомнил ей, что плаваю неважно.

Аглая сразу повеселела.

— Не! Мы тут, у бережка, — сказала она и, отбежав к тропинке, тянувшейся вдоль реки, приглушенным, взволнованным голосом стала меня торопить: — Иди! Я здесь буду гулять, а ты иди. Ты вон тем шестом оттолкнись и бросай его на берег. Иди! Ну, иди!

Однако я не двинулся. Переходить на льдину мне ужас как не хотелось. Все еще стоя на бревнах, я посмотрел на мост, видневшийся метров за пятьдесят от нас. Там шли люди, тащились подводы, с глухим гулом катились грузовики... Я повернулся и оглядел наш берег. Здесь не было домов. От самого моста тянулись дощатые заборы каких-то складов да фабрик, а дальше начинался луг. И на всем протяжении от моста до луга я не увидел ни одной человеческой фигуры. Только Аглая торчала на тропинке.

— Ну чего стоишь! Опять струсил? Иди! — сказала она сердито.

Я вздохнул и сошел с бревна. Медленно скользя и увязая в раскисшей глине, добрался я до шеста и поднял его, испачкав руки. Льдина только самым краешком касалась берега, и мне пришлось сделать шаг по воде, прежде чем стать на нее.

Утвердившись на льдине, я взглянул на Аглаю. Она прогуливалась по тропинке, заложив руки за спину, разглядывая что-то в небе, и фальшиво распевала пискливым голоском:

Куда, куда вы удалились...

Вот она зыркнула на меня одним глазом, на секунду приостановилась, тихонько сказала: «Толкайся! Отталкивайся!» — и снова заверещала:

Весны моей золотые дни...

Я мысленно говорил себе, что здесь мелко, что никакой опасности нет, что через минуту я снова буду на берегу. Но мне это не помогло. Тяжелое предчувствие так угнетало меня, что коленки стали совсем слабыми, как после долгой болезни.

— Толкайся, дурак! — слышалось с берега. — Трусись, да? Толкайся!

Что-о-о день грядущий мне гото-о-вит...

Машинально я уперся шестом в камень, лежавший на берегу. Льдина не подалась. Так же машинально я попятился назад. Край льдины, касавшийся дна, теперь приподнялся, и она стала медленно поворачиваться вокруг сваи, торчащей из воды.

Пение на берегу прекратилось.

— От столба... от столба оттолкнись! — приглушенно донеслось оттуда.

Я оттолкнулся шестом от сваи и увидел, как берег, дощатый забор на невысоком косогорчике и стоящая у забора Аглая поплыли влево.

— Бросай шест! Махай руками! Кричи! — скомандовала Аглая, следя за мной краешком глаза.

Я бросил шест на берег, помахал немножко руками и сказал «спасите» так тихо, что сам себя не услышал.

— Э-эй! На помощь! — крикнула что было сил Аглая и понеслась с косогора к брошенному шесту. Скачок, другой, третий... Шлеп! Ноги Аглаи увязли, и она растянулась в грязи.

Мне бы нужно было спрыгнуть в воду да идти к берегу, но я этого не сделал. Я смотрел на Аглаю. Она вскочила, рванулась и снова упала. Когда она добралась наконец до шеста, я уплыл уже метров на пятнадцать вперед. Подняв шест, Аглая побежала, с трудом выдирая ноги из грязи. Тут я увидел, что пологий берег кончился. Теперь в трех метрах от меня

тянулся невысокий глинистый обрыв с пучками старого дерна наверху. Вплотную к обрыву бежала темно-бурая вода, бежала быстро, закручиваясь водоворотиками, неся соломинки и щепочки.

«Все! Так я и знал! Теперь все!..» — пронеслось у меня в голове.

О чем я еще тогда думал, я не помню. Кажется, ни о чем. Я стоял лицом к мосту, стоял согнувшись, широко расставив ноги, растопырив руки. Я даже не кричал, а только смотрел.

Вот я увидел, как Аглая появилась над краем обрыва и, волоча по дерну шест, пустилась меня догонять. Вот она поравнялась со мной. Ее пальто, коленки и даже подбородок были заляпаны грязью; бледное лицо было обращено ко мне, и маленькие темные глаза смотрели на меня так пристально, что казалось, она вот-вот оступится и полетит с обрыва. Несколько секунд она бежала молча вровень со мной, потом слегка обогнала льдину, остановилась и опустила с обрыва шест.

— Прыгай! Прыгай! Тут близко!

Как она ни тянулась, но от конца шеста до меня было не меньше двух метров. Я молча проехал мимо.

Аглая снова обогнала льдину, снова остановилась и снова опустила шест.

— Прыгай! Тут близко. Плыви!

— Не умею. Совсем! — сказал я вдруг очень отчетливо и громко.

Аглая ничего не ответила. Она опять затрусила рысцей вдоль обрыва. По лицу ее было видно, что она теперь уже не знает, зачем бежит.

— Ма-ма-а! — позвал я громко, тоже не зная зачем.

Аглая бежала, молчала и смотрела на меня.

— Ма-ма-а-а! — крикнул я еще протяжной.

Вдруг Аглая взглянула куда-то вперед, приостановилась, о чем-то думая, а потом рванулась и побежала так быстро, что конец шеста, который она волочила, запрыгал по бурой траве.

Очень медленно, осторожно я повернулся, чтобы посмотреть вперед. Льдина колыхалась при каждом моем движении, ноги у меня тряслись.

Аглаю я увидел метров за десять впереди. Она уже не бежала. Она сидела на берегу, свесив ноги вниз. Возле нее под обрывом топорщился одинокий ивовый куст, нижние ветки которого мокли в воде.

Еще не поняв, что хочет делать Аглая, я машинально нагнулся и вытянул руки вперед. Дальше все произошло очень быстро. Льдина почти поравнялась с Аглаей. Аглая, как была — в сапожках и в пальто, скользнула с обрыва. Всплеснулась вода, полетели брызги... Конец шеста, выброшенного Аглаей, заскреб по краю моей льдины. Я сел на корточки и что было сил вцепился в мокрое дерево.

— Прыгай! — услышал я голос Аглаи.

Но я не прыгнул. Я только цеплялся за шест. Сначала меня потащило со льдины, потом ноги мои уперлись в какой-то бугорок. Я увидел голову Аглаи в воде под кустом, увидел ее красную руку с побелевшими косточками, цепляющуюся за ветку, увидел другую руку, державшую противоположный конец шеста...

— Прыгай! Прыгай! — снова закричала она, но прыгать уже было не нужно: подтянутая шестом льдина причалила к берегу по другую сторону куста, да так удачно, что рядом с ней на обрыве оказался выступ.

Я перешагнул на него и даже ног не замочил. Как я выбрался наверх, как вскарабка-

лась туда Аглая, я не запомнил. Я только помню, как она предстала передо мной в потемневшем от воды коричневом пальто, с забрызганным лицом. Некоторое время мы молчали и только смотрели друг на друга. Приоткрыв рот, Аглая дышала, как паровоз. Нижняя челюсть у нее дрожала крупной дрожью.

— Живой, — шепнула она тихо.

Тут я немного пришел в себя и заплакал:

— Дура противная! Из-за тебя все это!..

Я замахнулся на свою спасительницу, но она не заметила этого. Она смотрела через мое плечо куда-то вдаль.

— Бежим! Вот люди! Бежим! — закричала она и пустилась к ближайшему проулку между фабричными заборами.

Я оглянулся. От моста по тропинке вдоль берега, растянувшись неровной цепочкой, к нам бежали люди. Бежали мужчины, бежали женщины, бежали ребяташки... Впереди всех, уже метрах в пятидесяти от нас, переваливаясь с боку на бок, бежала толстая тетенька в черном пальто, с красной кошелкой в руке.

Я повернулся и пустился к проулку вслед за Аглаей. Всю дорогу мы молчали, и лишь в воротах дома Аглая проговорила:

— Смотри никому не болтай, слышишь? Скажи, что я нечаянно в воду упала: стала на льдину, поскользнулась и упала... Слышишь? Заболею, наверное, теперь.

Аглая не заболела. На следующий день она вышла во двор как ни в чем не бывало. Я молчал о своей поездке на льдине, молчала об этом и Аглая. О славе она больше не вспоминала.

Только теперь, через много лет, она позволила мне рассказать эту историю.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Много лет назад, возвращаясь из командировки, скрипучей морозной порой заехал я на Сахалин погостить к своему приятелю. Я ввалился к нему весь в инее, и целый вечер в его промерзлой комнатушке мы говорили про далекую нашу Москву.

За окном горели обветренные звезды, шумел прибой, качались возле сопок заледенелые усталые корабли, а мы вспоминали, вспоминали, вспоминали...

Но вскоре я стал вздремывать, забрался в кровать и вдруг услышал хихиканье, а потом и настоящий хохот. Высунув из-под одеяла голову, я увидел, как, светя фонариком, чтобы не разбудить меня, мой друг читает какую-то книгу и то и дело заливается смехом.

— Ты что это? — удивился я.

— Сотника читаю. «Гадюку». Помнишь? Нет, ты послушай! — И он, учитель физики, стал читать вслух отрывок за отрывком и снова смеялся, как мальчишка.

Я тоже рассмеялся и сказал:

— Ну хватит хохотать единолично! Давай вместе.

И мы наперебой стали читать друг другу и «Гадюку», и «Архимеда» Вовки Грушина» и «Человека без нервов»... И совсем забыли про

холод, про шум задувающего в щели ветра и чувствовали себя так, словно с берега Тихого океана перенеслись в камыши на берегу реки, где команда спасателей пыхтит, вытаскивая со дна изобретателя Вовку с его подводным агрегатом, а потом — в переполненный вагон поезда, где прячется сбежавшая от юного натуралиста Бори гадюка... Мы оказались в шумном детстве, которым наполнил свои добрые и веселые рассказы прекрасный писатель Юрий Вячеславович Сотник.

С той поры прошло много лет, пронеслось много и грозных и радостных событий, а рассказы Юрия Сотника по-прежнему радуют и радуют все новых мальчишек и девчонок. За это время у писателя появилось немало новых рассказов: и «Внучка артиллериста», и «Как меня спасали», и «Дудкин острит», и повесть «Приключение не удалось», и многое другое. Книжки Ю. Сотника в любой библиотеке ребята зачитывают «до дыр».

Окажешься где-то на Чукотке или в Калининграде, зайдешь в детскую библиотеку и часто услышишь:

— А Сотник есть?

— Можно Сотника?

Посмотришь, как с удовольствием берет книгу юный читатель, вспомнишь, как сам впервые взял в руки рассказы Юрия Сотника, и радуешься за человека. Потому что ему предстоит знакомство с замечательным выдумщиком, умным собеседником, веселым и озорным рассказчиком.

Виталий Коржиков

СОДЕРЖАНИЕ

Об авторе и его героях	5
«Архимед» Вовки Грушина	7
Дрессировщики	26
Кинохроника	52
Учитель плавания	68
Гадюка	85
Как я был самостоятельным	97
«На тебя вся надежда...»	120
Дудкин острит	159
Маска	180
Внучка артиллериста	195
Как меня спасали	211
<i>В. Коржиков. Послесловие</i>	222

СЕРИЯ «ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА»

Литературно-художественное издание

Для младшего и среднего школьного возраста

Сотник Юрий Вячеславович

ВОВКА ГРУШИН И ДРУГИЕ

Рассказы

Ответственный редактор *Н. Е. Дубань*

Художественный редактор *Е. М. Ларская*

Технический редактор *И. П. Савенкова*

Корректор *В. В. Борисова*

ЛР № 010003 от 28.08.96

Сдано в набор 10.02.98. Подписано к печати 18.05.98.
Формат 84x108 ¹/₃₂. Бум. офсетная № 1. Шрифт «Школьный».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,76. Уч.-изд. л. 9,9.
Тираж 50 000 экз. (2-й завод 15 001 — 22 000 экз.) Заказ №

Орден Трудового Красного Знамени и Дружбы народов
издательство «Детская литература» Министерства РФ по делам
печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
103720, Москва, Центр, М.Черкасский пер., 1.